

Эрик Найт Лесси

Эрик Найт Лесси

Посвящается доктору Гарри Джарретту – человеку, который понимает собаку.

Глава первая НЕ ПРОДАЕТСЯ

В поселке Гринол-Бридж каждый житель знал Лесси, питомицу Сэма Керраклафа.

Она была, можно сказать, самой известной собакой на всю округу – и по трем причинам.

Во-первых, чуть ли не каждый в поселке признал бы, что не видывал колли красивей ее.

Это высокая похвала, потому что Гринол-Бридж находится в графстве Йоркшир, а в Йоркшире собака – всем собакам королева! Здесь, на суровом севере Англии, она хороша, как нигде на земле. Гуляет ветер, хлещут холодные дожди по плоским и голым полям, но у собак только богаче становится шуба, и сами они так же крепки, как здешний народ.

Народ здесь любит собак и умеет их выращивать. Обойдите хоть сотню, хоть три маленьких горняцких поселка в этом самом большом английском графстве, и везде вы увидите ту же картину: идет человек в бедной рабочей одежде, а за ним по пятам собака, такая породистая, такая на вид аристократка, что иной любитель собак, уроженец другого края, пусть даже самый богатый, глядел бы на нее завистливыми глазами.

Гринол-Бридж в этом смысле не отличался от прочих йоркширских деревень. Люди здесь знали толк в собаках и любили их; и здесь у многих были отличные собаки; но жители поселка все как один признавали, что если когда-нибудь и кто-нибудь в Гринол-Бридже вырастил собаку красивей Лесси, трехцветной колли Сэма Керраклафа, то это было не на их веку.

Но имелась и другая причина, почему Лесси хорошо знали в поселке. Дело в том, что по ней, как говорили женщины, можно было ставить часы. Началось это года три назад, когда Лесси была годовалым щенком, веселым и взбалмошным. Однажды Джо Керраклаф, сын Сэма Керраклафа, прибежал домой сильно взволнованный.

– Мама, мама! – кричал он взхлеб. – Сегодня я выхожу из школы, и знаешь, кто там сидел и ждал меня? Лесси! Как ты думаешь, откуда она узнала, где я?

– Верно, учуяла твой запах, Джо. Другого ничего не придумаю.

Так или иначе, а Лесси и на следующий день ждала у школьных ворот, и на третий день. Проходили недели, месяцы, годы, и было все то же. Женщины, выглядывая в окна своих домиков, и лавочники, стоя в дверях своих лавок по Верхней улице, видели бегущую мимо ровной трусцой горделивую черно-белую с золотыми подпалинами собаку и говорили: «Без пяти четыре – Лесси бежит!»

Ясный ли день или дождь, собака всегда была на месте и ждала мальчика – единственного из полусотни мальчиков, выбегавших ватагой на асфальтовый двор, потому что для собаки был важен только этот один. Каждый раз наступало мгновение счастливой встречи, а затем они вдвоем, мальчик и собака, шли домой. Так бывало всегда, изо дня в день, уже четвертый год.

Лесси стала общей любимицей в будничной жизни поселка. Ее знал чуть ли не каждый. Но больше всего люди ценили Лесси потому, что она была утверждением чего-то такого, чего они сами не могли бы внятно объяснить. Чего-то, что было связано с их гордостью. А гордость их связа-

на была с вопросом о деньгах.

Обыкновенно, если кому случалось вырастить особенно красивую собаку, она в один прекрасный день переставала быть собакой и становилась чем-то на четырех ногах, что стоит денег. Она, конечно, оставалась, как была, собакой, но теперь она была вдобавок чем-то еще, потому что о ней мог прослышать какой-нибудь богатый человек, любитель собак, или могли ее увидеть ловкие барышники, и тогда нашелся бы на нее покупатель. Богатый может так же горячо любить собаку, как и бедный, и в этом между ними нет разницы – разница в том, как они смотрят на деньги. Бедный сядет и подумает, сколько ему потребуется угля на зиму, и сколько нужно будет пар башмаков, и сколько пищи для детей, чтоб они росли крепкими, и придет он домой и скажет:

«Нам иначе не обойтись, так не мучьте вы меня, не надоедайте. Мы как-нибудь вырастим себе другую собаку, и будете вы все любить ее не меньше, чем любили эту».

Таким образом уходила из дому не одна прекрасная собака в Гринол-Бридже. Но не Лесси!

Весь поселок знал, что даже герцог Радлинг не может купить у Сэма Керраклафа его Лесси – сам герцог, который живет в своем большом поместье, в одной миле от поселка, и у которого полно там превосходных собак.

Герцог три года пытался купить у Сэма Керраклафа его колли, но Сэм устоял.

– Ни к чему вам набавлять цену, ваша светлость, – говорил он. – Цена правильная, но... собака не продается. Ни за какие деньги.

В поселке все это было известно. Потому-то Лесси так много значила для жителей. Она представляла собой особую гордость, которую деньги не могли у них отнять.

Но собаки принадлежат людям, а людей стегает судьба. И временами в жизни человека наступает такая полоса, когда судьба бьет его слишком тяжело, и тогда он поневоле склоняет голову и решает, что должен поступиться гордостью, чтобы не оставить без хлеба семью.

Глава вторая «НЕ НУЖНО МНЕ ДРУГОЙ СОБАКИ...»

Собаки нет на месте! Вот все, что знал Джо Керраклаф.

Он в этот день вышел из школы вместе с другими и пробежал по двору в том буйном веселье, какое можно видеть в каждой школе по всему свету к окончанию школьного дня. Почти машинально, по привычке, укоренившейся за сотни дней, он прошел к воротам, где его всегда ожидала Лесси. И там ее не оказалось!

Джо Керраклаф стоял – крепкий мальчик с милым лицом – и соображал, как могло это случиться. По широкому лбу над карими глазами легли морщины. Сперва он никак не мог себе представить, что глаза говорят ему правду.

Он просмотрел всю улицу из конца в конец. Может быть, Лесси запаздывает? Впрочем, он знал, что не в этом дело, потому что животные не похожи на людей. У людей есть часы и при себе и на стенке, и все-таки вечно получается так, что они на пять минут опоздают. Животным же не нужно никаких механических приспособлений, чтобы знать, который час. Есть у них внутри нечто более аккуратное, чем часы. Это чувство времени, и оно им никогда не изменяет. В самом деле, они всегда точно знают время, когда им пора приступать к тому или другому делу, твердо установленному по распорядку их жизни.

Джо Керраклаф это знал. Он часто обсуждал это с отцом, выпрашивая у него, как получается, что Лесси знает, когда ей пора бежать к школьным воротам. Нет, опоздать Лесси не могла.

Джо Керраклаф стоял на пригреве майского солнца и думал. И вдруг у него пронеслось в уме: может быть, она попала под колеса!

Он содрогнулся от этой мысли, но тотчас же отбросил ее. Лесси была слишком хорошо обучена, чтобы идти по улицам неосторожно. Она шла всегда уверенно и пристойно. Да и движения-то в поселке было совсем мало. Большое шоссе проходило долиной, по берегу реки, на милую сторону. К Гринол-Бриджу вела только проселочная дорога, да и та, подойдя к торфяному болоту, превращалась просто в пешеходную тропу.

Может быть, Лесси украли!

Но и это казалось неправдоподобным. Чужой не мог притронуться к Лесси, если не было рядом кого-нибудь из Керраклафов, кто велел бы ей подчиниться. К тому же по всей округе, за много миль от Гринол-Бриджа, Лесси знали слишком хорошо, никто не посмел бы ее украсть.

Но где же могла она быть?

Джо Керраклаф решил свою задачу, как решают задачи сотни тысяч мальчиков по всей земле. Он побежал домой спросить у мамы.

Он пронесся со всех ног по главной улице через весь поселок. Ни разу не остановившись, пробежал мимо лавок по Верхней улице до переулка, что идет вверх по склону холма, взбежал по переулку, затем влетел в ворота, промчался садовой дорожкой и в дверях дома громко закричал:

– Мама! Мама!.. С Лесси что-то случилось! Она меня не встретила!

Едва выговорив это, Джо Керраклаф сразу понял, что дело неладно. Ни мать, ни отец не вскочили, не стали расспрашивать, как и что. Они как будто не испугались, что с их чудесной собакой случилось недоброе.

Джо это отметил. Он стоял, прислонясь спиной к двери, и ждал. Мать не сводила глаз со стола, который накрывала к чаю. Она помолчала секунду. Потом посмотрела на мужа.

Отец Джо Керраклафа сидел на низком стульчике у огня. Он повернул голову. Медленно, ничего не сказав, опять отвернулся и уставил глаза на огонь.

– В чем дело, мама? – вдруг всхлипнул Джо. – Случилась беда?

Миссис Керраклаф не спеша поставила тарелку на стол, потом заговорила.

– Так. Кто-нибудь должен же ему объяснить, – сказала она как будто в воздух.

Муж не пошевелился. Она обернулась к сыну.

– Ты все равно сам это узнал бы, Джо, – сказала она. – Лесси больше не будет ждать тебя у школы. И нечего реветь.

– Почему не будет? Что с ней случилось?

Миссис Керраклаф подошла к очагу, поставила котелок на жар. Она сказала, не оборачиваясь:

– Потому что она продана. Вот почему.

– Продана! – повторил мальчик на звонком крике. – Продана! Зачем же вы ее продали... нашу Лесси... зачем вы ее продали?

Мать в сердцах повернулась к нему:

– Она продана, ее увели, и дело с концом. Нечего тут выспрашивать. Теперь ничего не изменишь. Собаки нет, и все. Не будем больше об этом говорить.

– Но как же, мама...

Мальчик кричал звонко и растерянно. Мать перебила:

– Довольно! Давайте чай пить! Ну же! Садитесь!

Мальчик послушно сел за стол, на свое место. Мать повернулась к мужу, к очагу:

– Садись же, Сэм, поешь. Хотя, сказать по правде, угощение у меня к чаю скудное...

Женщина притихла, когда муж встал с сердитой решимостью. Но, не сказав ни слова, он прошел к дверям, снял шапку с крюка и вышел вон. Хлопнула дверь. С минуту в комнате молчали. Потом женщина бранчиво завела:

– Видишь, что ты наделал! Совсем рассердил отца. Теперь ты, конечно, доволен.

Она устало опустила в кресло и уставилась на скатерть. В комнате долго молчали. Джо знал, что мать не права, вина его в случившемся. Но он знал и то, что мать таким путем прикрывает собственную боль. Это то же самое, как если она бранится. Так уж оно повелось у людей в этих местах. Люди здесь суровы, упорны, привыкли жить суровой, трудной жизнью. Когда случается что-нибудь, что их волнует, они прячут свои чувства. Женщины бранятся и ругаются, чтобы скрыть обиду. Их брань ничего не значит. Отбранятся, и все...

– Ладно, Джо. Ешь!

Голос матери звучал теперь мягко и терпеливо. Мальчик смотрел на тарелку и не двигался.

– Ешь, Джо. Намажь себе хлеб. Смотри, хлеб свеженький, я сегодня только испекла... Что, не хочешь?

Мальчик низко опустил голову.

– Не хочу ничего, – прошептал он.

– Ох, собаки, собаки, собаки! – вспылила мать. Голос ее опять стал сердитым. – Столько шуму из-за одной собаки! Хорошо, если хочешь знать, я рада, что Лесси нет. Право слово! Возни с ней и заботы не меньше, чем с ребенком! Теперь ее нет, и заботе конец, и я рада, право. Я рада!

Миссис Керраклаф повела полным плечом, шмыгнула носом. Потом вынула платок из кармана фартука и высморкалась. И только тут решилась поглядеть на сына, который все еще сидел не двигаясь. Она печально покачала головой, а когда заговорила вновь, голос ее был опять терпеливым и добрым.

– Джо, поди сюда. – сказала она.

Мальчик поднялся и стал подле матери. Она обняла его своей полной рукой и начала, обратив лицо к огню:

– Так что, Джо, ты уже взрослый мальчик, ты можешь это понять. Ты видишь... ну да, ты же знаешь, время нелегкое... Ты знаешь, как обстоит дело. Нужно покупать еду, нужно платить хозяину за дом, а за Лесси давали хорошие деньги, и... Словом, мы не могли себе позволить... не могли оставить ее у себя, вот и все. Настала тугая пора, ты не должен... не должен огорчать отца. Он и так не находит себе покоя... и... ну, вот и все! Собаки нет.

Керраклаф-младший стоял у очага бок о бок с матерью. Он понял. В Гринол-Бридже даже двенадцатилетние мальчики знали, что такое «тугая пора».

Много-много лет, все годы на их детской памяти, их отцы работали в Веллингтонских копях, за поселком. С едою в кошелке, с шахтерской лампой на лбу они ходили каждый день на смену и со смены; они работали, добывая много угля. Потом настала «тугая пора». Шахта перешла на «неполную неделю», и шахтеры зарабатывали меньше. Временами опять начиналось оживление, и люди опять работали полную неделю.

Все тогда радовались. Конечно, и тут бывало далеко до роскоши – в шахтерских поселках и в лучшие времена люди живут трудной жизнью, – но в такую пору все хоть чувствовали себя уверенно, в семьях был мир и лад и еды на стол подавалось вволю, ее хватало на всех.

Несколько месяцев назад шахту закрыли совсем. Большой ворот у спуска в ствол уже не крутился. Люди не стекались на дворе шахты перед каждой новой сменой. Вместо того они ходили отмечаться на биржу труда. Они толпились на углу возле биржи в ожидании работы. Но работы не было. Они, по-видимому, оказались, как называли это газеты, в одном из «пораженных районов», то есть в той части страны, где заглохла всякая промышленность. Люди целыми поселками сидели без работы. Не было никакой возможности заработать на жизнь. Правительство выплачивало людям пособие – еженедельную денежную выдачу, чтоб они не померли с голоду.

Джо это знал. Он слышал, о чем толковали люди в поселке. Видел мужчин, толпившихся у биржи труда. Он знал, что его отец не ходит больше на работу. Знал также, что мать с отцом никогда при нем об этом не говорят, что в грубой своей доброте они стараются сами нести все тяготы жизни, не давая им ложиться на его детские плечи.

Но, хотя ум ему говорил все это, сердце кричало о Лесси. Он, однако, принудил его молчать. Он стоял, не двигаясь с места, потом задал только один вопрос:

– Нам можно будет когда-нибудь откупить ее обратно, мама?

– Видишь ли, Джо, она оказалась очень ценной собакой, а нам держать ее стало не по карману. Но мы как-нибудь заведем себе другую собаку. Подожди немного. Наступит более легкая пора, и мы тогда возьмем в дом щенка. Ты хотел бы?

Джо Керраклаф понурился и тихо покачал головой. Голос его упал до шепота:

– Не нужно мне другой собаки. Никакой и никогда!.. Мне нужна только... только Лесси!

Глава третья ЗЛОБНЫЙ СТАРИК

Герцог Радлинг стоял у живой изгороди из рододендрона и поводил вокруг горящим взглядом. Он снова поднял голос.

– Хайнз! – заорал он. – Хайнз! Что за человек, куда он делся? Хайнз!

Сейчас, с раскрасневшимся лицом, с копной растрепанных седых волос, герцог выглядел как раз таким, каким его считали: самым злобным стариком на все три райдинга¹ графства Йоркшир.

Справедлива ли была такая репутация или же нет, герцог, мы скажем, вполне ее заслужил своим поведением и манерой разговаривать.

Возможно, она создавалась отчасти оттого, что герцог был изрядно глух, а потому со всяким человеком говорил так, точно командовал на смотре бригадой пехоты, как ему и вправду доводилось это делать когда-то, много лет назад. А еще он имел обыкновение ходить не с тросточкой, а с суковатой палкой, которой он всегда яростно размахивал в воздухе, чтобы придать еще больше резкости своим и без того слишком резким словам. И, наконец, его злоба происходила от его нетерпимого отношения ко всему на свете. Ибо герцог был твердо уверен в одном: что мир, как он выражался, «идет к чертям». В наши дни все не так, как в пору его молодости. Лошади скачут не так быстро, молодые люди не так смелы и удалы, женщины не так красивы, цветы не так хороши, а собаки... если и осталось на свете несколько неплохих собак, так только потому, что они принадлежат ему, герцогу.

Герцог считал, что люди нынче не умели даже так чисто говорить по-английски, как говорили, когда он был молод. Он был убежден, что и слышит он плохо не потому, что почти оглох, а потому, что у людей в наши дни завелась скверная привычка комкать и корнать слова, вместо того чтобы просто говорить, как говорили, когда он был молод.

А уж молодое поколение! Герцог мог часами рассуждать о том, что ни один человек, родившийся в двадцатом веке, никуда не годен.

Это было тем более странно, что изо всей его родни единственным, кого герцог мог выносить (и кто, как видно, мог выносить герцога), был самый младший член его семьи – его двенадцатилетняя внучка Присцилла.

Она и сейчас пришла ему на помощь, когда он стоял у рододендроновой изгороди и звал, грозя своей палкой.

Увильнувшись от яростного взмаха, она подскочила к деду и дернула за карман его широкой куртки из мягкой ворсистой шерсти. Он повернул к ней свои взъерошенные усы.

– А, это ты! – закричал он. – Удивительно, что хоть кто-то наконец пришел. Не знаю, до чего дойдет мир. Слуги никуда не годятся! Никто не слышит – оглохли! Англия идет к чертям!

– Ерунда, – сказала Присцилла.

Это была самоуверенная юная леди, весьма независимая в своих суждениях. Постоянно находясь при дедушке, она приучилась смотреть на него и на себя, как на равных – то ли двое престарелых детей, то ли пара молоденьких взрослых.

– Что такое? – заорал герцог, глядя на нее с высоты своего роста. – Говори ясно! Не шамкай!

Присцилла пригнула его голову книзу и прокричала ему прямо в ухо:

– Я сказала: «Ерунда».

– Ерунда? – повторил герцог.

Он поглядел на нее, потом расхохотался. У него было насчет Присциллы свое особое мнение. Он был убежден, что если у Присциллы хватало храбрости ему перечить, то храбрость свою она, конечно, унаследовала от него.

Вот почему, когда герцог посмотрел с высоты своего роста на внучку, у него сразу поднялось настроение. Он распушил свои длинные белые усы, которые были у него куда пышней и красивей, чем те усики, какие мужчины умудряются себе отращивать в наши дни.

– Ну-ну, хорошо, что ты явилась! – прогремел герцог. – Я хочу показать тебе новую собаку. Она великолепна! Красавица! Лучшей колли я в жизни не видел.

– Но она не такая хорошая, как бывали в прежние времена? – спросила Присцилла.

– Что ты шамкаешь? – заорал герцог. – Я не расслышал ни слова.

Он отлично расслышал, но предпочел не признаться в том.

– Я знал, что она будет моя, – продолжал герцог. – Я за ней охотился три года.

– Три года! – повторила Присцилла. Она знала, что дедушка ждет от нее такого ответа.

¹ Графство Йоркшир делится административно на три райдинга, то есть трети: Северный, Восточный и Западный.

– Да, три года. Он думал, что мне его не переупрямить, а вышло по-моему. Я три года назад предложил ему за собаку десять фунтов – он ее не продал. На другой год я поднял цену до двенадцати – он не продал. В прошлом году я предложил пятнадцать фунтов. Сказал ему, что это крайняя цена, что больше я надбавлять не стану, и я в самом деле так себе поставил. Но он не поверил. Придерживал собаку еще полгода, и вот на прошлой неделе дал мне знать, что согласен.

Герцог самодовольно усмехнулся, но Присцилла покачала головой:

– Откуда ты знаешь, что он не «подменил» собаку?

Вопрос был естественный, потому что, сказать по совести, йоркширцы знамениты не только умением выращивать собак, но поговаривают, что их умение простирается слишком далеко. Они частенько применяют всякие тайные приемы, чтобы скрыть в собаке недостаток: например, так подправят кривое ухо или неправильный постанок хвоста, что недочет будет совершенно незаметен, покуда какой-нибудь не очень понимающий покупатель не уплатит за собаку деньги и не возьмет ее к себе домой. Такие фокусы и приемы называются у йоркширских собачников «подменной». При купле и продаже собак, как и с лошадьми, применяется неписаное правило: «caveat emptor» – покупатель, гляди в оба!

Но герцог, услышав вопрос Присциллы, только заорал громче прежнего:

– Откуда я знаю, что он не «подменил»? Да потому, что я и сам йоркширец. Я знаю все их фокусы и еще столько же в придачу, уж будьте покойны! Нет, собака правильная. К тому же я ее купил у... как бишь его... у Керраклафа. Я его знаю. Он себе такого со мной не позволит. Никогда!

И герцог взмахнул над головой своей здоровенной палкой, как бы бросая вызов каждому, кто посмел бы сыграть с ним шутку. Старик и его внучка прошли по дорожке к собачьим клеткам. Там, у проволоочной загородки, они остановились поглядеть на собаку в ее дворике.

Присцилла увидела лежавшую на земле большую черно-бело-золотистую колли. Она лежала, склонив голову на передние лапы, – благородную темную голову, изящные очертания которой четко рисовались на снежной белизне пышных «брыжей» и «фартука».

Герцог прищелкнул языком, подзывая собаку. Она не ответила. Только легкое движение уха показало, что собака услышала. Она лежала, не поводя глазами на людей, разглядывавших ее сквозь железную сетку.

Присцилла пригнулась, захлопала в ладоши и позвала скороговоркой:

– Сюда, колли, сюда, сюда! Ну погляди на меня. Сюда!

Ровно на одну секунду большие карие глаза колли скосились на девочку, темно-карие глаза, задумчивые и, казалось, печальные. Потом они опять уставились в пустоту.

Присцилла выпрямилась:

– Дедушка, она как будто нездорова!

– Чепуха! – проорал герцог. – Вполне здорова. Хайнз, Хайнз! Куда он спрятался, этот болван? Хайнз!

– Иду, сэр, иду!

Резкий, гнусавый голос Хайнза донесся из-за строений, и тотчас же поспешил показаться и сам герцогский слуга:

– Да, сэр? Вы меня звали, сэр?

– Звал, конечно! Вы что, оглохли? Хайнз, что с собакой? Шерсть у нее потускнела.

– Понимаете, сэр, сейчас она плохо ест, – поспешил разъяснить Хайнз. – Она, я сказал бы, избалована. Собак, когда держат их дома, в комнатах, всегда балуют. Кормят с руки – так сказать, серебряной ложечкой. Но у меня она живо исправится. Через несколько дней станет есть, как положено порядочной собаке.

– Ну-ну! Ты за ней присматривай, Хайнз! – закричал герцог. – Хорошенько присматривай за этой колли!

– Хорошо, сэр, уж я постараюсь! – заверил Хайнз.

– Еще бы! – сказал герцог.

И, что-то ворча, он пошел прочь. Он был несколько разочарован. Ему хотелось показать Присцилле прекрасное новое приобретение, а она увидела вместо того довольно-таки жалкого пса.

Он услышал голос внучки.

– Что ты там говоришь?

Она вскинула голову:

– Я говорю, почему тот человек продал вам свою колли?

Герцог остановился, почесал за ухом:

– Он, я полагаю, понял, что я к впрямь предложил свою крайнюю цену. Я ему сказал, что больше не прибавлю ни полпенни, и, я полагаю, он понял, что я и в самом деле так решил. Только и всего.

Когда дедушка с внучкой пошли вдвоем к большому старому дому, Хайнз обернулся к собаке в клетке.

– Ты у меня будешь есть как миленькая! – сказал он. – Будешь ты у меня жрать, хотя бы мне пришлось силком запихивать в тебя жратву.

Собака в ответ не шевельнулась. Она только сожмурила глаза, как будто и знать не хотела человека по ту сторону решетки.

Он давно ушел, а она все лежала неподвижно на солнце, пока тени не стали длиннее. Тогда она нехотя встала. Подняла голову и, наставив нос против ветра, принялась. Не учуяв того, чего хотела, она тихо заскулила. Потом зашагала вдоль решетки, взад и вперед, взад и вперед, как будто несла караул.

Она была собака и не умела думать теми формами мысли, какие мы можем облекать в слова. У нее только возникло в мозгу и в теле нарастающее желание, поначалу смутное. Но дальше желание становилось ясней и ясней. Чувство времени дало толчок ее мозгу и мускулам.

И вдруг для Лесси стало ясно, чего она хочет. Она теперь *знала*.

Глава четвертая ЛЕССИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

Когда Джо Керраклаф вышел из школы и шагнул за ворота, он не поверил своим глазам. Он постоял на месте, потом закричал пронзительно:

– Лесси! Лесси!

Он кинулся к собаке, в буйной радости стал подле нее на колени и запустил пальцы в ее густую шерсть. Он зарылся лицом в ее брыжи, похлопывая ее по бокам.

Потом встал и чуть не заплясал от восторга. Был странный контраст в поведении мальчика и собаки. Мальчик был вне себя от счастья, собака же сидела спокойно, и только колыхание хвоста с белым пером на кончике показывало, что она рада его видеть.

Она как будто говорила:

«Из-за чего так волноваться? Мне полагается приходить сюда, и я пришла. Что тут особенного?»

– Пошли, Лесси, – сказал мальчик.

Он повернулся и побежал по улице. Первую секунду он не думал о том, как собака оказалась здесь. Когда же до него дошло, что это все же странно, он оттолкнул от себя эту мысль.

К чему спрашивать, как произошла такая странная вещь? Довольно того, что она произошла.

Но тревога не хотела уняться. Он ее успокаивал опять и опять.

Не откупил ли отец собаку? Может быть, и так!

Он мчался по Верхней улице, и теперь, казалось, его возбуждение передалось и Лесси. Она бежала рядом, взвываясь в высоких прыжках и звонко вылаивая крик о счастье, что вполне доступно собаке. Она при этом широко растягивала рот, как очень часто делают колли в минуту радости, почему и уверяют их владельцы, что собаки у них смеются, когда бывают довольны.

Только у биржи труда Джо сбавил шаг. И тут его громко окликнул мужской голос:

– Эге, парень, это ты где же сыскал опять свою собаку?

Слова были сказаны протяжным йоркширским говором, и Джо ответил так же. Хотя в школе все дети говорили по-английски «чисто», считалось, что из вежливости взрослым надо отвечать тем же говором, каким говорят они.

– Я глянул – а она сидит у школьных ворот, – откликнулся Джо.

Но теперь он уже знал правду. Отец собаку не откупил, иначе все уже знали бы о том. В таких маленьких поселках, как Гринол-Бридж, каждый знает, как дела у каждого жителя. И, конечно, в поселке Гринол-Бридж люди знали бы о таком важном деле, как выкуп Лесси.

Лесси убежала! Вот оно что!

Джо Керраклаф уже не мчался радостно дальше. Медленно, задумчиво шел он теперь в гору узким переулком к своему дому. У дверей он обернулся и печально поглядел на собаку.

– Стоп, Лесси! – сказал он. – К ноге!

В задумчивости, наморщив лоб, он стоял у дверей. Он принял спокойный вид, чтоб лицо ничего не выражало. Открыл дверь и вошел.

– Мама, – сказал он. – У меня сюрприз. – Он протянул к ней руку, как будто этот жест должен был помочь ему добиться желанного. – Лесси вернулась, – сказал он.

Он увидел, что мать смотрит на него. Что отец на своем месте у огня поднял голову. Потом, когда вошел в дом, увидел, что они перевели глаза на собаку, которая послушно жалась к его ноге. Они смотрели, но не говорили ничего.

Будто поняв их молчание, колли постояла на месте. Потом пошла вперед, опустив голову, как это свойственно собаке, когда она чувствует, что в чем-то провинилась, хоть и не знает в чем. Она подошла к ковру у очага и завиляла хвостом как бы в знак того, что, если и есть за ней грех, она готова его загладить.

Но ее, казалось, не хотели простить, потому что мужчина вдруг сразу отвел глаза и уставился на огонь. Так он выключал собаку из круга своего зрения.

Собака медленно свернулась клубком и легла на ковер таким образом, что ее тело касалось ноги мужчины. Он отодвинул ногу. Собака положила морду на лапу и, как он, всматривалась в глубь огня, как будто в этой золотой волшебной стране таился ответ на все, что их смущало.

Первой двинулась женщина. Она уперла руки в бока и вздохнула долгим и шумным вздохом – красноречивым вздохом раздражения. Джо поглядел на нее и, как будто желая смягчить их каменную непреклонность, заговорил звонким голосом, в котором дрожала надежда:

– Я выхожу из школы – и она тут. На том самом месте, как всегда. Сидит у ворот и ждет меня. И так она была мне рада! Она завиляла хвостом. Уж так она была мне рада!

Джо говорил и говорил, слова рвались с языка. Он как будто думал, что, пока он будет говорить не смолкая, ни мать, ни отец не смогут сказать то страшное, чего он ждал от них. Он пытался потоком слов задержать приговор.

– Я видел, что она соскучилась по нам... по нам по всем. Вот я и подумал: приведу я ее домой, и мы сможем...

– Нет!

Это крикнула мать, резко его перебив. Первое слово, услышанное им от родителей. Одну секунду Джо стоял притихнув, потом слова опять полились потоком, сражаясь за то, чего он желал и на что не смел надеяться.

– Но она же пришла домой, мама! Мы можем ее спрятать. Те и не узнают. Мы скажем, что мы ее не видели, и те тогда...

– Нет! – Голос матери строго повторил то же слово.

Сердито отвернувшись, она продолжала накрывать на стол. Опять, как это в обычае у женщин поселка, она нашла облегчение в брани. Она сыпала злыми словами, холодными и резкими, чтобы за ними спрятать свои чувства.

– Собаки, собаки, собаки! – кричала она. – Мне тошно о них слышать! Не хочу я в доме никаких собак. Мы ее продали, ее у нас взяли, и дело с концом. Чем скорей она уберется с моих глаз, тем лучше. Уведи ты ее отсюда. Да поторопись, не то Хайнз, того и гляди, прибежит к нам за ней. Мистер Хайнз Так-и-Знал!

На последних словах ее голос стал еще резче, потому что она их произнесла, подражая манере Хайнза. Слуга, которому герцог Радлинг поручил уход за своими собаками, был родом из Лондона, и его рубленая южная речь всегда как будто раздражала местных жителей: сами они говорили медлительно, широко протягивая гласные.

– Вот и весь мой сказ! – продолжала миссис Керраклаф. – Можете набить им ваши трубки и раскурить. Собака продана, так что ведите ее обратно к тем, кто ее купил.

Поняв, что от матери помощи не будет, Джо повернулся к отцу, сидевшему у огня. Но отец сделал вид, будто ни слова не слышал. Джо упрямо выпятил нижнюю губу, подыскивая новые доводы. Но лучший довод в свою защиту нашла сама Лесси. Теперь, когда в доме все смолкли, она, должно быть, подумала, что беда миновала. Она медленно поднялась и, подойдя к мужчине, стала тыкаться ему в руку своей узкой мордой, как часто поступает собака, когда хочет, чтобы хозяин заметил ее и приласкал. Но мужчина подальше отодвинул руку и продолжал пристально смотреть в огонь.

Джо все приметил. Он обратился к отцу с мягким укором.

– Ну, папа! – сказал он печально. – Ты бы хоть поздоровался с ней. Она же ни в чем не виновата и так рада, что пришла домой. Погладь ее, что ли!

Отец Джо не подал виду, что услышал хоть одно слово сына.

– Там, у герцога, о ней, видать, не очень-то заботятся, – продолжал Джо, говоря точно в дух. – Разве они понимают, как ее нужно кормить?... Посмотри на ее шерсть. Она стала на вид довольно-таки жалкая, правда? Как ты думаешь, папа, если подмешать ей в воду, когда она пьет, немножко льняного семени, это поможет, да? Я давал бы его собаке, чтобы шерсть у нее блестела... А ты бы что делал?

По-прежнему глядя в огонь, отец Джо начал тихо кивать головой. Но, если он как будто и не замечал, на что его наталкивает сын, миссис Керраклаф все поняла. Она фыркнула.

– Ишь ты как! – обрушилась она на сына. – Ты бы не был Керраклафом, не был бы вообще йоркширцем, если бы ни черта не смыслил в песьей породе...

Голос ее гудел не смолкая на весь дом.

– Ей-богу, мне иной раз кажется, что в нашем поселке мужчины о своих шавках больше думают, чем о семье! Да, так оно и есть. Нынче трудные времена, а что они – работают? Нет. Ходят за пособием, и, могу поклясться, иной из них с радостью оставит голодать своих детей, только бы собака ела досыта.

Отец Джо неловко завозил ногами, но мальчик быстро перебил:

– Да нет же, мама, она в самом деле похудела. Поспорю на что угодно, они ее не кормят как надо.

– Что ж, – согласилась мать, – про господина Хайнза Так-и-Знал я поверю, что он способен отнять у собаки кусок мяса, чтобы съесть самому. В жизни не видала человека более тощего, с более противным лицом.

Она говорила, и глаза ее между тем остановились на Лесси. И вдруг она изменила голос.

– А ведь и правда, – сказала она. – Какой-то у ней жалкий вид. Бедняжка, надо бы ее чем-нибудь угостить. Она сразу повеселеет, или я ничего не смыслю в собаках.

Но тут миссис Керраклаф сообразила, что жалость шла вразрез со словами, сказанными ею пять минут назад. И, как бы ища себе оправдание, она опять повысила голос.

– Поест, и чтоб тут же ее увели! – раскричалась она. – И, когда ее у нас не будет, я уже никогда не позволю завести в доме другого пса. Вы только и делаете, что растите их и обучаете, с ними возни... ну, право же, не меньше, чем с грудным ребенком. А после стольких трудов что вы в конце концов получаете?

Так, сердито ворча, миссис Керраклаф согрела в кастрюльке варево. Она его поставила перед собакой и стояла, наблюдая с сыном, как Лесси блаженно ест. Но мужчина так ни разу и не глянул на собаку, еще недавно принадлежавшую ему.

Когда Лесси доела, миссис Керраклаф убрала миску. Джо подошел к камину и достал с полки сложенную вчетверо суконку и щетку. Он уселся на ковре и принялся чистить собаке шерсть.

Отец продолжал сперва глядеть в огонь. Потом нет-нет да бросит быстрый взгляд на мальчика и на собаку у своих ног. Наконец, не выдержав, повернулся и протянул руку.

– Не так это делается, малец, – сказал он, и его грубый голос прозвучал тепло. – Уж если ты берешься за работу, поучись делать ее как надо. Видишь, вот так!

Он отобрал у сына щетку и суконку и, став на колени подле него, начал умело работать над

собачьей шубой, поглаживая пышную, густую шерсть сукном, бережно покачивая на ладони аристократическую морду колли, пока другая рука трудилась над белоснежными «брыжами» и артистически расчесывала пушистые «гамашки», и «фартук», и «оборки».

В доме короткое время было тихое счастье.

Отец забыл думать обо всем другом, отдав все свои мысли работе. Джо сидел рядом на ковре, следя за каждым поворотом щетки и стараясь запомнить его, потому что знал, как знал это каждый в поселке, что на много миль вокруг не было человека, который умел бы так прихорашивать колли, для дома ли или на выставку, как Сэм Керраклаф. И втайне мечтал, как о высшей чести, стать со временем таким же искусным собачником, как его отец.

Миссис Керраклаф, кажется, первая вспомнила о том, что все они гнали из мыслей: Лесси больше не принадлежит им.

– Так как же! – сказала она с сердцем. – Уведете вы наконец отсюда пса?

Отец Джо обернулся, вдруг озлившись. В его голосе сильнее, чем всегда, был слышен йоркширский акцент, огрублявший речь всех мужчин поселка.

– Ты хочешь, что ли, чтоб я отвел ее туда жалкую, как постный понедельник?

– Смотри ты у меня, Сэм! – гнула свое жена. – Если ты сейчас же не поведешь...

Она смолкла, и все они молчали, прислушиваясь. Были слышны шаги по садовой дорожке.

– Дождались! – закричала она с сердцем. – Это Хайнз!

Она побежала к двери, но не успела добежать, как дверь распахнулась и вошел Хайнз. Маленькая шуплая фигурка в куцем пиджаке, в рейтузах и суконных гетрах с минуту стояла в дверях. Потом глаза Хайнза обратились на собаку у очага.

– Го-го, так и знал! – закричал он. – Я так и знал, что найду ее здесь.

Отец Джо медленно встал.

– Я ее как раз причесывал, – сказал он веско. – Вот причесал бы немножко и тут же повел бы назад.

– Непременно! – усмехнулся Хайнз. – Вы повели б ее назад... непременно! Но случилось так, что я сам поведу ее назад, потому что мне, как видите, случилось навеститься к вам!

Вынув из кармана сворку, он быстро подошел к колли и надел на нее ошейник. Когда он дернул поводок, она послушно встала и, опустив хвост, пошла за человеком к дверям. Тут Хайнз остановился.

– Видите ли, – сказал он на прощание, – я не вчера родился на свет, и я случайно знаю разные фокусы. Вы – йоркширцы, и я знаю насквозь и вас и ваших собак, которые у вас всегда прибегают домой. Они у вас обучены срываться с привязи, когда вы их продали, и прибегать прямо-хонько домой, чтобы вы потом могли продать ту же собаку кому-нибудь еще. Только со мною этот номер не пройдет, нет, не пройдет! Я ведь и сам знаю кое-какие штучки, да...

Он вдруг замолчал, потому что Сэм Керраклаф, побагровев от гнева, двинулся к двери.

– Гхм... Добрый вечер! – зашепел Хайнз.

Дверь затворилась, Хайнз и колли ушли.

Долгое время в доме молчали, потом снова подняла голос миссис Керраклаф.

– Очень мне это надо! – кричала она. – Вваливается в дом, даже не спросив у тебя позволения, и стоит, не снявши шапки, точно он вообразил себя самым герцогом! А все из-за какой-то шавки. Ладно, ее тут больше нет, и, если хотите знать, так я рада, что избавилась от нее. Теперь, может быть, будет в доме хоть немного покоя. Надеюсь, я ее больше никогда не увижу.

Она все молола и молола языком, а Джо и его отец сидели у очага. Они теперь оба неотрывно глядели в огонь, неподвижные и терпеливые, каждый схоронив в себе свои мысли, как это привычно жителю северной окраины, когда он глубоко взволнован.

Глава пятая «БОЛЬШЕ ДОМОЙ НЕ ПРИХОДИ...»

Если миссис Керраклаф решила, что все уладилось, то она ошиблась, так как и назавтра Лесси была у школьных ворот и, верная долгу, ждала Джо.

И снова Джо привел ее домой. По дороге он обдумывал, как он отвоюет свою собаку. Путь к победе был ему ясен. Он чувствовал, что его родители, когда увидят, как собака им предана, пойдут на уступку – им самим захочется оставить ее у себя, вознаградить за верность. Но он знал, что уговорить их будет нелегко.

Медленно прошел он с собакой садовую дорожку, открыл дверь. В доме все было так, как бывало раньше: мать накрывала на стол, отец сидел, задумавшись, у очага, как просиживал часами в эти дни, потому что не было работы.

– Она... она опять пришла домой, – сказал Джо.

С первых же слов матери все его надежды улетучились. Она не сдастся.

– Не хочу я ее! Не хочу ни за что! – кричала мать. – Не смей вводить ее в дом... и не мучь ты меня, не надоедай! Ее нужно сразу увести обратно. Сейчас же!

Слова захлестывали Джо потоком. По строгому укладу йоркширского дома с его суровой добротой не часто бывало, чтобы мальчик «посмел перечить» родителям. Но тут он почувствовал, что должен попытаться, должен заставить их понять.

– Мама, на минутку. Право же, на минутку. Ну позволь мне подержать ее одну минутку.

Он чувствовал, что, если ему дадут подержать ее дома самое короткое время, сердца его родителей смягчатся. Может быть, Лесси тоже это почувствовала, потому что, когда Джо затворил, она вошла в дом и улеглась на своем законном месте – на ковре у очага. Как будто понимая, что разговор идет о ней, она притихла и переводила глаза с одного на другого. В доме всегда говорили так спокойно, а теперь голоса были хриплые...

– Ни к чему это, Джо. Чем дольше ты ее продержишь здесь, тем труднее будет увести ее обратно. А увести-то нужно!

– Мама... папа... ну пожалуйста!.. Вы же видите: она плохо выглядит. Они ее не кормят как надо. Как вы думаете, может быть...

Сэм Керраклаф встал и повернулся к сыну. Лицо у отца было скучное, без выражения, но в голосе звучало понимание.

– Нет, Джо, ничего не выйдет, – сказал он веско. – Понимаешь, мальчик, это ни к чему. После чая мы сразу ее уведем.

– Нет! Вы ее уведете сию же минуту! – закричала миссис Керраклаф. – Не то Хайнз опять заявит сюда. А я не желаю, чтоб он входил в мой дом, как будто он тут хозяин. Надевай шапку и ступай сию же минуту.

– А она все равно опять придет домой, мама. Разве ты не видишь? Она все равно опять придет домой. Она – наша собака...

Джо замолчал, потому что мать устало опустилась в кресло. Она поглядела на мужа, и он кивнул, как бы подтверждая, что Джо прав.

– Понимаешь, она приходит назад из-за мальчишки, – сказал отец.

– Ничего не поделаешь, Сэм. Ее надо увести, – медленно проговорила миссис Керраклаф. – А если она приходит назад ради мальчишки, так ты должен взять его с собой. Пусть он пойдет с тобой, отведет ее к герцогу и скажет ей, чтоб она осталась там. Если Джо сам прикажет ей лежать на месте, может быть, она поймет и успокоится и не будет больше прибегать домой.

– Что ж, в этом есть толк, – медлительно отозвался муж. – Бери шапку, Джо, пойдешь со мной.

Джо, опечаленный, взял свою шапку, отец тихо свистнул. Лесси послушно встала. Мужчина, мальчик и собака вышли из дому. Джо все еще слышал за спиной голос матери, но уже обессиленный; казалось, еще немного, и она расплачется от усталости.

– Если она останется там, тогда, может быть, мы хоть немножко поживем в тишине и покое, хотя, видит Бог, на это не очень-то можно рассчитывать в наши дни, при таком положении вещей...

Джо слышал, как ее голос, затихая, тащился вдогонку, пока сам он молча брел за отцом и Лесси.

– Дедушка, – сказала Присцилла, – а могут животные слышать, чего мы не слышим?

– О да. Да. Конечно! – заорал герцог. – Взять хоть собаку. Слышит в пять раз лучше, чем человек. Вот, например, мой беззвучный собачий свисток. На самом деле он не беззвучный. Он издает высокие чистые звуки, но не для нашего уха. Человек их не слышит. А собака слышит и подбегает, потому что...

Присцилла увидела, что дед передернулся и, грозно размахивая дубинкой, ринулся вперед по аллее.

– Керраклаф! Чего вам тут надо от моей собаки?

Присцилла увидела в глубине аллеи высокого, плотного мужчину, жителя поселка, а рядом с ним – крепкого мальчика, который стоял, мягко положив руку на гриву колли. Она услышала, как собака тихо закулила, словно протестуя, что дедушка подходит с грозным видом, а потом зазвучал голос мальчика, успокаивающий собаку. Девочка, догоняя деда, направилась к незнакомцам.

Увидав ее, Сэм Керраклаф снял шапку и подтолкнул сына, чтобы он тоже снял. Они обнажили головы никак не из угодливости, а потому, что в деревнях многие простые люди гордятся своей воспитанностью и умением вести себя вежливо.

– Это Лесси, – сказал Керраклаф.

– Ясно, что Лесси, – прогудел герцог. – Каждый дурак это видит. Чего вам тут надо от нее?

– Она опять убежала, и я привел ее обратно к вам.

– Опять? Разве она уже раз убегала?

Сэм Керраклаф стоял и молчал. Из последних слов герцога он понял, что Хайнз не доложил хозяину о ее прежнем побеге. И ему казалось, что если он ответит герцогу прямо, то этим он как бы оговорит Хайнза. Хайнза он не любил, но все же не мог оговаривать его перед хозяином, потому что, как сказал сам себе этот честный человек, он «не хотел подводить парня, чтобы его потом прогнали с работы». Хайнзу могли дать расчет, а работу в те дни получить было нелегко. Сэм Керраклаф узнал это на опыте.

Он разрешил задачу на обычный йоркширский лад. Упрямо повторил свои последние слова:

– Я привел ее обратно, вот и все.

Герцог смерил его грозным взглядом. Потом закричал еще громче:

– Хайнз! Хайнз!.. Чего этот бездельник всякий раз убегает и прячется, когда он мне нужен? Хайнз!

– Иду, сэр... Иду! – донесся гнусавый голос.

Вскоре затем показался и Хайнз – прибежал, выскочив из кустов за собачьими клетками.

– Хайнз, собака уже и раньше убегала?

Хайнз неловко замялся:

– Понимаете, сэр, тут оно так получилось...

– Да или нет?

– В некотором роде, сэр, она и впрямь убежала... но я не хотел беспокоить ради нее вашу светлость, – сказал Хайнз, нервно теребя в руках шапку. – Но уж теперь я присмотрю за ней хорошенько, чтобы больше она не убегала. Ума не приложу, как она умудрилась. Я затянул проволокой все места, где она подкапывалась, и уж я теперь догляжу...

– Вы мне только посмейте недоглядеть! – заорал герцог. – Совершенный остолоп! Вот именно! Я начинаю думать, что вы совершенный остолоп, Хайнз. Заприте ее в клетку. И если она вырвется опять, то я... я...

Герцог не договорил, какую страшную жестокость он собирался сотворить, и пошел прочь, притопывая со злостью и даже не сказав спасибо Сэму Керраклафу.

Присцилле, видно, было неловко, она пошла сперва за дедом, но затем поотстала. Она обернулась и, стоя на месте, стала наблюдать, что происходило за его спиной. Хайнз кипел злобой.

– Я й-её запру! – рычал он. – 3-запру й-её, и й-ежели она еще хоть раз убежит, йя йе-её...

Он не досказал, потому что, говоря, он как будто нацелился схватить Лесси за гриву. Но он не успел и подойти к собаке, так как тяжелый, подбитый железом башмак Сэма Керраклафа наступил ему на ногу и пригвоздил его к месту. Керраклаф медленно договорил:

– Я тут привел с собой моего мальчишку, чтобы на этот раз он запер ее сам, – сказал он. – Это она ради него прибегает домой. Так вот, он запрет ее и прикажет ей остаться.

Потом вдруг загремел могучий йоркширский голос, как будто Сэм Керраклаф только сейчас заметил кое-что:

– Ух, извини. Я и не заметил, что стою на твоей ноге. Пошли, Джо, мальчик мой. Отопри ты нам конуру, Хайнз, мы введем собаку.

Присцилла, все еще стоя у старых вечнозеленых кустов, увидела, как собака прошла от конуры к ограде своего дворика. Когда мальчик проходил вдоль проволочной решетки, она подняла голову и затем подошла к нему. Колли прижалась к решетке, и мальчик долго стоял там, просунув пальцы в сетку и щупая холодный собачий нос.

Молчание нарушил мужчина:

– Идем, Джо, мальчик мой. Кончай, пора. Что толку затягивать? Вели ей остаться... скажи ей, чтоб она не приходила больше домой, что этого нам нельзя.

Присцилла увидела, как мальчик у решетки поднял глаза на своего отца, потом поглядел во круг, как будто могла прийти откуда-то помощь.

Но помощь не приходила. Джо неоткуда было ждать ее. Он сделал глоток и заговорил очень тихо, с трудом выдавливая слова, которые, однако, пошли затем быстрее и быстрее.

– Оставайся тут и будь счастлива, Лесси, – начал он еле слышным голосом. – И... и не приходи больше домой. Больше не убегай. Не приходи больше за мною в школу. Живи тут и оставь нас... потому что... потому что ты больше не наша и мы не хотим тебя видеть... никогда, никогда. Потому что ты плохая собака... и мы тебя больше не любим, и мы не хотим тебя видеть. Так что не надоедай нам, не прибегай домой... Остайся тут навсегда и оставь нас. И... и никогда не приходи домой!

Собака, как будто поняв, отошла в дальний угол клетки и легла. Мальчик отвернулся и двинулся прочь. И, так как ему трудно было смотреть под ноги, он споткнулся. Но его отец, который шагал с ним рядом, высоко вскинув голову и глядя прямо вперед, схватил его за плечо, тряхнул и сказал ему резко:

– Смотри под ноги!

Джо побежал вприпрыжку рядом с отцом, потому что тот зашагал очень быстро. Мальчик подумал, что он никогда не сможет понять, почему взрослые бывают так черствы сердцем как раз тогда, когда они тебе особенно нужны.

Он бежал рядом с отцом, думая об этом и не понимая, что тот хочет уйти от звука, провожавшего их, – от честного лая колли, каким собака призывает хозяина не покидать ее. Этого Джо не понимал.

И кое-кому еще многое показалось непонятным – девочке Присцилле. Она подошла поближе к решетке. Колли стояла в своей клетке, недвижно уставив глаза на то место, где в последний раз увидела, как хозяин свернул на дорожке за угол. Собака подняла голову в тревожном лае.

Присцилла наблюдала за ней, пока у решетки не появился Хайнз. Она окликнула его:

– Хайнз!

– Да, мисс Присцилла?

– Почему собака убегает назад, к ним домой? Ей здесь нехорошо?

– Что вы, мисс Присцилла, Господь с вами, ей тут очень даже хорошо – такую ей дали роскошную конуру, с отдельным выгулом! А домой она убегает просто потому, что ее на это натаскали. У них так заведено – сманят собаку обратно, и вы чихнуть не успели, как они уже продали ее кому-нибудь еще.

Присцилла, задумавшись, наморщила нос.

– Но, если они хотели сманить ее обратно, зачем же они сами вернули ее?

– Ох, не ломайте над этим вашу милую головку! – сказал Хайнз. – Им тут, в поселке, никому доверять нельзя. От них всегда жди подвоха. Да только нас им не провести!

Присцилла немного подумала.

– Но, если мальчик хотел получить назад свою собаку, зачем же им было вообще продавать ее? Будь собака моей, я бы ее не продала.

– Вы, конечно, не продали бы, мисс Присцилла.

– А они почему продали?

– Почему? Потому что ваш дедушка дал им за нее сумасшедшие деньги, да! Вот оно как! Сумасшедшие деньги! Он их слишком балует, людей, вот оно что. Будь моя воля, я бы их поприжал. Уж поверьте!

Довольный своим заключением, Хайнз обернулся на собаку, которая все еще стояла, призывно лая.

– А теперь – тихо! Пшла! Лежать! В конуру – и лежать! Пшла!

Так как собака и виду не подала, что слышит его, Хайнз подошел к ней поближе и поднял руку, как будто для удара.

Лесси медленно обернулась, и из ее груди пошел густой бас, а губа ее поползла вверх, и изпод нее засверкали крупные белые зубы. Уши ее оттянулись назад, а грива на шее медленно встала. Густой бас завыл громче.

Хайнз остановился и высунул язык промеж своих оскаленных зубов.

– Ага, ты злишься, вот ты как? – сказал он.

Тогда Присцилла зашла вперед и стала между ним и решеткой.

– Поостерегитесь, мисс Присцилла, я б на вашем месте не подходил слишком близко. Только гляньте сейчас на нее, и она как подскочит да и выдернет у вас клочок мяса – если я знаю собак. А уж я их ого как знаю! Я бы хотел, чтобы наша славная барышня отошла подальше, покуда я не управился с этой колли. Уж вы держитесь-ка, мисс, в стороне.

Хайнз отвернулся. Присцилла долго стояла на месте. Потом тихонько подошла к проволочной ограде. Она продела пальцы в сетку, так что они почти коснулись Лессиной головы.

– Поди сюда, дружок, – сказала она ласково. – Поди сюда! Ко мне! Я тебя не трону! Ко мне!

Собака притихла, легла на землю. На одну секунду ее большие карие глаза встретились с синими глазами девочки. Но дальше собака ее уже не замечала и с видом терпеливого величия лежала за оградой. Она не мигала глазами, не поворачивала голову. Она лежала, уставив взгляд на то место, где в последний раз видела Сэма Керраклафа и его сына.

Глава шестая ТАЙНИК НА ТОРФЯНОМ БОЛОТЕ

На другой день Лесси лежала в своем дворике под майским солнцем, игравшим на ее шерсти. Ее голова покоилась на лапах. Кончик носа был обращен в ту сторону, куда ушли накануне вечером Сэм Керраклаф и его сын. Уши ее были подняты и наклонены вперед, так что, хотя тело оставалось в покое, все ее чувства – и зрение, и слух, и нюх – были насторожены, готовые уловить что-либо, что могло бы указать на возвращение хозяев.

Но полдень миновал, кругом была тишина. В воздухе стояло жужжание ранних пчел, пахло сыростью английской деревенской стороны. Больше ничего.

Вечерело, и Лесси зашевелилась. Что-то внутри подталкивало ее, как будто предостерегая. Это было что-то неясное, неопределенное, вроде того, как мог бы звонок будильника, еще не разбудив, смутно сквозь сон тревожить человека.

Вдруг Лесси подняла голову и повела носом по ветру. Но это не дало успокоительного ответа на то, что безотчетно зашевелилось внутри.

Она встала, медленно подошла к своей конуре и легла там в тени. Но и это не принесло покоя. Она опять встала и прошла на солнечную сторону; но ответа не было. Странное душевное беспокойство толкало настойчивей. Она начала шагать по выгулу, кружить, прохаживаться вдоль крепкой проволочной ограды. Та внутренняя сила принуждала ее ходить и ходить, делать круг за кругом по клетке. Потом в одном углу она остановилась и уцепилась лапой за проволоку.

Как если бы это послужило сигналом, она теперь вдруг поняла свое желание. Уже время! Время идти за мальчиком!

Не то чтобы она так прямо и подумала это, как мог бы подумать человек. Она знала это только слепо. Но внутреннее побуждение завладело ею целиком и прогнало все прочее из ее чувств и сознания. Она только знала, что пора идти к школе, как она ходила изо дня в день столько лет!

Лесси крепко уцепилась за сетку, но сетка не подалась. Память говорила собаке, что раньше она убегала на волю так: уцепится когтями, подергает решетку, потом подроет, протиснется снизу, приподнимая сетку своею мощной шеей и мускулами спины, и окажется на воле.

Но Хайнз отрезал этот путь к свободе. Он укрепил сетку ограды более толстой проволокой и по всей ее длине натыкал в землю толстых кольев. Сколько ни цеплялась Лесси, сколько ни тужилась, ничего не выходило. Как будто неудача и потеря времени подстегивали ее энергию, Лесси металась по дворику. Она скребла повсюду, где, как подсказывал инстинкт, могла быть дорога к спасению, но Хайнз укрепил все такие места.

Она яростно вскинула голову, чтобы полаять в бесплодной злобе, потом взвилась на дыбы и попыталась, стоя на задних лапах, а передними упершись в сетку, заглянуть поверх нее.

Если можно подо что подлезть, то можно и перелезть через это!

Собаки могут знать такие вещи не потому, что постигли их путем логического рассуждения, и не потому, что кто-то им это сказал. Даже до самой умной собаки они доходят очень медленно, через неясный инстинкт или через выучку, полученную в ее собственной короткой жизни.

Так сперва туманно, потом более отчетливо собаке пришла на ум новая мысль. Лесси подпрыгнула и опять упала наземь. Решетка была в шесть футов высотой – прыгнуть так высоко колли не под силу. Вот борзая, русская или ирландская, та легко перемахнула бы через такую преграду. Собак растят годами, создавая разные породы для разных нужд. Колли принадлежат к группе так называемых «рабочих собак», которых выращивали веками, чтоб они трудились бок о бок с человеком, понимали его слова, его знаки, были бы сообразительны и помогали ему, и в этом они превосходят другие породы; но они не умеют прыгать или бегать так быстро, как собаки других пород, в которых совершенствовали только эти качества.

Поэтому, сколько Лесси ни прыгала, она не могла даже сколько-нибудь близко допрыгнуть до верхнего края проволоки. Она возвращалась в дальний конец своего двора и прыгала, взяв разбег во всю его длину, но каждый раз снова сваливалась вниз.

Перескочить казалось невозможным, но с мужеством и настойчивостью превосходного животного она пыталась опять и опять, прыгая в разных местах, как будто одно какое-то место могло оказаться менее неприступным, чем другие.

И такое место нашлось.

Лесси прыгнула в самом углу, где две решетки сходились под прямым углом, и, когда она взвилась в прыжке, ее повисшие задние ноги получили опору в двух стенках ограды.

Она попробовала снова, и вот – почти как человек, когда влезает по стремянке, – в рваном порыве энергии она вскарабкалась выше. Она почти добралась доверху и опять сорвалась. Но она быстро выучилась. Повернув назад, она опять взяла разбег, и на этот раз, когда она прыгнула, самая сила наскока удержала ее в углу на решетке. Ноги ее уцепились за сетку в тот момент, когда сила тяжести была преодолена. Лесси вскарабкалась выше, еще выше – и вот уже передние лапы ухватились за верхний край. На одну секунду она повисла на них. Потом медленно подтянулась кверху. Покачнувшись было в нерешительности. Верх решетки впился ей в брюхо. Но Лесси этого не почувствовала. В ее уме была одна лишь мысль. Уже время! Время честно явиться к месту встречи.

Она свесилась наружу и упала наземь по ту сторону ограды. Она на воле!

Теперь, когда это было достигнуто, казалось, вся ее энергия пропала. Дорога перед ней была свободна, но инстинкт понуждал ее действовать по-новому. Как будто зная, что если ее углядят, то опять запрут, она двинулась с осторожностью, как умеет собака, когда ведет охоту или когда охотятся за ней самой.

Припадая животом к земле, она бесшумно доползла по дорожке до кустов рододендрона. Густая листва поглотила ее. Секундой позже она проскользнула призраком в тени забора и растаяла вдали. Как большинство животных, она превосходно запоминала местность. Бесшумно, но поразительно быстро она направилась туда, где кончалась каменная стена и начинался забор из чугунных жердей. Там под забором была выемка, которую она нашла еще раньше. Она проскользнула в нее.

Как будто поняв, что пересекла, так сказать, границу вражеской территории, она изменила

свой способ продвижения. К ней вернулась ее обычная повадка: теперь она бежала спокойной трусцой, высоко подняв голову; распушенный хвост протянулся сзади изящным продолжением изогнутых линий тела. Она снова была великолепной колли, которая неторопливо бежит вперед и чувствует себя счастливой, следуя установленному укладу жизни, без суеты, без волнения.

Джо Керраклаф не надеялся вновь когда-нибудь увидеть Лесси. После того как он сам велел ей остаться, сам отругал ее за то, что она прибегает домой, он честно поверил, что она больше никогда не придет встречать его у школы.

Но где-то глубоко-глубоко затаилась надежда, и он мечтал об этом, не веря, что мечта осуществится. Когда он в тот день вышел из школы и увидел Лесси, ожидающую его как ни в чем не бывало, ему показалось, что это неправда, что ему это примечталось.

Он глядел во все глаза на собаку, и на его широком мальчишеском лице застыло удивление. И вот, как будто его молчание служило знаком, что ее поведение не одобряют, Лесси опустила голову. Она тихо завилала хвостом, прося прощения за совершенную неизвестную ей провинность.

Джо Керраклаф опустил руку ей на шею.

– Правильно, Лесси, – протянул он, – правильно.

Он не глядел на собаку. Потому что мысли сбивчиво проносились в его голове и он весь ушел в них. Он вспоминал, как дважды приводил собаку домой. Как, наперекор всем его мольбам и надеждам, ее все-таки опять уводили. Так что на этот раз он не заторопился радостно домой. Он стоял на месте, опустив руку на шею своей собаке и, наморщив лоб, как будто пытался разрешить эту задачу, внесшую путаницу в его жизнь.

Хайнз грохнул кулаком в дверь дома и вошел, не дожидаясь ответа.

– А ну, где она тут? – спросил он.

Мистер и миссис Керраклаф поглядели на него, переглянулись. В глазах женщины была тревога, Хайнза она точно и не замечала.

– Так вот почему мальчишки до сих пор нет! – сказала она.

– Н-да, – подтвердил муж.

– Ясно, запропастились вместе – и он и Лесси. Она опять сбежала, и он боится идти домой. Знает, что мы отведем ее обратно! Сбежал вместе с нею, чтобы мы не могли отвести ее обратно! – Мать тяжело опустилась в кресло, голос ее срывался. – Ох, боже мой! Когда же в моем доме будет мир и лад? Никогда ни минуты покоя!

Муж ее медленно встал. Подошел к двери. Снял с вешалки кепку и вернулся к жене.

– Ладно, не тревожься, родная, – сказал он. – Джо далеко не уйдет. Он пошел, конечно, прямиком на кочкари. И он не заблудится, ведь и сам он и Лесси знают на болоте каждую тропку.

Хайнз точно и не видел, что у людей в доме горе.

– Ну, где же она? – сказал он. – Где тут моя собака? – Сэм Керраклаф медленно повернулся к маленькому человечку.

– А я вот и иду ее искать, – сказал он тихо.

– Отлично! Я пойду вместе с вами, – сказал Хайнз – Для верности, чтоб не было подвоха.

В Сэме Керраклафе на одно мгновение вскипела ярая злоба, и он двинулся на Хайнза. Тот сжегился.

– Но-но, не затевайте! – пропищал он. – Для вас же будет лучше ничего не затевать.

Керраклаф поглядел на него сверху вниз, и, как будто почтя недостойным связываться с человеком, который настолько уступает ему и ростом и силой духа, он прошел мимо него к дверям. В дверях он обернулся.

– Ступай-ка ты прямо домой, мистер Хайнз, – сказал он. – Собаку твою тебе приведут, как только я ее сыщу.

Сказав, Сэм Керраклаф вышел в вечернюю тьму. Он не пошел в поселок. Он шел вверх по переулку, пока не выбрался на большое плоскогорье, которое тянется, голое и неприятное, на мили и мили по северной окраине страны.

Он шагал неуклонно вперед. Вскоре стало совсем темно, но его ноги сами, будто по инстинкту, держались малоприметных тропок, проторенных людьми за сотни лет, что ходили они

туда и обратно по дикому полю. Пришлый человек мог бы сразу же заблудиться на этой равнине, где, казалось, не было никаких путеводных знаков, но житель поселка ни один не заблудился бы.

Всю свою жизнь – с первых детских игр – они изучали свой край. Они знали каждую пядь торфяного болота, и поворот тропы так же верно говорил им, где они находятся, как городскому жителю – дощечка с обозначением улицы на перекрестке.

Итак, отец Джо уверенно шел вперед, потому что знал, где ему искать сына. В пяти милях ходьбы по плоскогорью болото кончалось, упершись как бы в остров среди равнины, остров из выветренных скал, огромных каменных глыб с острыми краями – вид у них был как раз такой, как будто в незапамятную старину великан-ребенок начал складывать из своих кирпичиков башни, а потом бросил игру, наполовину не достроив. Сюда жители поселка часто приходили в час беды. Мрачные, нелюдимые каменные башни с их расселинами и пещерами были местом, где ты можешь сидеть в полной тишине и думать о неурядицах мира и жизни, и никто тебя не потревожит.

Сюда и направился Сэм Керраклаф. Он уверенно шагал в темноте. Вечерний дождь начал нахлестывать над болотом, мелкий и непрерывный, похожий скорее на туман, но Сэм не убавил ходу. Наконец замаячила в темноте каменная гряда. И тут, едва его нога ступила на первые камни, гулко отдававшие шаги, Сэм Керраклаф услышал обрывистый лай – лай, каким собака на страже дает свое предостережение.

Взобравшись выше по тропе, памятной ему с его собственного детства, человек пошел на лай. Здесь на уступе скалы, где они нашли защиту от нахлестывавшего дождя, он увидел собаку и сына. С минуту он стоял, и было слышно только его шумное дыхание. Потом сказал:

– Идем, Джо.

Только и всего.

Мальчик послушно встал, несчастный, молчаливый, пошел за отцом. Они шли с собакой по тропкам в зарослях вереска, по тропкам, так хорошо знакомым обоим. Когда они уже близко подошли к поселку, отец заговорил вторично:

– Ступай прямо домой и подожди меня, Джо. Я отведу ее назад к герцогу. Потом, когда вернусь, мне надо сказать тебе словечко.

Что это будет за «словечко», Джо знал заранее. Он знал, что, убежав из дому, он совершил проступок против семейного уклада. Но, только войдя в дом, по поведению матери он в полной мере ощутил, как глубоко этот проступок оскорбил его родителей. Мать не заговорила с ним, когда он снимал намокшую куртку, когда пристраивал к огню посушить свои башмаки. Она поставила перед ним еду, кружку горячего чая. И все еще не заговаривала.

Наконец вернулся отец. Он стал посреди комнаты, его суровое лицо блестело, мокрое от дождя, а лампа бросала ему на нос, на скулы и на подбородок резкие отсветы.

– Джо, – начал Сэм Керраклаф, – ты знаешь, что ты плохо сделал, убежав с Лесси? Что ты обидел и мать и меня?

Джо твердо смотрел на отца. Он поднял голову и сказал отчетливо:

– Знаю, отец.

Отец тряхнул головой и глубоко вздохнул. Потом поднес руки к животу и начал отстегивать свой толстый ремень.

Джо молча наблюдал. Потом, к своему удивлению, услышал голос матери.

– Этого ты не сделаешь! – крикнула она. – Не сделаешь, говорю!

Она встала прямо против отца. Джо раньше никогда не видел такой свою мать. Она стояла против отца, лицом к лицу. Она быстро обернулась.

– Джо, сейчас же наверх! Ложись спать. Уходи отсюда.

Когда Джо послушно пошел, он увидел, что она опять повернулась к отцу и заговорила ясно и ровно.

– Нужно сперва кое-что обсудить, – сказала она. – И я хочу начать разговор прямо с места. Я так полагаю – пора, чтобы кто-нибудь начал разговор.

Оба стояли молча, потом, когда Джо по дороге к лестнице проходил мимо матери, она взяла его за плечи и одну секунду с улыбкой глядела ему в лицо. Она быстро прижала к груди его голову, потом ласковым движением руки подтолкнула его к лестнице.

Поднимаясь по ступенькам, Джо дивился про себя, почему это бывает иногда, что взрослые так хорошо понимают тебя как раз тогда, когда они тебе особенно нужны.

... На другое утро за завтраком, покуда отец был тут, о вчерашнем не обмолвились ни словом.

Джо помнил, что накануне вечером, когда он уже ушел к себе наверх, мать с отцом повели разговор и потом, когда он уже лежал в кровати, они еще долго разговаривали. И, даже проснувшись среди ночи, он услышал, что они все еще разговаривают внизу. Слов он слышать не мог – дом был крепкой стройки, – слышны были только голоса: резкий, настойчивый голос матери и голос отца – низкий, гулкий и терпеливый.

Но, когда отец позавтракал и вышел из дому, мать начала:

– Джо! Я пообещала отцу поговорить с тобой.

Джо уставился на скатерть и ждал.

– Ты знаешь сам, что ты плохо сделал, мальчик, знаешь, да?

– Да, мама. Извини меня, я очень сожалею.

– Знаю. Но что толку виниться задним числом? Этим, Джо, дела не поправишь. А время трудное, и ты не должен огорчать теперь отца. Теперь особенно. Не должен.

Она сидела за столом, полная, по-матерински сильная, и глядела мальчику в лицо. Потом ее взгляд как будто ушел куда-то вдаль.

– Понимаешь, сейчас положение дел не такое, как было раньше, Джо. И ты не должен это забывать. Твой отец... у него сейчас и так хватает забот – при таком положении дел. Ты уже большой – тебе двенадцать лет, – ты, если постарайся, можешь все понять не хуже, чем понимают старшие.

Так вот, в такое время, как сейчас, очень трудно в хозяйстве сводить концы с концами. А чтобы прокормить в доме пса, надо очень много – то есть чтобы прокормить как следует. У нее очень хороший аппетит, у нашей Лесси, и трудная это задача в наши дни, при нынешних делах, как следует прокормить собаку. Ну, ты понял, да?

Джо медленно склонил голову. Он понял по-своему, наполовину. Если бы взрослые могли посмотреть на дело, как смотрел он сам, он бы высказал все напрямик. Но мать похлопывала его по плечу, похлопывала белой рукой, такой чистой, гладкой, полной, – рукой, которая месит хлеб, и так быстро сует, когда вяжет чулки, и танцует над иглой, когда штопает.

– Ну, будь же молодцом, Джо! – Ее лицо просветлело. – А случись когда, что положение опять изменится... и жизнь пойдет по-старому... знаешь, что мы сделаем тогда? Мы тогда первым делом, заведем другую собаку, да?

Джо не знал почему, но только ему показалось, что овсяный кисель застрял у него в горле.

– Мне другой собаки не надо! – закричал он. – Ни сейчас и никогда! Не нужна мне другая собака...

Мальчик хотел добавить: «Мне нужна только Лесси!» – но он как-то почувствовал, что эти слова будут обидны для матери. Поэтому он только взял кепку и выбежал на улицу, по которой другие дети уже шли в школу.

Глава седьмая ВСЕ ПОТЕРЯНО, КРОМЕ ЧЕСТИ

Все было верно, что сказала мать. Жизнь пошла не такая, как раньше. Джо с каждым днем ощущал это все сильнее. Во-первых, Лесси больше не приходила к школьным воротам. Должно быть, герцогский слуга наконец придумал, как окружить ее такими препятствиями, что даже и она не могла их одолеть.

Каждый день, когда Джо выходил из школы, в нем на одно мгновение оживала надежда и он устремлял глаза на то место у ворот, где всегда сидела Лесси. Но ее там никогда не бывало.

В школе на занятиях Джо старался думать об уроке, но Лесси не шла у него из ума. Он отбивался от собственных мыслей. Он решал больше не ждать, что она когда-нибудь снова окажется

там. Но, проходя после уроков по школьному двору, он всякий раз обращал глаза к тому месту у ворот – наперекор своим обещаниям самому себе больше никогда ее не ждать.

Ее там не бывало никогда, – значит, жизнь пошла не такая, как раньше.

Но дело было не только в Лесси. Джо стал замечать, что и многое другое в жизни идет не так, как раньше. Он замечал, что родители часто ругают его теперь за такие вещи, за какие прежде никогда не сердились. Например, иногда за столом мать следила, сколько ложек сахара он сыплет в чай. Она поджимала губы, а порой прямо говорила:

– Куда тебе столько сахара, Джо? Нельзя же... не стоит есть так много сахара. Вредно для здоровья.

Мать за последнее время стала очень раздражительна – и это тоже было чем-то новым, чем-то, что «шло не так, как раньше».

Однажды, когда она собралась идти за покупками на воскресный день, она повела себя так странно! И только потому, что он предложил сделать на обед жаркое.

– Почему бы нам не сделать на воскресенье жаркое, мама? И пудинг по-йоркширски. У нас его давненько не было. Уф! Я только заговорил об этом, и у меня сразу разыгрался аппетит.

Раньше, бывало, мать с отцом радовались его аппетиту. Они смеялись, подшучивали, говорили, что ест он так, что впору слону, и всегда давали ему прибавку. Но на этот раз мать не засмеялась, даже не ответила ему. Она остановилась, швырнула кошелку и, ни слова не сказав, бросилась наверх, в спальню.

А отец поглядел ей вслед, потом без разговоров вскочил, взял кепку и вышел, хлопнув дверью.

Да и многое другое шло не так, как раньше. Теперь нередко, войдя в дом, он заставлял отца и мать сердито глядящими друг на друга. Едва он входил, они мгновенно смолкали, но он видел по их лицам, по тому, как они держались, что у них был спор.

Однажды поздно ночью он проснулся и услышал, что они внизу, на кухне, ведут разговор. То не было приятное гуденье голосов, как в прежние дни. Голоса были вскидчивые, сердитые. А потом, встав с кровати, Джо расслышал сказанные отцом слова:

– Говорю тебе, я исходил двадцать миль вокруг, ноги сбил, и нигде ничего...

Тогда голос матери сделался ровней, и Джо услышал, что она вдруг заговорила совсем тихо, в теплом, ласковом тоне.

Да, многое шло не так, как раньше. В самом деле, очень многое. Джо казалось даже, что просто уже ничто не идет, как раньше. И все это было для него как добавление к одному, главному: нет больше Лесси!

Когда была у них Лесси, дома было тепло и уютно, был мир и лад. Теперь, когда ее отдали, все стало неладно. Значит, ответ простой: если Лесси вернуть, все опять пойдет по-хорошему, как раньше.

Джо много думал об этом. Мать просила его забыть Лесси, а он не мог. Он мог притворяться, что забыл, мог перестать о ней разговаривать. Но Лесси неизменно жила в его мыслях.

Он не выкинул ее из мыслей. Он сидел в школе за партой и все мечтал о ней. Он все думал, что, может быть, придет день... придет такой день... и как сбывается сон: он выходит из школы, а она тут как тут, сидит у ворот. Он видел ее как живую: черно-белый мех отливает на солнце, глаза блестят, уши стоят торчком и пригнулись вперед, на него, чтобы ей уловить звук голоса, который прежде скажет собаке о приближении хозяина, чем могло бы ей сообщить ее слабое зрение. Хвост ее будет приветливо помахивать, а губы растянутся в счастливом собачьем «смехе».

Потом они помчатся домой... домой... домой... Побегут вдвоем по поселку, счастливые побегут вдвоем.

Так мечтал Джо. Пусть он не мог говорить о своей собаке, но он непрестанно мечтал о ней и все надеялся, что когда-нибудь, в один прекрасный день...

Спустились ранние сумерки английского севера, когда Джо вошел в дом. Оба, и отец и мать, сразу устали на него глаза.

– Ты почему так поздно? – спросила мать.

Ее голос прозвучал жестко и обрывисто. Джо почувствовал, что опять между ними был разговор – сердитый разговор, как часто в эти дни.

– Меня оставили после уроков, – сказал он.

– А чего ты натворил, что тебя оставили?

– Учитель сказал мне «садись», а я не расслышал.

Мать уперла руки в бока:

– Ты, значит, стоял – и что ж ты делал?

– Глядел в окно.

– В окно? А почему ты глядел в окно?

Джо молчал. Как мог он объяснить им? Лучше было промолчать.

– Ты слышишь, что спрашивает мать?

Отец стоял рассерженный. Джо кивнул.

– Так ответь ей. Почему ты глядел в окно во время уроков?

– Невольно.

– Это не ответ. Что значит «невольно»?

Джо почувствовал, точно захлестывает его какая-то общая безнадежность... Отец, который всегда так все понимает, теперь сердится на него! Он почувствовал, как слова сами собой срываются с губ:

– Я невольно. Было около четырех. Как раз ее время. Я услышал, как залаяла собака. Похоже было на ее лай. Я подумал, что это она, я вправду подумал так. И я невольно поглядел в окно. Я не думал, что я делаю, мама. Правда. Я поглядел в окно, чтоб узнать, не она ли это, и я не услышал, как мистер Тимз сказал мне «садись». Я думал, что там Лесси, а ее не было.

Джо услышал голос матери, громкий, раздраженный:

– Лесси, Лесси, Лесси! Если я еще раз услышу это имя... Неужели в моем доме никогда не будет мира и покоя?...

Мать и та не поняла!

Это сильнее всего огорчило Джо. Когда бы хоть мать поняла!

Ему стало невтерпёж. Что-то горячее подступило к горлу. Он повернулся и побежал к дверям. Он пробежал в сгущающихся сумерках по садовой дорожке. Он бежал и бежал, вверх по переулку, пока не выбежал в поле, на болото.

Жизнь уже никогда не пойдет по-хорошему!

На болоте было темно, когда Джо услышал шаги, а затем и голос отца.

– Это ты, Джо, мальчик мой?

– Да, папа!

Отец, казалось, больше не сердится. Джо вдруг почувствовал себя спокойней возле большого, сильного человека, ставшего рядом с ним.

– Гуляешь, Джо?

– Да, папа, – сказал Джо.

Джо знал, что отцу трудно «разводить разговоры», как он это называл. Отцу всегда нужно было так много времени, пока у него свободно пойдут слова.

Он почувствовал руку отца на своем плече, и они зашагали вдвоем по равнине. Долго оба они не заговаривали. Как будто им довольно было и того, что они вдвоем. Наконец отец заговорил:

– Вот гулять, Джо, – замечательная это штука, правда, Джо?

– Да, отец.

Отец кивнул и, казалось, был очень доволен и своим замечанием и ответом сына. Он шел свободно, а Джо старался шире выбрасывать ноги, чтобы приноровиться к твердому, мощному шагу отца. Вдвоем, не разговаривая, они одолели подъем, и тут под их стопами зазвенел камень – значит, дошли до скал. Наконец они сели, на краю уступа. Выплыл полумесяц из-за гряды облаков, и стало видно простершееся вдаль торфяное болото.

Джо увидел, как отец взял в рот короткую глиняную трубку, а потом начал рассеянно похло-

пивать поочередно по всем своим карманам, пока вдруг до него не дошло, чем он занят. Тогда его руки унялись, и он стал сосать свою пустую трубку.

– У тебя нет табака, отец? – спросил Джо.

– Нет, почему... Просто... такие пошли времена... Я бросил курить.

Джо наморщил лоб:

– Это потому, что мы бедные, папа, и ты не можешь покупать табак?

– Да нет, мальчик, мы не бедные, – твердо сказал Керраклаф. – Просто... времена пошли не такие, как раньше... ну и вообще, я слишком много курил. Лучше будет для здоровья, если бросить на время.

Джо задумался. Он сидел в темноте рядом с отцом и знал, что отец «сглаживает», чтоб его успокоить. Он знал, что отец хочет заслонить его от забот, которые несут взрослые. Джо вдруг почувствовал благодарность к отцу; большой и сильный, он пошел за ним в торфяное поле, поднялся сюда, чтобы как-нибудь его утешить.

Он протянул руку, ища руки отца:

– Ты на меня не сердись, папа?

– Нет, Джо, отец не может всерьез рассердиться на своего собственного мальчика... Никогда. Он только хочет, чтобы тот понял положение вещей. Вот что я хотел тебе сказать. Ты не должен думать, что мы тебя слишком прижимаем. Мы вовсе того не хотим. Но дело в том, что... ну... Тут вся суть в том, что человек должен быть честным, Джо. И никогда ты этого не забывай, никогда в жизни, что бы ни случилось. Нужно быть честным.

Джо сидел притихший. Отец теперь говорил вроде как сам с собой, сложив руки, сидя очень тихо, бросая слова в ночной туман:

– А иной раз, когда человеку приходится туго, Джо, тогда он больше, чем всегда, держится за свою честность, потому как больше у него ничего не осталось. Он хоть знает тогда: «Я остался честным». И чудная это штука – честность. Тут не бывает надвое. Тут что-нибудь одно. Либо ты честен, либо нет. Ясно тебе?

Джо не совсем понимал, что имеет в виду его отец. Он только знал, что для отца это очень важно, если он сложил столько длинных фраз. Обыкновенно отец его скажет только «да» или «нет», а сейчас он пытается говорить. И Джо сумел как-то почувствовать всю важность того, что отец пытался разъяснить ему.

– Выходит так, Джо. Я семнадцать лет проработал на этой шахте, на «Прекрасной Кларе». Семнадцать лет – в добрые времена и дурные, на полной неделе и на неполной. И был я хорошим горняком, это каждый мой товарищ подтвердит хоть под присягой. Бок о бок со мною, Джо, всегда работал подсобник – за семнадцать лет их было много, не один десяток. Но, мальчик мой, никто не может сказать, что за все эти годы Сэм Керраклаф хоть раз присвоил что-нибудь чужое или сказал неправду. Запомни, Джо. Во всем нашем Западном райдинге нет человека, который мог бы встать и заявить, что хоть один из Керраклафов когда-нибудь оказался нечестен. Вот это-то я и разумею, когда говорю – держись того, что имеешь. Честной бывает только одна дорога. Двух быть не может. И ты уже большой мальчик и должен понимать, что ежели ты продал что-то человеку и взял у него деньги и ежели ты эти деньги потратил... то уж тогда так тому и быть. Лесси продана, и кончено...

– Но, отец, она же...

– Ладно, Джо. Тут ничего не переменишь. Говори сколько хочешь, ничего ты тут не переменишь: она продана, мы взяли у герцога деньги, потратили их, и теперь она – его собака.

С полминуты Сэм Керраклаф сидел молча. Потом опять заговорил, как бы сам с собой:

– Да, пожалуй, оно вышло к лучшему. Тут надвое не скажешь, стало трудно ее кормить. Такой пес ест никак не меньше, чем взрослый мальчик.

– Как будто раньше мы ее не кормили!

– Надо, Джо, смотреть правде в глаза. Раньше, понимаешь, я работал. А теперь, если посмотреть правде в глаза, так я безработный, сел на пособие. А на пособие собаку не прокормишь! Выходит, оно и лучше, что ее отдали. Ты вот как посмотри на это, мальчик. Ведь не хотел бы ты, чтобы Лесси бродила жалкая, чахлым заморышем. Хотел бы ты, чтоб у нее был такой вид, точно

ей живется, как у иного хозяина, который не заботится о своей собаке, хотел бы, да?

– Мы бы ее не заморили, отец. Как-нибудь обошлись бы. Я мог бы есть поменьше...

– Нет, Джо, это не дело.

Оба замолкли, потом отец начал снова:

– Ты посмотри с другого боку, мальчик. Ведь ты крепко любишь собаку, да?

– Знаешь сам, отец.

– Так вот, раз ты ее любишь, ты должен радоваться, что ей теперь хорошо. Ты подумай, Джо, Лесси теперь получает вволю еды... и у нее своя отдельная будка, на нее одну... и свой просторный выгул... и все о ней заботятся. Право, мальчик, она прямо как какая-нибудь принцесса, что живет в своем дворце с большим садом. Вот оно как. Она теперь прямо что твоя принцесса. Разве это плохо для нее?

– Да, отец, но она была бы счастливей, если бы...

Сэм Керраклаф тяжело вздохнул:

– Ух, Джо! На тебя не угодишь! Скажу тебе все, и с плеч долой. Ты должен начисто выбросить Лесси из головы, потому что тебе ее больше не видать.

– А может, она опять сбежит?...

– Нет, мальчик, нет! Сбежала она тогда в последний раз – и тоже зря. Больше она не сбежит... уже никогда не сбежит!

Джо через силу выдавил слова:

– Что с ней сделали?

– Что? Когда я в последний раз привел ее назад, герцог вскинулся и на меня, и на Хайнза, и как есть на всех. А я взъерился на него, потому что я ему ни гроша не должен, герцог он или не герцог, и я сказал, что, если она еще раз убежит, он ее больше не увидит, а он сказал, что если она когда-нибудь сбежит опять, то и черт с ней совсем, но что он-де не даст ей сбежать. И он увез ее с собой в свое поместье в Шотландию. Он ее готовит на выставку. Хайнз тоже поехал при ней и еще с полдюжиной самых видных собак для выставки. А после выставки ее отправят обратно в Шотландию и больше никогда не привезут сюда, в Йоркшир... Так что она там останется насовсем, и, значит, надо сказать ей «прощай» и пожелать ей удачи. Домой она больше не придет. Я, видишь, не думал говорить тебе об этом, но вышло, что ты знаешь, и тем лучше. Вот и все, теперь хоть набей этим трубку и раскури!.. Понимаешь, Джо, в нашей жизни, если чему нельзя помочь, так уж надо терпеть. Прими это, как мужчина, и больше, пока мы живы, об этом ни полслова, особенно при матери.

Джо не помня себя сошел, спотыкаясь, вниз по дорожке со скалистого края, и они зашагали вдвоем по кочкарнику. Отец не утешал его, только шел с ним рядом, все еще посасывая свою пустую трубку. Только уже вблизи поселка, когда стали видны освещенные окна, он снова заговорил.

– Перед тем, как мы войдем в дом, – сказал он, – я хотел бы, Джо, чтобы ты подумал о матери. Ты подрос, будь же против нее мужчиной и постарайся понять ее. Женщины, Джо, они не то что мужчины. Они сидят дома – уж так им приходится – и стараются вести хозяйство как можно лучше. А когда им чего не хватает, тут они все свое время проводят в том, что хотят того, чего у них нет. И когда дела идут не так, как надо, тут они должны выговориться, и они набрасываются на мужчину и ругают. Ну, а мужчина, если он со сметкой, он им это спускает. Потому что он знает: ничего такого женщина не думает, когда она грызет, и пилит, и дает волю языку. Так что ты не принимай всерьез, если мать бранит меня или если она иной раз рывкнет и на тебя. У ней нынче забот полон рот, вот она и теряет терпение... А раз так, значит, мы сами должны быть терпеливы, Джо. Ты да я. А потом... ну, когда-нибудь... положение, может быть, опять полегчает, и тогда времена пойдут получше для всех нас. Ты понял, мальчик?

Отец нагнулся к Джо и стиснул его руку повыше локтя, как бы затем, чтобы приободрить сына.

– Да, отец, – сказал Джо.

Он остановился, глядя на огни поселка.

– Отец, Шотландия – это очень далеко?

Сэм Керраклаф стоял, свесив голову на свою широкую грудь. Он вздохнул глубоко и печально.

– Это долгая, долгая дорога, Джо. Тебе, пожалуй, никогда и не придется проделать такое дальнейшее путешествие. Долгая, долгая дорога.

И они бок о бок печально зашагали к поселку.

Глава восьмая ПЛЕН В ГОРНОЙ СТРАНЕ

В самом деле, «долгая, долгая это дорога», как сказал Сэм Керраклаф, от поселка Гринол-Бридж в Йоркшире до поместья герцога Радлинга на севере Шотландии, в Горной стране.

Вы едва ли захотели бы пуститься в такую даль пешком.

Чтобы туда попасть, придется идти почти неуклонно на север, пока вы не пересечете торфяные болота и равнины Йоркшира. Потом, забрав к востоку, вы пройдете пустынной стороной, а дальше – богатой сельской местностью с возделанными полями. Если вы поедете поездом, то скоро вас потянет глядеть в окна направо, и вы увидите Северное море, сверкающее под высоким каменным обрывом. Налево от вас будут островерхие башни старинных городов, а потом дымная завеса промышленных центров Дерхема, где в дельтах рек тянутся вдоль берегов большие верфи и где уголь идет и идет поездами к пристаням морских портов.

В дороге вас рано настигнет темная ночь, потому что эта земля лежит далеко на севере, где солнце садится рано, а встает поздно. Но ваш поезд будет идти и идти, кряхтя в темноте, будет мчаться по мостам, пересекая реки, пока наконец не пронесется над рекою Твид, и это будет означать, что Англия осталась позади.

Поезд будет мчаться вперед, сквозь ночь, прогрохочет мимо промышленных городов Нижней Шотландии, где печи и горны в темноте горят ярче, чем при свете дня. За ночь ваш поезд пройдет много мощных мостов, пронося вас через очень широкие устья рек – через «фирты», как их называют шотландцы.

Утром ваш поезд все еще будет мчаться вперед, но теперь местность изменит свой вид. Не будет больше городов, изрыгающих дым. Вместо них вы увидите прекрасную шотландскую землю, которую столетиями воспевали поэты, – синие горы и озера в зеленых берегах и цепи холмов, где пастухи пасут свои стада.

Поезд будет нести вас вперед и вперед, а земля вокруг будет становиться все более дикой, холмы сменяются скалистыми горами, а к озерам – по-здешнему «лохам» – все ближе будут подступать леса. Край будет делаться все нелюдимей – потянутся на большом протяжении вересковые поля, где редко увидишь человека, где еще бродят олени. Вперед и вперед будет мчать вас поезд, к самой северной точке страны.

И здесь, на этой самой отдаленной окраине, находится большое шотландское поместье герцога Радлинга, с хмурым каменным домом, который смотрит в море, на Шетлендские острова – причудливые, опоясанные камнем клочки земли, где жизнь так тяжела, а климат так неласков, что кажется – природа почти все живущее приспособила здесь на новый лад, чтоб оно могло выжить; где лошади и собаки стали маленькими, но зато необыкновенно крепкими, и потому они отлично могут жить на суровой земле с суровым климатом.

Здесь, на дальнем севере, и был новый дом Лесси. Здесь ее кормили и заботливо обслуживали. Еду ей давали самую лучшую. Каждый день ее причесывали гребнем и щеткой, и делали ей маникюр, и учили стоять в самой наивыгодной позе, чтобы в один прекрасный недалекий день она могла поехать на большую собачью выставку и завоевать герцогу Радлингу новую славу.

Она терпеливо подчинялась всему, что выделял над нею Хайнз, как будто понимала, как бесполезно было бы противиться, но каждый день незадолго до четырех в ней что-то пробуждалось и навык всей прожитой жизни звал ее идти. Она принималась скрестись в решетку своего загона или кидаться на загородку, пытаясь через нее перескочить.

Она ничего не забыла.

... В чистой, бодрящей прохладе воздуха Горной страны ехал верхом по звериному следу

герцог Радлинг. Рядом с ним на своем резвом жеребчике ехала Присцилла. Жеребчик круто выгибал шею и весело припускал в галоп.

– Руки где? – гремел герцог. – Вот как нужно. Теперь слегка осадить. Твердой рукой.

Присцилла улыбнулась. Ее дед считал себя высшим авторитетом касательно всех животных и, когда ехал верхом, не мог воздержаться от бесконечных наставлений. Но на самом деле он весьма гордился верховой ездой Присциллы, и она это знала.

– На то и дала тебе природа руки и ноги! – орал он. – Ноги – чтобы подгонять коня, руки – чтоб осаживать. Тут надо работать и ногами и руками!

Герцог выпрямился в седле и приготовился показать на примере, но его крепкий мышастый жеребец терпеливо бежал все тем же шагом, не меняя ни быстроты, ни аллюра. Сказать по правде, если бы герцог, несмотря на свои годы, вел себя как ему хотелось, он бы до сих пор ездил на самом что ни на есть норовистом верховом коне; но вся его родня на особом семейном совете сговорила этого не допускать, и ему оставили только одного надежного, небрыкливого конька, который и был сейчас под ним. Присцилла знала и это, а потому она кивнула головой, как если бы его неторопливый конь только что сменил гордый галоп на иноходь.

– Ага, дедушка, я поняла, – сказала она.

Герцог довольно выпятил грудь. Потому что он и в самом деле был очень доволен. На старости лет мало в чем находил он столько утех, как в своей внучке, и ничего не ждал с большей радостью, чем этих дней, когда он мог совершать с ней прогулки, пешком или в седле, по своему северному поместью.

– Смотри, что за погода! Дивная! Чудесная!

Он это выкрикнул с гордым видом собственника, как будто он один, герцог Радлинг, распорядился и этим соленым привкусом в воздухе, и мягким солнечным пригревом.

– Все лето здесь! – радостно объявил он. – Все лето! Потом, к осени, назад в Йоркшир. Там мы тоже неплохо проживем вдвоем.

– Но ведь осенью я уеду в школу. Я буду далеко, дедушка, в Швейцарии!

– В Швейцарии!

Герцог прокричал это слово таким громовым голосом, что жеребчик под Присциллой шахрахнулся в сторону, проделав пять-шесть стремительных скачков.

– Но мне же нужно в школу, дедушка!

– Чушь собачья! – гремел герцог. – Посылать девчонок в школы за границу, чтоб они выучились стрекотать на иностранных языках, как мартышки! Никогда не мог понять, для чего существуют иностранные языки, или уж если они существуют, зачем разумному человеку на них разговаривать. Посмотри на меня. Для меня хорош и английский. Я за всю свою жизнь не сказал ни слова на каком-либо другом языке и ведь отлично обошелся, верно?

– Но ведь вы бы не хотели, чтобы я выросла необразованной, дедушка?

– Необразованной! Ты достаточно образованная. Вся эта модная чепуха вовсе не образование... Учить девчонок стрекотать на каком-нибудь бессмысленном языке, который знают толком только иностранцы, – модная чепуха, вот это что, по-моему! В мое время людей учили чему следует.

– А чему следует учить, дедушка?

– Вести дом, вот чему. В мое время девочек воспитывали так, чтоб они могли выполнять свою обязанность – вести дом, как следует быть. Нынче им забивают головы всякой чепухой. Футы, ну-ты, новое поколение! Вырастают дерзкими. Вечно возражают старшим. Никакого уважения к возрасту, да. Ты только попробуй мне возражать – нипочем не позволю! Больше я не допущу никаких дерзостей! А ведь ты у меня дерзкая, правда?

– Да, дедушка.

– Да? Да? Ты посмела прямо в лицо сказать мне «да»?

– Пришлось, дедушка. Вы мне велели не возражать вам, а если б я сказала «нет», так ведь это было б возражением?

– Гхы-гхым! – промычал герцог. – Гхым!

Он с торжеством погладил свои пышные белые усы, как будто выиграл бой. Потом сверху

вниз посмотрел на внучку, на ее длинные льняные волосы, которые буйно выбивались из-под задорной жокейской шапочки и падали волнами на ее обтянутые джемпером плечи. Он откашлялся, пофырчал и опять распушил усы, затем улыбнулся и закивал головой.

– Да, ты дерзкая маленькая женщина, – сказал он. – Но ты не безнадежна. Знаешь, ты как раз такая, каким был я в твои годы. Ты похожа на меня, вот в чем дело. Ты пошла в меня – ты одна из всей семьи! Так что ты не безнадежна.

Лошади зацокали подковами по вымощенному булыжником конному двору, и, едва лишь конюх подбежал принять их, герцог вскипел.

– Не держи его за голову! – орал он на конюха. – Терпеть не могу, чтобы кто-нибудь придерживал коня за голову, когда я схожу с седла. Я прекрасно могу сойти с седла без чужой помощи.

Шумя и клопоча в злобной своей манере, герцог стоял, пока Присцилла возилась с подпругой и отводила своего конька в его стойло.

– Вот это правильно! – закричал он тем голосом, который у него считался самым ласковым. – Нельзя позволять девчонке ездить верхом, если она не умеет ни оседлать коня, ни задать ему корм. Коли ты сам чего не умеешь, ты никогда не сможешь приказать другому сделать это как следует.

Так, в добром расположении духа, старик и его внучка пошли рядом мимо конюшни к господскому дому. И вот, когда они проходили вдоль низкого каменного строения, Присцилла остановилась. Потому что вдоль строения тянулись собачьи дворики. В каждом дворике прыгала с сумасшедшим лаем собака – в каждом, кроме одного. В нем была трехцветная красавица колли. И она не лаяла, не прыгала. Она стояла, повернув голову к югу. Она глядела в пространство.

Ради собаки и остановилась Присцилла.

– В чем дело? Что там еще? – вскинулся герцог.

– Колли. Дедушка, почему она на цепи?

Герцог передернулся и перенес свое внимание на собаку. Секунду он стоял молча, потом в нем как будто что-то взорвалось. Голос его раскатился громом по конному двору и псарне:

– Хайнз! Хайнз! Куда он спрятался, этот человек? Где он?

– Иду, сэр! Иду! – донесся голос Хайнза, и в тот же миг щуплая фигурка в клетчатом пиджаке выбежала с другой стороны. – Да, сэр. Я тут, сэр.

Герцог круто обернулся.

– Это еще что! Нечего хорониться за моей спиной! – орал герцог. – Почему собака на цепи?

– А так что я посадил ее на цепь, сэр. Она раздрает и раздергивает проволочную сетку. Я десять раз чинил, но каждый день она опять принимается за свое. Вы мне приказали крепко держать ее на запоре, и чтобы...

– Насчет цепи я не приказывал. У меня еще ни одна собака не сидела на цепи, поняли?

– Да, сэр.

– Так не забудьте. Ни одна собака... никогда!

Герцог снова круто повернул, едва не отдавив Присцилле ноги. Он посмотрел на нее сверху вниз, потому что она дергала его за рукав.

– Дедушка, у нее неважный вид. Она мало двигается. Что, если мы станем брать ее с собой на прогулку? Она такая красивая!

Герцог покачал головой:

– Нельзя, дорогая. Она тогда будет не в форме.

– Не в форме?

– Именно. Ее готовят на выставку. Она должна взять первый приз. Если мы станем брать ее с собой, дадим ей дико носиться, она наберет... уф!.. наберет репья в шерсть, и «гамаша» у нее издерутся и попортятся. Нельзя, понимаешь?

– Но ведь ей же нужно двигаться?

Они оба смотрели на собаку за решеткой. Лесси стояла, не устаивая их взглядом, точно она королева, а они существа, стоящие настолько ниже, что она их и не замечает.

Герцог поскреб подбородок.

– Да. Ей надо дать возможность больше двигаться, вот что я сказал бы. Хайнз!
– Да, сэр?
– Ей нужно гулять. Позаботьтесь, чтобы она каждый день выходила на прогулку.
– Она опять попырбует сбежать, сэр.
– Возьмите ее на сворку, идиот вы! Вы сами будете ее прогуливать. Для моциона. Мне нужно, чтобы собака была в самом лучшем виде.
– Слушаю, сэр.

Герцог с Присциллой повернули к дому. Хайнз посмотрел им вслед. Едва они исчезли из виду, он яростно надел шапку. Он утер рот тыльной стороной руки, потом обратился к собаке.

– Значит, вам нужно гулять, сударыня, да? – сказал он. – Так! Я еще должен водить вас на прогулку. Только этого мне не хватало!

Но собака не обернулась на его голос. Она стояла, натянув до отказа цепь, и глядела по-прежнему прямо вперед – глядела на юг.

Глава девятая ОПЯТЬ НА СВОБОДЕ

Это совершило присущее Лесси чувство времени – то странное чувство, что с точностью говорит животному, который час.

Случись это в другое время дня, возможно, Лесси последовала бы навыку всей своей жизни – подчиняться слову приказа – и вернулась бы к Хайнзу, как только он приказал. Но она не вернулась.

Это произошло во время одной из нововведенных прогулок. Лесси, как всегда, послушно шла за Хайнзом, держась у его ноги. На Лесси был ошейник, но она не натягивала поводок, забегая вперед, и не отставала настолько, чтобы он сам на ней натягивался. Она шагала, как положено благовоспитанной собаке, держась у левой пятки, а головой почти касаясь Хайнзова колена.

Все шло отлично, лучше и пожелать нельзя, но только Хайнз не забывал своей досады на то, что он и сам принужден совершать моцион, чтобы Лесси была в надлежащем состоянии. Ему хотелось вовремя прийти домой к чаю, и еще ему хотелось показать Лесси, «кто тут хозяин».

И вот он ни с того ни с сего, безо всякой надобности натянул поводок.

– А ну, иди живей! – гаркнул он.

Лесси почувствовала, что ее дернуло за шею, и приостановилась. Она просто была несколько озадачена. По давней выучке она знала, что делала все в точности так, как от нее ждали.

И все же этот человек, очевидно, ждал чего-то еще. Она не знала твердо, чего именно.

И вот в эту секунду нерешительности она чуть замедлила шаг. Хайнз это отметил чуть ли не с радостью. Он обернулся и дернул поводок.

– Иди ж, иди. Иди, раз тебе говорят! – закричал он.

Лесси попятилась перед угрозой в его голосе. Хайнз дернул опять. Лесси поступила так, как поступила бы каждая собака: уперлась на поводу и опустила голову.

Хайнз потянул еще крепче. Ошейник соскользнул через узкую голову собаки.

Лесси была на свободе!

В ту долю секунды, когда Хайнз это увидел, он повел себя согласно своей природе – и вразрез своим знаниям опытного собачника. Он сделал прыжок, чтобы схватить Лесси. А этого-то и не следовало делать. Потому что она инстинктивно отскочила, чтобы увернуться от него.

Своим поведением Хайнз достиг только одного: для Лесси стало ясно, что она хочет держаться от него подальше. Заговори он с ней в обычном тоне, она, может быть, подошла бы к нему. В самом деле, если бы он просто сказал ей: «К ногам!» – она, может быть, пошла бы за ним обратно в свою клетку, ничем не связанная, лишь на поводу привитого ей навыка подчиняться человеку.

Все же Хайнз был опытным собачником и все понял – понял, что сделал грубую ошибку и что, если позволит себе еще одно угрожающее движение, он еще больше отпугнет собаку. И тут он попробовал сделать то, с чего должен был начать.

– Сюда, Лесси. Ко мне! – сказал он.

Лесси стояла в нерешительности. Один из ее инстинктов подсказывал ей подчиниться. Но память о внезапном наскоке была слишком свежа. Хайнз это видел. Он затаил самым своим высоким голосом в том заискивающем тоне, который ему самому представлялся обольстительным:

– Лесси. Хорошая. Собачка моя хорошая. Ну же, хорошая собачка... стой теперь на месте. Теперь не двигайся. На месте.

Он пригнул колени и защелкал пальцами, чтобы привлечь внимание собаки. А сам незаметно, пядь за пядью, подползал ближе.

– Тихо, ни с места! – приказал Хайнз.

Навык, привитый Лесси Сэмом Керраклафом, навык всей жизни, казалось, должен был сделать свое дело. Потому что, хоть Лесси и не любила Хайнза, ее научили правилу, что она должна подчиняться человеку, если он ей говорит слова команды.

Но тут в ней зашевелился, хоть и очень слабо, другой импульс, который тоже был навыком всей ее жизни. То было чувство времени.

Это начало смутно, туманно пробуждаться в ней. Она этого не сознавала, не думала, не обдумывала, как мог бы человек. Это постепенно нарастало в ней. Это было только слабое побуждение.

Уже время... время... время...

Она следила, как Хайнз подползает все ближе. Она подняла чуть выше голову.

Время... уже время... время идти...

Хайнз подбирался ближе. Еще секунда, и он будет так близко, что сможет схватить собаку, запустить пальцы в ее густую, тяжелую гриву и, крепко уцепившись, опять надеть ей через голову ошейник с поводком.

Лесси следила за человеком. Побуждение становилось ясней.

Время... уже время идти за...

Хайнз напрягся. Как будто почувствовав это, Лесси метнулась. Она отпрянула на два шага от подползавшего человека. Она хотела быть на свободе.

– У, проклятая! – взорвался Хайнз.

И тут же, как будто поняв свою ошибку, снова затаил:

– Ну же, Лесси, хорошая моя. Стоять на месте. Стоять. На месте.

Лесси, однако, уже не слушала его. Только малой частью своих чувств она следила, как человек подбирается ближе. Все остальное в ней насторожилось на внутреннем побуждении, которое становилось все ясней и ясней. Надо ловить мгновение. Она как-то по-своему чувствовала, что, если этот человек ее схватит, она снова испытает разочарование.

Она отпрянула еще на шаг. И в тот же миг Хайнз сделал прыжок. Лесси увернулась.

Хайнз выпрямился в досаде. Он пошел прямо на нее, говоря утешающие слова. Лесси отпрянула. Она неизменно держала ту же дистанцию между собой и Хайнзом – дистанцию, так хорошо знакомую животному, дистанцию, которая ставит его вне достижения для врага.

Инстинкт говорил ей:

«Сторонись его. Не давай ему настигнуть тебя. Потому что есть... есть нечто еще. Время... время идти... время идти за...»

И тут вдруг, в эту самую секунду, Лесси поняла. Она теперь знала твердо и точно, как если бы стрелки часов указали, что сейчас без пяти четыре.

Время идти за мальчиком!

Она повернулась и побежала прочь – побежала трусцой, как будто ей предстояло сделать яров двести. Не было ничего такого, откуда она могла бы узнать, что место свидания, куда она хочет честно явиться, лежало в сотнях миль и в нескольких десятках дней пути. Было только простое, неприкрашенное знание, в чем состоит долг, который нужно исполнить. И она пошла, чтоб исполнить его как сумеет.

Но тут она услышала за собою Хайнза. Он бежал вслед за ней и звал. Она сменила трусцу на галоп. Она не испугалась. Она будто знала наверняка, что этому существу о двух ногах ее никогда не догнать. Ей даже незачем было прибавлять ходу. Ее откинутые назад уши говорили ей, близко ли Хайнз или нет. К тому же у собаки, как у большинства животных, глаза посажены на голове не

спереди, как у человека, а по бокам – ей довольно чуть-чуть повернуть голову, и она уже видит, что происходит позади нее.

Лесси, как видно, не беспокоилась из-за Хайнза. Она просто бежала и бежала ровным галопом по дорожке, пересекая зеленую лужайку.

Была секунда, когда у Хайнза заколотилось сердце в радостной надежде. Должно быть, он подумал, что Лесси повернет назад, на герцогскую псарню.

Но псарня, где ее держали на цепи и на запоре, не была для Лесси домом. Она была ей ненавистна. И надежда Хайнза умерла, как только он увидел, что колли свернула по усыпанной гравием дорожке к въездным воротам.

И вновь у Хайнза радостно заколотилось сердце: ворота всегда бывали заперты и ограда вокруг усадьбы была высока – угрюмая гранитная стена. Может быть, удастся загнать собаку в угол.

Присцилла с дедом ехали верхом с прогулки к рыбацкому поселку и остановились перед железными воротами у въезда в усадьбу.

– Я открою, дедушка, – сказала внучка.

Она легко соскочила с седла, так как герцог что-то уже забубнил, протестуя. Но Присцилла знала, что может и соскочить и вскочить на коня куда проворней деда. Потому что, сколько бы он ни возражал, а все-таки он был старик, и садиться в седло даже на самого смиренного коня было для него тяжелой задачей, и он ее выполнял пыхтя, и кряхтя, и охая.

Перебросив поводья через согнутую руку, девочка отодвинула засов и всем своим весом надавила на чугунные створы, которые медленно подались назад, качнувшись на петлях.

Только теперь она услышала шум. Глянув вперед, она увидела на дорожке Хайнза. Он бежал к ней со всех ног. Впереди него бежала красавица колли. И Хайнз кричал:

– Закройте ворота, мисс Присцилла! Закройте ворота! Колли вырвалась. Не выпускайте ее на дорогу! Закройте ворота!

Присцилла огляделась. Перед нею были большие распахнутые ворота. Ей только нужно было их захлопнуть, и Лесси оказалась бы запертой на территории усадьбы.

Девочка подняла глаза на деда. Он остался глух ко всему этому шуму. Глух даже к громким крикам Хайнза.

Присцилла стала сдвигать ворота. Она опять навалилась было всем своим весом на створку. До нее донесся голос деда, что-то оравшего в недоуменной досаде. Но она тотчас же забыла о старике, она видела только картину, вставшую в ее уме.

Картина была такая: деревенский мальчик чуть повыше ее ростом стоит у проволочной сетки выгула и говорит собаке: «Останься здесь навсегда, а нас... а нас забудь... и больше никогда не приходи домой». Она еще тогда поняла, что, когда мальчик это говорил, все внутри него кричало, требовало, чтобы он сказал обратное.

И вот она стояла и мысленно видела пред собой эту картину и вслушивалась в эти слова, как если бы ей говорили их сейчас. Ворота она так и не закрыла.

А дедушка все еще кипятился, зная, что что-то произошло, чего его старые глаза и уши не могли ухватить. А Хайнз все вопил:

– Закройте ворота, мисс Присцилла! Закройте же!

Присцилла на один миг замешкалась, потом быстро принялась распахивать ворота. Что-то темное проскочило у ее колена, и Присцилла стояла теперь, глядя на проезжую дорогу и наблюдая, как собака неуклонно бежит по ней легким, ровным ходом, как будто знает, что перед нею долгий-долгий путь. Девочка подняла руку.

– Прощай, Лесси! – сказала она. – Прощай – и доброй тебе удачи!

Герцог сидел на своем коне и не глядел ни на дорогу, ни на колли – он глядел во все глаза на внучку.

– Ох, разрази меня гром! – выкрикнул он. – Разрази меня гром!

Глава десятая ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧАЛОСЬ

Смеркалось, когда Лесси вышла на немощеную дорогу. Теперь она бежала тише, трусцой, и в ее ходе была нерешительность. Она остановилась и оглянулась назад – туда, откуда бежала. Она подняла голову, потому что была сбита с толку.

Чувство времени уже не тянуло ее бежать вперед. Собаки ничего не знают о картах и расстояниях, как знает человек. К этому времени Лесси полагалось встретить мальчика и идти с ним вместе домой – домой к обеду.

Время обедать. Так говорил Лесси соблюдавшийся годами распорядок жизни. Позади, на псарне, перед нею будет миска с добрым куском мяса. Но там будет еще и цепь, делающая собаку узницей.

Лесси постояла в нерешительности, и тут начало пробуждаться другое чувство: тяга к своему дому – один из самых сильных инстинктов у животного. А ее домом была не псарня, откуда она ушла. Им был домик горняка, где она лежала на ковре перед очагом, где было тепло и где голоса и руки были ласковы. И теперь, заплутавшись, она туда и должна держать свой путь.

Она подняла голову, когда в ней проснулась тяга к своему истинному дому. Она наставила нос по ветру, как бы спрашивая, какое взять направление. Потом без колебания она пустилась по дороге к югу. Не просите человека объяснить вам, как могла она узнать, что надо держать на юг. Может быть, тысячи и тысячи лет назад, до того как человек «развил» свой ум образованием, он обладал той же инстинктивной тягой к дому; но если она и была у него, то сейчас он ее лишен. При всем своем умственном развитии человек вам не скажет, почему птица или животное, если посадить их в клетку и увезти в темноте за много миль, а потом выпустить, пускаются сразу к своему дому. Человек знает только, что животные способны на то, что для него невозможно и необъяснимо.

Итак, Лесси не колебалась. Теперь она ощущала великое удовлетворение и внутренний покой. Она шла домой. Она была счастлива.

Никто не мог ей сказать и никаким путем не могла она это узнать, что то, к чему она приступает, лежит чуть ли не в царстве невозможного, что ей надо пройти сотни миль по диким местам – путешествие, в какое мало кто из людей не убоился бы отправиться пешком.

Человек может покупать в дороге еду, а какой монетой может платить за еду собака? Никакой, кроме как любовью к своему хозяину. Человек может читать дорожные указатели – собака же должна идти вслепую, следуя лишь инстинкту. Человеку будет известно, как пересечь ему большие озера, что тянутся с востока на запад чуть ли не через всю страну, преграждая путь всякому животному, двинувшемуся на юг. И откуда знать собаке, что она дорого стоит и что в городах и деревнях живут сотни приметливых людей, которые захотят по этой причине поймать ее?

Столько есть всякого, чего не знает собака, но многому собаку научает опыт.

Лесси побежала счастливая. Путешествие началось.

На исходе долгих северных сумерек два человека сидели на скамейке у своего дома. Дом был как все другие в деревне, выстроившиеся с двух сторон по старозаветной узкой улочке. Стены были толстые от ежегодной побелки.

Старик в простой домотканой одежде бережно разжег свою трубку и, когда раскурил, поднял голову. Он следил, как дым табака улетал, завиваясь, в тихом вечернем воздухе. Вдруг он почувствовал, как второй человек, помоложе, схватил его за локоть.

– Вулли, глянь-ка!

Старик посмотрел, куда ему указывал младший. Он вглядывался, пока глаз его не стал различать яснее в вечерней мгле. К ним приближалась собака.

Человек помоложе, в гетрах и плисовой паре, встал.

– Похоже, хорошая, Вулли, – сказал он.

– Да, Джорди, красивая колли.

Они не спускали глаз с собаки, пока она не подбежала совсем близко. Тогда младший заволновался.

– Перехватим ее, Вулли. Это, похоже, та красивая колли, которую завел себе герцог. Она самая! Могу поклясться. Я ее видел позавчера, когда ходил ругаться с Мак-Уином насчет лососьего

лова. Не иначе, как сбежала...

– Ох, и тогда за нее дадут...

– Дадут награду тому, кто ее приведет...

– А ну, живо!

– Я мигом!

Последнее слово младший бросил через плечо, потому что он уже выбежал на середину улицы. Он преградил собаке дорогу.

– Сюда, дружок, сюда! – звал он. – Сюда, ласонька!

Он пригласительно похлопывал рукой по своему колену. Лесси посмотрела на него. Ее ухо уловило слово, похожее на ее имя: «ласонька». Если бы человек тихо подошел к ней сейчас, она, возможно, дала бы ему провести рукой по своей шерсти. Но он кинулся к ней слишком быстро. Лесси сразу вспомнился Хайнз. Она чуть уклонилась и, не прибавляя ходу, той же трусцой пробежала мимо. Человек метнулся на нее. Ее мускулы напряглись, и она, как ловкий футболист, сделала рывок и «обвела» противника. Несколько секунд она неслась быстрым галопом, потом опять перешла на свою ровную, целенаправленную рысь.

Но человек гнался за ней по деревенской улице. Лесси опять ускорила шаг, сменив рысь на ровный галоп. Чем дальше он гнался за ней, тем крепче укоренялось в ее мозгу, что она не должна даваться в руки человеку. Гнаться за собакой – это только учить ее убегать.

Когда шотландец увидел, что, полагаясь лишь на быстроту своих ног, ему собаку не догнать, он остановился и поднял с земли булыжник. Он думал запустить камень так, чтобы он в полете перегнал Лесси, и, может быть тогда, услышав падение камня, собака повернет назад, прямо на догоняющего. Он отвел руку назад и швырнул.

Но не добросил. Камень упал почти вровень с Лессиным плечом. Когда он еще падал, она искусно уклонилась в своем галопе, как это делает при игре в поло хорошо натренированная лошадь, – начав заводить другой передней ногой. Она нырнула в канаву. Чуть ли не стелясь по земле, она шла с удивительной скоростью. В одном из заборов была пробоина. Она шмыгнула в нее и помчалась прочь от дороги, в голые поля за деревней.

Здесь она вновь повернула к югу и опять перешла на ровную трусцу.

Но Лесси теперь научилась одному правилу: нужно сторониться людей. По какой-то непонятной для нее причине их руки стали ей враждебны. Голос у них был теперь грубый и сердитый. Они кричали и швырялись камнями. В людях теперь появилась угроза. Поэтому она должна их сторониться. Эта мысль прочно запала в нее. Лесси в первый же день усвоила первый свой урок.

В этот первый вечер Лесси упорно продолжала путь. Никогда раньше, за все пять лет ее жизни, ей не случалось оставаться вечером одной за стенами жилья. Тут не мог прийти на помощь опыт – только инстинкт.

Инстинкт же был в ней остер и насторожен. Она упорно бежала тропинкой по одетой в вереск равнине. Тропинка давала ей чувство горячего удовлетворения, так как шла на юг.

Лесси бежала по ней трусцой доверчиво и спокойно.

Начался подъем. Завершив его, она внизу, в долине, смутно различила темные строения какой-то фермы. Лесси сразу остановилась, наставив уши вперед и подергивая ноздрями. Чуткий слух и превосходное тонкое обоняние читали ей отчет об этом поселении в долине так ясно, как мог бы человек читать по книге.

Они ей сообщили о лошадях, стоящих в стойлах, об овцах, о другой собаке, о еде, о людях. Она осторожно стала спускаться по склону. Запах еды был приятный, а она долгие часы шла не евши. Но она знала, что должна остерегаться, потому что там были еще и люди. А в ее мозгу уже прочно утвердилось, что она должна их сторониться. Тихой трусцой бежала она вниз по тропинке.

Вдруг раздался резкий, вызывающий лай другой собаки. Лесси услышала, что та бежит ей навстречу. Она остановилась в ожидании. Может быть, та собака друг?

Но нет. Собака бежит, взрывая тропу, шерсть у нее стоит дыбом, уши прижаты. Лесси вся подобралась, готовая к встрече. Когда та прыгнула, она отступила вбок. Та повернула назад, громко лая в истерической ярости. Ее голос говорил: «Это мой дом, а ты вторгаешься непрошенная. Это мой дом, и я буду его защищать».

Из фермы внизу глухо донесся голос человека:

– Кто там еще, Тэмми? Взять! Чужой!

При звуке человеческого голоса Лесси круто повернула. Она затрусилась прочь. Дом был не ее. Ее отсюда гнали.

Кудлатый пес бросался на Лесси, когда она, убегая, пустилась вскачь, тыкался ей в бока. Она быстро обернулась к нему, оскалив зубы. Как будто достаточно было этой угрозы, пес отступил.

Лесси бежала и бежала. Вскоре строения фермы остались позади. Она бежала нежилыми местами, по тропам, проторенным животными. Наконец, приуныв, она стала вынюхивать воду. Нашла маленький ручей со студеной водой и стала жадно лакать. Небо на востоке посерело. Она огляделась вокруг.

Она тихонько поскребла у скалы передней лапой. Три раза оглянулась, потом свернулась клубком. Сзади ее защищал нависший уступ. Морду она направила наружу. Теперь, даже если заснуть, нос и уши упредят ее о приближении любой опасности.

Она положила голову на лапу и громко вздохнула.

На другой день с раннего утра Лесси опять была в пути. Она неуклонно бежала мерным, легким ходом, какого станет на долгие мили пути. Ее мышцы работали с непостижимой ритмичностью, в гору ли она бежала или под гору. Она не останавливалась, не колебалась. Когда дорога шла к югу, Лесси бежала по ней, когда сворачивала в сторону, сходила с дороги и пускалась звериными стежками сквозь кустарник и вереск.

Когда дорога вела к поселку или ферме, она пугливо делала крюк, в обход жилищ, сторонясь человека. Так что там, где живут люди, она проходила осторожно, инстинктивно держась под прикрытием, проскользая, точно призрак, под тенью какой-нибудь купы деревьев или кустарника, предпочитая открытому месту лесок.

Большей частью дорога шла в гору, так как впереди тянулась гряда синих гор. Лесси безошибочно взяла направление к самому глубокому разделу, где мог быть проход. Ближе к полдню, когда она забиралась все выше и выше, небо сплошь заволокло. Тучи казались свинцовыми.

Вдруг вспыхнула молния, а за ней загредел гром. Лесси стояла в нерешительности, потом заскулила быстро и жалобно. Она испугалась. Нельзя винить собаку, что она иной раз трусит. В собаке столько доблестей, что можно простить ей, если изредка она испытывает страх. А сказать по правде, так очень немногие колли переносят гром и молнию.

Для некоторых собак подобный шум просто ничего не значит, а собаки охотничьих пород, так те никогда так не радуются, как при звуке ружейного выстрела. Другое дело колли. Как видно, собаки из этой породы, проработав долго бок о бок с человеком постоянными его помощниками, усвоили урок, что такие резкие, дикие звуки могут ранить. И при звуке выстрела колли по большей части бегут в укрытие. На иного врага они смело выйдут вперед, но не против неведомой опасности шума.

Лесси колебалась. Раскаты грома отдавались в горах, и ливень так и хлестал в неистовый грозе, какие знакомы Северной Шотландии. Долго она старалась пересилить страх, но наконец не выдержала. Она затрусилась к месту на кремнистой дороге, где нависшие уступы образовали сухую пещеру. Она заползла туда и лежала задом к скале, покуда гредел гром и его раскаты были точно артиллерийский огонь.

Но если она и прервала свое путешествие, то лишь ненадолго. Как только гроза, поваркивая, ушла по горному кряжу вдаль, Лесси снова была на ногах. Одну секунду она стояла, подняв голову и приносясь. Потом опять двинулась в путь, идя все той же неустанной мерной трусцой.

Теперь, после дождя, ее красивая длинная шерсть была измазана и забрызгана размокшей землей. Но Лесси шла и шла все вперед и вперед – на юг.

Глава одиннадцатая В БОРЬБЕ ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Первые четыре дня Лесси шла безостановочно, только ночью прерывая путешествие для ко-

роткого отдыха. Стремление идти на юг жгло ее, как лихорадка, и ничто другое не могло его от-теснить.

На пятый день новая потребность начала скрестись в ее сознание. Это был зов голода. Веление «в путь» первое время заглушало его, но теперь он стал настойчивей.

Она без хлопот находила ручьи, в которых утоляла жажду, но как достать еду? В ее прежней жизни под опекой хозяина эта задача была устранена. Лесси, насколько она помнила себя, никогда не несла заботы о еде. В установленные часы ей давали есть. Человек ставил перед ней еду в особой миске. Ее старательно учили, что это для нее и что она никогда не должна притрагиваться к еде, лежащей где-нибудь еще. Годами изо дня в день в нее внедряли это правило. Еда была не ее заботой. Еду давал человек.

И вот неожиданно уроки и правила всей прошлой жизни оказывались бесполезными. Не было рядом человека, который бы каждый день в пятом часу ставил перед ней миску с едой. Но так или иначе, эта аристократка должна была научиться, как ей добывать средства существования.

Лесси нашла свой способ. Она его не придумала, как мог бы это сделать человек. У людей есть воображение – они могут нарисовать себе события и обстоятельства до того, как встретятся с ними на деле. Собаки этого не могут, они должны слепо ждать, пока не столкнутся с тем или другим обстоятельством, а там уже справиться как сумеют.

Но как же Лесси все-таки смогла разрешить новую задачу? Она не обладала, как человек, мозгом, способным к рассуждению. Она не могла основать свое поведение на прошлом опыте прочих существ ее рода – другой доступный человеку метод. Ребенку не обязательно самому подвергаться в своей жизни разным опасностям, чтобы узнать, к чему они приводят, потому что его родители или кто-нибудь еще из взрослых могут ему рассказать на основе собственных приобретенных знаний, что произойдет в таком-то к такому-то случае. Но ни одно животное не может передать приобретенное знание своему детенышу. Каждое животное должно наново столкнуться на опыте с каждым обстоятельством, как если бы оно никогда не стояло ни перед одним его сородичем за всю историю мироздания. Каким же все-таки путем Лесси научилась добывать себе пищу?

Она обладала одним свойством, которое присуще всем животным, человек же, может быть, имел его когда-то, но теперь уже не обладает им: инстинктом.

Инстинкт, а также уроки, вынесенные из собственного опыта, позволяют животному делать выводы, к которым человек приходит благодаря умению рассуждать. Инстинкт заставлял Лесси день за днем идти все в одном направлении. Опыт научил ее остерегаться людей. Инстинкт подсказывал ей, как оставаться незаметной для них, – идти понизу оврагами, проскользнуть по краю кругозора, стелясь по земле. Инстинкт научил ее находить пищу.

На пятый день, когда она бежала и бежала, верша свой путь все той же ровной, мерной трусцой, чутье заставило ее насторожиться. Она остановилась на полустертой звериной тропе в зарослях вереска и стояла, вытянув голову, как пригвожденная, глазами, ушами, носом читая указания, доходившие так слабо, что человек не уловил бы их.

Первым расшифровал загадку острый нюх. Присутствовал густой и теплый запах – запах пищи.

Привычка всей жизни побуждала Лесси открыто побежать на этот запах. Но инстинкт взял верх над привычкой. Лесси поджала ноги и, припадая животом к земле, против ветра поползла на запах. Бесшумно продвигалась она сквозь вереск, подбираясь ближе и ближе. А потом она вдруг увидела на тропке то, о чем ей давно уже сообщил нюх. По тропке бежала, плавно изгибая свое змееподобное тельце, ласка. Она высоко закинула голову и с собою рядом волокла по земле тело только что убитого кролика. Добыча была много больше ее самой, но убийца обладала мощным сложением и волокла труп с поразительной быстротой. Но тут и ей чутье дало знать об опасности, и она вызывающе обернулась. Бросив добычу, она приготовилась встретить грозного врага. Ее хищные белые зубы оскалились, и она издала пронзительный крик – крик дерзновенной ярости.

Лесси, опустив голову, глядела на нее. Такого животного она еще ни разу не видела. И ее породе был чужд инстинкт, свойственный терьерам, – быстрее мысли набрасываться на все живое, похожее на грызунов. Лесси была из породы рабочих собак, она была мирной собакой – и все-таки инстинкт повел ее на охоту.

Шерсть на ее шее медленно встала. Ее губы раздвинулись, обнажая зубы. Уши плотно прилегли к голове. Она подобрала под себя задние ноги.

Но в ту секунду, когда собака прыгнула, ласка, как будто точно зная, в какой это будет момент, с визгом метнулась в сторону. С молниеносной быстротой она засновала сквозь заросли вереска, утекая бесшумно и проворно, точно ручеек. Лесси обернулась, чтобы поглядеть ей вслед, но ее притягивало к себе нечто другое – теплый кровавый запах кролика, оставленного на тропе.

Она долго глядела на него. Подошла поближе, осторожно пригибая голову, как будто готовая отскочить. Потому что, как ни манил запах крови, кроме него, там еще держался и запах ласки. Нос ее осторожно придвигался ближе и ближе, пока не коснулся свежесрезанной дичи. Она отступила и обежала ее вокруг. Потом подошла, наклонила голову и куснула дичь. Опять подняла голову, подождала.

Здесь, в диком краю, вдалеке от людей, она как будто ждала, не раздастся ли внезапный окрик хозяина: «Лесси, брось! Нельзя! Брось!»

Но окрика не было.

Она стояла в нерешительности добрых полминуты, потом осмелела. Она побежала, неся кролика в зубах. На бегу она поглядывала направо и налево, ища чего-то. Потом увидела то, что нужно: густую заросль дрока, образовавшую нечто вроде логовища. Она подошла, залезла в нее так, что оказалась прикрытой с трех сторон. Бросив перед собой кролика, она легла наземь. Еще раз обнюхала его. От него пахло хорошо.

Так опыт научил ее чему-то новому. Она узнала запах кролика. Остальное подсказал инстинкт. Дальше в своем путешествии, едва лишь тонкий нюх сообщал ей, что есть поблизости дичь, Лесси превращалась в охотника. Выследит, и догонит, и схватит, и сама же съест. По разумному закону природы. Убивала она не из прихоти, как часто поступает человек. Она убивала, чтобы только прожить.

Такой пищи хватало для поддержания жизни, но и только. Никто не наблюдал за Лесси зорким глазом, не следил за ее весом, не приглядывался к цвету десен, не ухаживал за ее шерстью. Никто не говорил:

«Она спустила фунта два – прибавим ей к обеду говяжьей печенки!»

«Что-то она стала вялой – надо давать ей на завтрак кружку молока. И можно еще разболтать в молоке сырое яйцо – если она станет это есть!»

«Гм!.. Что-то мне не нравится цвет ее десен. Я думаю, ей бы хорошо ввести в рацион рыбий жир – по одной столовой ложке в день. Это приведет ее в норму!»

И не было всех тех забот, какими окружена царственная собака, почивающая ночью в своей сухой конуре. Вместо той красавицы была теперь собака с худыми, запавшими боками, с изодранной и кудлатой шерстью; с застрявшим в «оборках» и хвосте репьем. Но это все еще была собака, которая всю свою жизнь прожила в любви и холе, а потому не знала никаких болезней. И теперь сказались те годы заботливого ухода. Потому что костяк у нее был крепкий и мускулы сильные, и они не сдавали в этом долгом пути – миля за милей, изо дня в день.

А еще у нее были храброе сердце и верный инстинкт. И собака день за днем неуклонно шла на юг, по Горной стране, зарослями вереска и орляка, через горы и равнины, через реки и леса, шла неуклонно – и всегда на юг.

Глава двенадцатая ЧТО УВИДЕЛ ХУДОЖНИК

Лето было в разгаре. Лесли Фрит празднично лежал навзничь на носу гребной лодки. Он блаженно попыхивал трубкой и смотрел, как дым безмятежно поднимается в холодном утреннем воздухе и уплывает назад, туда, где Мак-Бейн мерно закидывал весла.

– Лучше бы мне пересечь на корму, мистер Мак-Бейн, – сказал он.

– Нет, мистер Фрит, лучше так, она у меня любит равновесие, я же вам говорил. Лодка с носом, – сказал гребец.

Фрит спокойно попыхивал, наслаждаясь погожим деньком. С этими твердолобыми шот-

ландцами не поспоришь. Если Мак-Бейну угодно, чтоб он сидел на носу...

Его глаза упивались великолепием шотландского пейзажа, и Фрит был счастлив. Озера – благодатные охотничьи угодья британских рыбаков – означали для Лесли Фрита нечто другое. Они были местом, красота которого, искони ценимая шотландцами, влекла, как магнит, и английских художников. Лесли Фрит был из тех, кому никогда не надоедала переменчивая игра света и тени над водной гладью и лиловыми горами. Он каждое лето приезжал сюда писать красками и освежить свою дружбу с Мак-Бейнами, которые с суровым радушием привечали его в своем доме и отдавали ему под мастерскую отличный каменный сарай.

Итак, довольный ясным днем, он лежал на носу, покуда не заскрипела под днищем галька маленького островка. Он машинально помог Мак-Бейну выгрузить все принадлежности – этюдник, холсты, жестяные ящики с красками. Он поставил холст и складной стул. Потом склонил голову набок и посмотрел на свой незаконченный пейзаж.

– Ну, так. В обед я за вами приеду, – сказал Мак-Бейн.

– Хорошо, мистер Мак-Бейн. Мне тут еще на несколько часов работы. Как по-вашему, получается?

Мак-Бейн важно отошел на правильную дистанцию и, закрыв один глаз, стал нагибать голову то на правый бок, то на левый. Все долгие зимы Мак-Бейн при случае мог часами спорить в маленькой гостинице у озера, что этот его мистер Фрит был чуть ли не величайшим английским пейзажистом, перед которым преклонились бы все мастера голландской и французской школ, когда бы они дожили до наших дней. Но в присутствии самого художника Мак-Бейн никогда не позволял себе выдать, свое, несомненно, пристрастное мнение.

– Что ж, раз уж вы меня спрашиваете, я бы сказал, у вас оно выходит как-то вроде бы немножко не так. Вода вроде бы немножко ярковата и слишком пестрая, и никогда я не видел, чтобы гора была такого цвета, и облака у вас очень удивительные. Но в общем, скажу я, картина отличная.

Лесли Фрит улыбнулся. Он привык к критическим замечаниям Мак-Бейна. Мало того – он их, в сущности, ценил, потому что суровый шотландец обладал верным глазом и понимал красоту родного края. Фрит покивал головой, глядя то на свой этюд, то на пейзаж перед глазами. Он думал о том, как тихо все вокруг. Нигде ничто не шелохнется, только чуть поплескивает вода под днищем лодки у берега. Ничто не шелохнется – только...

Он сощурил глаза.

– Гляньте-ка, мистер Мак-Бейн... Никак, олень?

Шотландец посмотрел, куда указывал протянутой рукою Фрит. Обшарил глазами весь берег по северной стороне. Тяжелые рыжие брови нависли, точно затем, чтобы заслонить собою серо-голубые глаза.

– Олень, да? – повторил свой вопрос художник. Мак-Бейн молча покачал головой. Его глаза, привычные к простору, были острей, чем у англичанина.

– Ну-ну, никогда б не подумал! – провозгласил он наконец.

– Что там такое?

– Собака, – сказал старик.

Он щитком поднес ладонь к глазам. Художник сделал то же.

– Так и есть. Теперь и я разглядел.

Удостоверившись, что это не олень, Фрит вернулся было к своему этюду, но старик все еще не сводил глаз с собаки. Его пристальное внимание заставило и художника снова обратить на нее взгляд.

– Колли, – сказал Мак-Бейн. – Как она сюда попала?...

– Ну, верно, здешняя – с какой-нибудь фермы.

Шотландец покачал головой. Не сводя глаз с собаки, он увидел, что она подступила к самой кромке воды и зашла в озеро на несколько футов от берега. Потом вернулась назад, пробежала берегом несколько ярдов и попробовала еще раз. Это повторялось опять и опять, как будто она ждала, что где-нибудь на новом месте вода исчезнет и под ногами окажется сухое дно.

– Вон оно что, мистер Фрит! Она, значит, ищет, где бы перейти.

– Может быть, она хочет пробраться следом за нами на остров?

– Нет. Она ищет, где перейти.

Как будто чтобы устранить все сомнения, послышалось жалобное скуление – тот ряд коротких взвизгов, каким собака выражает свое недоумение, когда наталкивается на непонятную помеху.

– Так и есть, хочет перейти, – повторил шотландец. – Подгребу-ка я, пожалуй, к тому месту и...

С этими словами он подошел к отмели и, взявшись за нос, приподнял лодку. Погруженные в воду весла застучали в укючинах, и шум разнесся, вихрясь, по тихой поверхности озера. В это мгновение Лесли Фрит увидел, что собака подняла морду и повернула в сторону.

– Ока уходит, мистер Мак-Бейн, – окликнул он гребца.

Шотландец поглядел на берег. Он встал. Оба, художник и гребец, увидели, как колли нырнула под кусты. Теперь они только в отдельные мгновения могли видеть, как собака неуклонно бежала вдоль озера, кромкой берега, на запад. Она бежала уверенно, как будто теперь уже твердо приняла свое решение.

– Побежала в обход, – сказал Мак-Бейн. – Бедняга – не близкий это конец.

– По-вашему, она хочет обогнуть озеро? Но это же мили и мили...

– Ей придется покрыть без малого сто миль, пока она доберется.

Художник недоверчиво посмотрел на старика:

– Вы будете меня уверять, что собака способна пробежать сто миль только ради того, чтобы обогнуть озеро? Ну, знаете!..

Фрит рассмеялся, но Мак-Бейн заговорил таким тоном, что художник сразу притих:

– Мистер Фрит, колли – собака шотландского происхождения, и в ней есть и храбрость к упорству, отличающие нашу страну.

Мак-Бейн сказал это с упреком, и Фрит распознал за словами их задний смысл. Его мысль пошла дальше.

– Мистер Мак-Бейн!

– Да?

– Как вы думаете, почему она хочет перебраться через озеро? Зачем это ей?

Шотландец долго стоял молча. Потом сказал:

– Кто ее знает! Одно только можно сказать. У нее есть дело где-то там, и она пошла по своему делу, не прося помощи ни у одной души на всем белом свете. И это...

Тут Мак-Бейн повернулся к своей лодке и залез в нее. Затем dokonчил:

–... хороший пример, такой, что всем бы нам не худо ему следовать.

Фрит усмехнулся про себя. Строгий старик имел обыкновение из всего на свете извлекать строгий урок о правилах поведения. Его мысль вернулась к этюду, и теперь он лишь вполглаза видел лодку, становившуюся все меньше и меньше, по мере того как Мак-Бейн уходил в ней по воде, оставив его в одиночестве.

Инстинкт – как птичий полет: он держит направление всегда твердо по прямой.

А потому Лесси в своей тяге домой направилась почти так, как летит к улью пчела: прямо на поселок Гринол-Бридж, что лежал далеко на юге. Временами сворачивая или петляя там, где перед ней вставали поперек пути города или непроходимые горы, она потом всегда возвращалась к прямому направлению на юг, как звал инстинкт. Так она подвигалась день за днем через Горную страну в своем нескончаемом трудном путешествии. Путь ее шел по прямой.

Но она не могла заранее предвидеть, какая местность окажется перед ней. Она не могла знать, что избранная инстинктом прямая дорога к дому заведет ее в тупик, что, идя по ней, она упрется в большие озера Шотландии.

Посмотрев на карту, вы увидите, какое препятствие они представляют собой: это длинные водные массивы, тянущиеся почти неизменно с востока на запад и почти что надвое пересекающие страну. И, хотя на карте они выглядят узенькими, точно пальцы, они на деле вовсе не узкие. Это, повторяю, большие водные массивы, широкие и длинные, и животное не может переплыть их

из края в край. Потому что, хотя они вытянуты в длину, противный берег большей частью не виден или в лучшем случае чуть синее вдалеке узенькой, низко стелющейся полосой.

Нет, озера – трудная преграда. Человек может перебраться через них в лодке или на пароме, животное же не может.

Но и на берегу большого шотландского озера Лесси все же не отступила от цели. Инстинкт приказывал ей идти на юг. Но, если дорога оказывалась прегражденной, она принималась искать другую. Так она пустилась в свой долгий обход вокруг озера. День за днем она двигалась на запад, пробираясь своим путем, огибая деревни и поселки, но всегда потом возвращаясь к берегу и двигаясь на запад.

Временами казалось, что преграда обойдена и дорога свободна. Короткое время Лесси бежала своей ровной, мерной трусцой в желанном южном направлении.

Но это каждый раз оказывалось только мысом, узким, врезающимся в воду мысом. И каждый раз Лесси добегала до самого южного его конца, входила в воду и, вытянув морду к югу, скулила отрывистыми жалобными взвизгами.

Потом она каждый раз должна была повернуть на север, пробежать по самой кромке берега, чтобы затем опять взять на запад в поисках обходного пути.

Десятки заливов и мысов – и каждый раз новое разочарование! Прошла неделя с того дня, когда Лесли Фрит и Мак-Бейн увидели собаку, а она все еще двигалась на запад. И все еще большое, длинное озеро лежало преградой, непреодолимой для собаки.

Глава тринадцатая КОГДА СОБАКА БОЛЕЕТ

Лесси, вынырнув из зарослей, вышла к берегу. Теперь она двигалась медленней, потому что подушечки на лапах были у нее набиты и болели, а на правой передней лапе в нежной перепонке между подушечками засел шип. И голову она теперь держала не так высоко, меньше чувствовалось уверенности в ее поступи.

Временами, и нередко, казалось, что она уже забыла, чего ради пустилась в нескончаемое путешествие. Но это всегда бывало ненадолго – она опять неуклонно бежала вперед, ускорив бег, а больную лапу ставила так, чтобы вес тела меньше падал на нее. Собака уже с надеждой смотрела вокруг, потому что теперь хоть не было с левой стороны непроходимого водного пространства. Озеро сузилось в реку. Но река была стремительной и бурной, злобно клокочущей по кремнистому руслу.

Лесси подошла к кромке берега. Она опять направила путь на запад. Но там пониже, в долине, совсем неподалеку, лежал город. У моста столпились мальчишки – удили, орали, наполняя воздух криком. Лесси все еще остерегалась людей. Она не сводила глаз с мальчишек.

Потом опять посмотрела на белую бушующую воду. Ее рев неприятно гудел у нее в ушах. Все же собака колебалась один только миг. Потом храбрым прыжком она метнула свое тело далеко в воду.

Поток завладел ею, как подхватывает ветер клочок бумаги, выброшенный в окно идущего поезда. Едва Лесси ступила на дно, вода понесла ее вниз по своему течению. Поток сшиб ее с ног, но она выбралась на поверхность и начала пробиваться к другому берегу. Вытянув голову и непрерывно перебирая всеми четырьмя ногами, она подвигалась вперед.

Поток валил ее опять и опять с сокрушительной силой, и часто она погружалась с головой в быстрые водовороты. Но удивительное чувство направления, присущее собакам, не изменяло ей, и всякий раз, выбравшись на поверхность, она продолжала продвигаться куда нужно. Бывает, на футбольном поле подбитый игрок, поднявшись, вдруг поведет мяч не в ту сторону, но животное не так-то легко теряет чувство направления, сколько его ни сшибай. Лесси неизменно пробивалась к южному берегу.

Но теперь река несла ее вниз, к поселку. Мальчишки увидели с моста, как закружило в водовороте собаку, и стали смотреть на это зрелище как на спектакль. Они кричали и улюлюкали. С той жестокостью, которая иногда так необузданно разыгрывается у детей, они набрали на дороге

булыжников и принялись запускать ими в собаку. Когда ее затянуло под мост, они перебежали на другую сторону моста, чтобы смотреть вниз по реке, и отсюда продолжали свой жестокий обстрел.

Лесси все еще боролась. Теперь она уже приближалась к южному берегу. Ниже по реке был порог. Ноги продолжали грести, но в них уже не доставало силы. Ее подхватило течением, и она почувствовала, что ее кружит и уносит в пространство. Ее жестоко швырнуло на камень, и боль, вонзившись, ожгла ей бок огнем. Поток увлек ее дальше, и она исчезла.

Мальчики на мосту, следя за далеким уже пятном на реке, испустили крик почти безумного торжества, какой могло бы испустить, перед тем как замолкнуть на миг, войско этрусков, когда Гораций прыгнул в Тибр². Потом они затихли. Они стояли, глядя на падающую каскадом воду. Наконец, когда им показалось, что прошло слишком много времени, они опять подняли крик. Там дальше, у отмели, Лесси опять высунула нос из воды и по-прежнему загребла ногами. Вода была здесь тихая, в ней можно было грести. Борясь, плывя, гребя изо всех сил, она причалила к берегу. Лапы коснулись земли. Вода, напитавшая шерсть, была непосильным грузом, потому что Лесси в тот же миг свалилась. Усталые мускулы, казалось, не могли ее держать.

Подтягиваясь понемногу, Лесси начала выбираться на сушу. Но тут она впервые заметила новую опасность. Несколько мальчиков, отделившись от толпы, кинулись берегом вниз по реке и хором вопили. Лесси собрала последние силы. Она вылезла на берег. Она даже не дала себе времени отряхнуться. Она не задержалась ни ради старой боли в передней лапе, ни ради новой, горевшей, как ожог, по всему боку. В ее мозгу была только одна мысль.

Наконец-то она перебралась! После долгих трудных дней, когда перед чувством направления все время вставало препятствие, она наконец получила свободу – свободу идти на юг. Преграда была одолена.

Собака пустилась неуклюжим скоком. Голоса мальчишек позади нее заглохли.

Теперь, когда великая преграда – озеро – была наконец обойдена, Лесси с более уверенной настойчивостью двинулась в желанном направлении. Городок и ватага орущих мальчишек вскоре остались позади. Она сменила галоп на тихую трусцу, какою можно покрывать наибольшее расстояние при наименьшей затрате сил.

Боль в боку и передней лапе не доходила до сознания. Лесси приноровилась ступать так, чтобы меньше беречь раны.

Вскоре она сошла с шоссе и пустилась напрямик по лугам и полям. На закате она все еще бежала, как будто теперь, когда после долгих дней пути на запад снова можно было следовать южному направлению, она не могла набежаться всласть, утолить эту внутреннюю потребность. Уже давно стемнело, когда она наконец устроилась на ночь, выискивая местечко, где в поле густой дрок перевесился через изгородь³.

Она лежала, прижавшись к земле. Непрогретая солнцем земля была здесь холодная, и холод успокаивая горящую боль в боку. Лесси зализывала переднюю лапу, стараясь просунуть язык между подушечками, где засел шип. Она лизала целый час, но и через час шип оставался все там же.

Со вздохом, очень похожим на вздох усталого человека, она положила морду на вытянутые передние ноги и смежила глаза.

Еще не рассвело, когда она проснулась. Она зевнула и попробовала встать. Передняя половина туловища приподнялась с земли, но задняя половина не двинулась. Лесси сидела озадаченная и смущенная. Сделала новое усилие, напрягая мускулы плеч. На секунду ей удалось встать. Она даже ступила вперед на один шаг и скакнула на здоровой задней ноге. Вторая не двигалась.

За ночь раненый бок онемел. Когда ее в последний раз стукнуло на речном пороге, она сло-

² По историческому преданию, римский герой Публий Гораций Коклет (VI в. до н. э.) долго один удерживал против этрусков мост на Тибре, пока римляне разбирали за его спиной этот мост. В последнюю минуту Гораций бросился в Тибр и вплавь добрался до другого берега.

³ В Шотландии, как и в Англии, каждый владелец огораживает свой участок поля изгородью.

мала одно ребро и сильно зашибла мышцы и суставы задней ноги. Теперь они онемели почти до полной неподвижности.

Еле ковыляя, Лесси залезла обратно в свое укрытие под дроком. Тут она тяжело повалилась наземь. Она свернулась крендельком и тихо лежала, не подавая голоса, глядя сквозь листву и стебли на поле, где показались первые признаки рассвета. Она не могла продолжать свой путь. Так ей говорил инстинкт. Она должна лежать на месте.

Человек, когда он болен, нередко выставляет раны напоказ и рисуется своею немощью, чтобы другие видели и посочувствовали ему. С животным, живущим в природных условиях, бывает как раз наоборот. Не ища сочувствия, скорее подозревая, что всякого рода слабостей нужно стыдиться, оно уползает куда-нибудь в укромный уголок и в одиночестве ждет исхода – выздоровления или смерти.

Та же сила удерживала и Лесси в тайнике под дроком. Тяга к странствию непрестанно тревожила ее, но закон, приказывающий животному оставаться в укрытии во время болезни, взял верх.

День и ночь она лежала, свернувшись, спрятавшись, с горящими, но неподвижными глазами. Во внешнем мире вершился обычный круговорот. Сменялись чередой темнота и свет. Пели птицы. Прошли однажды полевые рабочие. Временами ветер доносил безошибочный – теплый и близкий – запах кролика. Однажды ласка, рыща в поле, мимоходом забежала в дрок, прямо против логова Лесси. Острый глаз зверька увидел что-то косматое, свернувшееся клубком. У ласки задрожали ноздри. Она постояла, не двигаясь; потом спокойно повернулась и побежала своей дорогой, как будто знала, что больное животное не захочет погнаться за ней.

Все это проходило мимо, а Лесси не шевелилась. Лихорадка неистовствовала в ней и владела ее телом.

Шесть дней она пролежала почти неподвижно. Потом, на седьмой день, в час, когда солнце клонилось к закату, она подняла наконец голову. Начала полегоньку лизать больную переднюю лапу. Природа сделала свое дело. Шип из гнойника пробился наружу. Лесси понемногу вытолкнула его языком, затем прочистила рану. Она огляделась. Медленно, через силу поднялась на ноги. Больная задняя лапа висела, не касаясь земли. Лесси медленно выбралась из своего укрытия. Заковыляла полем под гору к тому месту, где, как говорил ей нюх, была вода. Она отыскала узенький ручеек, наклонила голову и стала лакать. В первый раз за целую неделю она сейчас пила.

Пила жадно. Напившись, легла у ручья, но голову держала прямо. Подняла нос и резко, недовольно твякнула. Встала, посмотрела на юг. Потом оглянулась на заросль дрока. Наконец она повернула назад и заковыляла вверх по косогору. Опухоль у нее опала, онемение прошло, она теперь могла вполне свободно ходить на трех ногах. Вернувшись к заросли дрока, она заползла в свое укрытие и терпеливо лежала, дожидаясь ночи.

Она провела здесь еще двое суток, ненадолго спускаясь к ручью утолить жажду. Но еды она не получала никакой, да, казалось, и не хотела есть.

На девятый день после переправы через бурную реку Лесси вышла из своего логова и прошла к водопою. Теперь она, по-видимому, могла ходить на четырех ногах, но больная задняя нога не могла нести тяжесть и только ступала, занемевшая, как бы подражая ходьбе.

Лесси полакала свежей воды, а потом, как в тот раз, подняла голову и поглядела на юг. В ее душе что-то шевельнулось. Это было чувство времени.

Приглушенное было болезнью чувство времени пробуждалось в ней, поначалу совсем слабое.

Время... время идти... время идти за...

Лесси уже снова *знала*. В это время дня она должна явиться к месту встречи у школы. А школа... школа... в той стороне. Туда и надо идти!

Она еще раз повернула голову и поглядела вверх – на поле и на заросль дрока у плетня. Но это был один только миг. Потом на одеревенелых ногах она пересекла ручей и тихо побрела, держа на юг. Лесси снова была в пути.

Это была уже не та гордая колли, призовая красавица, смело легким ходом бежавшая по дороге. Это была грязная бродячая собака, отошала, с запавшими боками, измотанная долгоднев-

ным голодом и недавней лихорадкой. Уже не горделивой трусцой продолжала собака свой путь, а еле волочась. Да и то недолго.

Вскоре после захода солнца Лесси опять натолкнулась на преграду – уютное местечко, обнесенное сплошным забором. Посредине стоял охотничий шалаш, где в сезон охоты на дикого гуся богатые люди караулят, спрятавшись, когда стоят на тяге; но этого Лесси не знала. Она только знала, что здесь она будет укрыта и в тепле.

Не знала Лесси и того, что она только на три мили отошла от своего логова под нависшим дроком. Животное не умеет определять расстояние. Лесси знала лишь одно: что она чувствует удовлетворение. Она все утро продолжала путь в том направлении, следовать которому она желала так сильно, как в жизни не желала ничего другого. Она счастливо вздохнула.

Она наставила уши и повела кончиком носа. До нее явственно дошел запах кролика.

Еда! Наконец она это осознала и захотела есть. В ней проснулся гложущий голод, и рот ее наполнился слюной. Она высунулась вперед из-за угла охотничьего шалаша. Скоро она сможет наконец поесть. И скоро, восстановив свои силы, ока снова сможет продолжать путешествие.

Она бесшумно поползла вперед.

Если она окажется сейчас слишком слабой и слишком медлительной, чтобы схватить еду, она должна умереть. Потому что скоро она станет от голода еще слабей. Если она будет достаточно сильной и достаточно быстрой, чтобы схватить еду, она скоро станет еще сильней.

Она поползла вперед, подбираясь, точно призрак, к своей добыче.

Глава четырнадцатая ЧТОБ НЕ РЕЗАЛА ОВЕЦ!

В сторожке, сложенной из нетесаного камня, притаились два человека. В лунном свете, падавшем в окно над ними – даже не окно, а скорей пробоину в стене, – их было еле видно. Одеты они были оба одинаково, в грубую домотканую шерсть, только на младшем была кепка, а на старшем – большой войлочный тэмошентер⁴. Долгое время ничего не было слышно, кроме их дыхания. Потом младший задвигался.

Старший тут же протянул руку, чтоб его остановить.

– Тш!.. – сказал он.

Оба замерли.

– Ты что-нибудь слышал, Эндру? – шепнул младший.

– Вроде бы...

Они молча выпрямились и поглядели в прямоугольный проем в стене. Под ними простирались залитая лунным светом земля, сочные луга, в тонком дымчато-голубом тумане похожие на лужайки газона в добропорядочном парке.

Они долго глядели во все глаза и наострив уши.

– Нет, Эндру, я ничего не слышу.

Старший закивал головой, и кисточка на его тэмошентере закивала тоже.

– А мне кажется, что вроде бы послышалось.

В нараставшем напряжении младший рассеянно вынул из кармана трубку. Старший неодобительно скосил на него глаза:

– Да... пожалуй, так. Но смерть как хочется закурить! А они учуют первые, да?

Джок кивнул головой на большой загон среди поля под ними. Там в лунном свете, неподвижное и безгласное, стояло большое овечье стадо. Овцы так тесно жались друг к дружке, что их спины образовали серое море.

– А зашуми там что, эти тоже услышали бы наперед нас, – продолжал Джок, мотнув головой назад через левое плечо. – Уж мой Донни, тот бы непременно!

Услыхав свое имя, одна из двух собак под навесом выжидательно подняла голову. Другая

⁴ Тэмошентер – высокая широкополая шляпа английских и шотландских фермеров, какую носил герой поэмы Роберта Бернса, знаменитого шотландского поэта, Тэм О' Шентер.

зевнула и насторожилась, обрадованная, что долгая стража подходит к концу.

– Как ни кинь, я не вижу смысла держать их тут, Эндру. Лучше, пожалуй, выпустить их туда, к овцам.

– Не, не, Джок. Если пустить их туда, те черти уж нипочем не придут. Они до того хитрые, мальчик мой, что уму непостижимо.

– Да, они куда как хитры, – согласился младший. – Шесть ночей мы сидим, сторожим, а их нет и нет. На седьмой день мы уходим домой поспать, и только мы сомкнули глаза, а они тут как тут – дерут и режут скот. Семь ягнят зарезали и двух овец! Подумать только – семь ягнят! Почему они не приходят в такую ночь, когда мы тут?

Последний вопрос старик пропустил мимо ушей.

– Это еще слава богу, Джок. В воскресенье Арчи Форсайт недосчитался шестнадцати. А Мак-Кензи в ночь на пятницу – тринадцати.

– Ох и скоты! Что воскресенье, что будний день – им, чертям, все одно. Это исчадия сатаны, сердца у них черные... Попадись мне только хоть один...

Остального младший не договорил.

– А что их толкает на это, Эндру?

– Эх, малец, много есть таких вещей, что человеку их и не понять. Но я так полагаю, что собаки – они как люди, Джок. В большинстве они верные и честные. Но среди них нет-нет, да родится на свет жадная и жестокая, без чести и совести: днем она, глядишь, смирнехонькая, прямо праведница, а как только ее укроет мрак, она делается тем, что она есть, – хищной дьяволицей.

– Да, Эндру. Ты же знаешь, я, видит Бог, так люблю собак, что просто души в них не чаю. Взять хоть моего Донни – чего бы только я для него не сделал... А уж как я забочусь о нем... уж как ему верю! Эти же черти, что режут овец, – никакие они не собаки. Знаешь, Эндру, что я иногда думаю?

– Что, Джок?

– Можешь надо мной смеяться, Эндру, но иногда я думаю, что эти убийцы овец не собаки, а оборотни – что они духи убийц, которых повесили, а они потом возвращаются на землю, приняв-ши образ разных животных!

Парень сказал это так таинственно, что оба они задрожали. Потом старший стряхнул с себя чувство ужаса.

– Не-не, Джок. Они как есть собаки – собаки, свихнувшиеся на дурное. У нас не должно быть к ним никакой жалости.

– Угу! У меня не будет жалости... если только я увижу хоть одну из них. Я как возьму ее на мушку...

– Тшш!..

Оба опять застыли, когда старший подал сигнал:

– Вот она!

– Где?

– Проскакала вверх по косогору, Джок! Бери, малец, ружье. Живо!

Младший схватил свою винтовку, приставленную к стене, и оба замерли, ожидая. Тишина показалась слишком долгой.

– Э, тебе померещилось, Эндру, – сказал наконец младший, – ничего там нет. И не будет, пока мы тут. Знают, черти, что мы их ждем. Они это знают!

– Тихо, Джок! Можешь ты помолчать?

Младший подчинился. Но минуты тянулись туго, и ему стало скучно. Он опять заговорил:

– Эндру!

– Чего тебе?

– Я знаю, что подумал? Странная это штука, что собака для нас либо самый верный помощник, либо же наш злейший враг.

– Да так оно и должно быть, Джок. Раз у них хватает ума, чтобы нам помогать, то хватит и на то, чтобы вредить нам, когда они свихнутся на дурное. А собака каждая может свихнуться на дурное. Даже твой любимый пес, которого ты бережешь, как зеницу ока. Они как попробуют ра-

зок овечьей крови, так и обернутся убийцами.

– С моим Донни этого не будет!

– С ним нет, и с моею Викки никогда! Но это так. Любая собака, если раз зарежет овцу, так и пойдет потом резать, и тогда они режут уже не для ради еды, а из кровожадного желания убивать.

– Донни не стал бы!

– Этого ты не можешь знать, Джок. Бывает и так, что собаки для своих овец – самые честные сторожа, самые правильные. А потом что-нибудь случится, забредут они далеко от дома – иногда для того, чтобы встретиться, как по уговору, с другими из своего собачьего племени. И тут они, что стая волков, хищно кидаются на овец и дерут их, и убивают, и режут, а потом убегают, прежде чем подоспеет помощь. Потом они расходятся и идут каждая к себе домой. А на завтра они будут стеречь свое стадо как ни в чем не бывало.

– Угу. Но только не мой Донни. Если бы я подумал только, что и он...

Оба немного помолчали. Потом Джок опять заговорил:

– Право, как подумаешь, разве ж не печально, что вот мы так крепко, больше всех, любим собак – и мы-то и должны убивать их.

– Да... Но немного мы с тобой наубиваем, если будем болтать всю ночь. Они тогда не придут.

Опять установилась тишина, и пятно лунного света на полу сторожки задвигалось. Тогда старший снова наконец заговорил, и голос его на этот раз взволнованно дрожал:

– Идут!

Младший подскочил и стал в позицию, пристроив винтовку на выступе. Оба, затаив дыхание, глядели на поле, лежавшее влево от них.

– Да, идут – вон там!

Джок начал наводить ружье. Под каменной стеной возникло движение. Потом сбоку от мушки он увидел собаку. В ней не было ничего вороватого. Она перепрыгнула через ограду и побежала трусцой вся на виду.

Это была Лесси. Прошла неделя с того дня, как она оставила логово, но она все еще хромала. Она бежала полем на полном лунном свете, прямо и неуклонно, как будто держала направление по компасу.

В каменной сторожке старик тяжело перевел дыхание.

– Пали в нее, Джок! – выкрикнул он хриплым шепотом.

Молодой прижал к себе ружье, но стрелять не стал.

– А где остальные?

– Чего тебе еще? Пали в нее.

– Это колли. Чья она, не знаешь?

– Нет. Бродячая собака – видать, из одичалых. Пали в нее, малец. Бей без промаха.

Джок отвернул лицо.

– Я справлялся с этим делом на войне, Эндру, бил без промаха – с чего же я вдруг промахнусь сейчас, когда плачу за боеприпасы из своего кармана?

– Так стреляй же, Джок!

Младший снова прижал к себе винтовку. Он затаил дыхание. Стал медленно целиться.

Теперь в прорезь прицела он видел неподвижный кончик мушки. А повыше мушки была маленькая фигурка бегущей колли. Колли двигалась, но неизменно оставалась в прорези прицела, над мушкой, – ружье следовало за ней.

Джок откинул предохранитель.

– Ну же, Джок, скорей!

Джок поднял голову и положил ружье:

– Не могу я, Эндру.

– Стреляй в нее, парень, стреляй!

– Нет, Эндру, нет. Не похоже, чтоб она была из той чертовой своры. Смотри, она и не глядит на них. Подождем, подойдет ли она еще к овцам. Она, похоже, на них и не глядит. Смотри!

– Бродячая собака. Мы вправе ее пристрелить.

– Посмотрим, подойдет ли она к овцам. Если да...

– Ох, бестолковый! Стреляй в нее!

Старик выкрикнул свое требование во весь голос. Крик унесся в ночь, туда, где бежала Лесси. Она приостановилась и повернула голову. И тут в нее ударило всем сразу – голосами людей, их запахом, движением в оконце каменной сторожки. Там человек – человек, который посадит ее на цепь, человек, которого она должна избегать.

Она резко повернула и поскакала прочь.

– Ну вот! Она нас увидела! Угости ее как следует!

То, что Лесси вдруг пустилась наутек, убедило младшего, что он ошибся насчет собаки в поле. Потому что Лесси повела себя так, как ведет себя провинившаяся собака.

Он быстро поднял ружье, прижал его локтем и выстрелил.

При треске, всколыхнувшем ночь, Лесси метнулась в сторону. Мерзкий визг пули, пронесшись над ее левым плечом, заставил ее отпрянуть вправо. Она понеслась по полю. Раздался новый выстрел, и она почувствовала, как что-то ожгло ей бок.

– Ага, я попал!

– Не попал ты. Видишь, удирает!

Голоса людей в сторожке смешались с лаем собак, расшумевшихся, как стая демонов.

– Спускай их!

Старик бросился к двери, распахнул ее. Собаки, а затем и люди вырвались вон и помчались по следу Лесси.

– Нагоняй ее! Чужая! Взять! – вопил Эндру.

Собаки пустились вдогонку, лая на скаку. Они неслись вниз по косогору, втянув живот, изогнув тело чуть не пополам, чтобы быстрее бежать. Люди поспешали за ними, но вскоре отстали. Собаки вдруг резко свернули и залаяли громче прежнего: они напали на след – горячий след свежей крови.

Впереди них неслась галопом Лесси. Раза два она вдруг останавливалась, чтобы лизнуть рану – пуля задела мышцу бедра. Лесси слышала сзади скок и лай преследующих ее собак, но не прибавляла ходу. Собак она не боялась. Она хотела только уйти от человека, а все чувства ее говорили, что человек остался далеко позади. Но теперь она его боялась больше чем когда-либо. Его руки могли не только посадить на цепь и запереть – он умел вдобавок производить ужасный гремучий шум, который терзает уши и каким-то образом настигает тебя, точно длинный невидимый хлыст, и причиняет боль, как та, что жжет ее сейчас.

Поистине человек – злая угроза.

Она скакала вперед и вперед, чувствуя, что скоро, может быть, оставит их всех позади.

Но те собаки были полны свежей силы. Они не прошли полуголодные томительный путь в сотни миль. И вот они уже показались в виду. Их лай стал звонче, и, хотя Лесси прибавила ходу, насколько могла, они сейчас бежали за нею уже почти по пятам. Потом одна наскочила на нее, рвя ей зубами бок, и наперла плечом, чтобы повалить ее наземь.

Но Лесси еще сохранила всю свою доблесть. Пусть она была истомлена и голодна, все же она не сделалась трусливой. Она повернулась с быстротой молнии и стояла, бесстрашная: грива вздыбилась, губы оттянулись, обнажив клыки.

Ее поза заставила тех собак остановиться, потому что и они, хотя и не такие чистокровные, были тоже из породы колли. И они поняли предостережение.

Вот дворняжка, та чуть что, сразу наутек, точно кролик. Но дворняжек тут не было.

Как если бы какое-то беспокойство гнало ее прочь отсюда, Лесси повернулась, послушная великой внутренней тяге. Она должна идти своим путем – на юг и только на юг. Но те собаки приняли это за признак страха и бросились обе сразу. Они рванули мимо, как это обычно для колли, полоснув ее на скаку. Налететь и схватить – так колли не делают. У них не тот прием борьбы, как у бульдога; или как у терьера, который увертывается и теребит и треплет. Они всё больше норовят пробежать мимо врага и на бегу нанести ему длинную рану, сбивающую противника с ног, как удар хлыста.

Этот же прием применяла обычно и Лесси, и она инстинктивно знала, как на него отвечать.

Однако, когда она становилась в позицию, чтобы встретить одного противника, тут же налетал второй, норовя полоснуть с другой стороны. Но Лесси мгновенно повертывалась, готовая встретить ближайшего из врагов. Она стояла, держа голову прямо, вся на лунном свете, бдительная, зоркая. Один из противников наскочил сзади. Она увильнула и опять стала в позицию. Но уже налетал второй. Опять она повернулась, на миг опоздав. Ее полоснуло, и она припала на две ноги. А уже опять налетал первый, прежде чем она успела встать. Все три сбились в один спутанный клубок. Лесси высвободилась. И тут все началось сызнова – одна собака насакивает, Лесси повертывается ей навстречу, а уже налетает другая.

Битва еще тянулась, когда подоспели люди, запыхавшись от долгого бега. Прибежали и стали наблюдать.

– Сейчас не стреляй, Джок, – задыхаясь, выкрикнул Эндрю. – Еще попадешь в мою Викки.

Джок кивнул, покачивая ружьем на согнутой руке. Вытянув шею, он во все глаза следил, как усталая, измотанная долгим путешествием собака одна ведет битву с двумя другими – с парой тяжелых, крепких, огрубевших и очерстевших в многолетнем пастушьем труде. И ему все дулось, что «пастухи» должны победить.

Но у Лесси было то, чего не было у противников: порода. Она была чистокровной колли, и за нею стояли длинные поколения самых гордых, самых лучших собак той же породы.

Теория о наследственных свойствах в животном вовсе не пустые бредни, как известно каждому, кто любит животных. Где лошадь-полукровка сдаст – и большего с нее не требуй, – там горячий породистый конь ответит вам новым порывом и рыцарственно ускорит бег, хотя бы отдавая последнюю каплю своих жизненных сил; где собака смешанной породы заскулит и уползет, там чистокровная выстоит и будет еще сопротивляться без жалобы и страха.

За Лесси победила ее породистость. Когда один противник налетел, собака бросилась ему навстречу и, не обращая внимания на другого, налетевшего сбоку, повалила его наземь. Он смиренно лег, признавая себя побежденным.

Тут Лесси сделала странный ход. Вместо того чтобы пожать плоды победы и вгрызться в горло врагу, она только твердо поставила переднюю лапу на его поверженное тело и придерживала его, как борец на арене. Побежденному, пока он не пытался двигаться, не было больно.

И вот, пока он так лежал, тихо и не сопротивляясь, Лесси приготовилась встретить второго противника. Она подняла голову, сверкая клыками, и из ее груди вырвалось, как вызов, медленное, глухое рычание.

Вторая собака поглядела на нее, и тут она тоже легла и стала зализывать ранку на своей лапе. Это было предложением перемирия.

С полминуты собаки так и держались: одна – лежа навзничь под твердой лапой Лесси, другая – обчищаясь с безразличным видом, как бы говорившим:

«Вся эта история нисколько меня не касается!»

Всего лишь полминуты картина была такова, а дальше безумие битвы оставило Лесси. Рычание в ее горле заглохло, и она вспомнила, что ей нужно делать. Она спокойно повернулась и трусцой побежала прочь.

Только теперь один из двоих людей позади заплесал и крикнул во весь голос:

– Ну же, ну, Джок! Стреляй по ней!

Но младший не пошевелился. Потому что мысленно он видел перед собой не собак, а людей. Ему вспомнился некий день. И, пока он так стоял, измученная колли скрылась из виду.

– Что за чушь, Джок, почему ты не стрелял?

– Я не мог, Эндрю.

– Почему не мог?

– Я вспомнил о марте месяце... о марте восемнадцатого года, Эндрю: они идут на нас, а полк не дрогнул. Так оно было, Эндрю, и с этой колли. Она дралась, Эндрю, точно так, как наши горцы, – стояла насмерть, как Черные стрелки. В марте восемнадцатого...

– В мозгу у тебя помутилось?

– Ничуть не бывало, Эндрю.

Младший из двух угрюмо сдвинул брови.

– «В ма-арте восемнадцатого»! – передразнил старший.

– Ну... словом, это храбрая собака, Эндру. И... и она держит путь куда-то, и... и вообще: я не мог стрелять, потому что забыл перезарядить.

– Ну, это хоть резон. Забыл перезарядить! А я-то думал, что солдат, когда выстрелил, никогда не забудет перезарядить.

– Где уж там, нам ведь столько всего нужно помнить, Эндру, – сказал младший.

Потом, когда они повернули назад, он осторожно, чтоб не очень щелкнуло, открыл затвор, вынул патрон из патронника и потихоньку сунул в карман. По залитому лунным светом косогору два человека молча шли назад к своей каменной сторожке, а по пятам за ними – их собаки.

Глава пятнадцатая ПЛЕН В НИЗИНЕ

Местность изменилась. Больше не было зубчатых хребтов и вереска Горной страны; не было зеленых гор и овечьих пастбищ. Земля стала плоской, и высились на ней только «отвалы», или терриконы, – пустая порода из угольных шахт, ссыпанная в конусовидные кучи транспортерами крупных промышленных предприятий.

Здесь было много больше городов и много больше шоссейных дорог. И собака уже не могла идти никем не замеченная, в обход городов, и не могла идти так, чтобы не быть на глазах у людей, потому что люди были всюду. Сколько Лесси ни старалась сторониться их, она, чтобы совершать свой путь на юг, неизбежно должна была держаться у них на глазах.

Пришлось усвоить в отношении людей новую тактику. Лесси держалась от них как можно дальше, но, когда бывала вынуждена проходить мимо них совсем близко, она их как бы не замечала.

Впрочем, надо сказать, люди этой страны внушали ей меньше недоверия, так как они во многом были сходны с теми, среди которых она выросла. Лица у них зачастую были черны от копоти, как у жителей Гринол Бриджа. Их одежда была пропитана угольной пылью, а у мужчин в руках или на головах были шахтерские лампы. Мало того: здесь от мужчин на улицах и от самих городов отдавало запахом работающих под землей. Он был очень похож на запах, присущий хозяину Лесси, только никто из этих мужчин не был ее хозяином. Но они хоть были похожи на прочих жителей поселка.

Поэтому Лесси, в общем, вела себя с ними, как с этими прочими жителями своего родного поселка, только куда осторожней: она их принимала, но не отвечала приветом никому из них, не подходила так близко, чтоб они могли до нее дотронуться, и не слушалась их команды.

А они пытались командовать. Потому что в промышленной Нижней Шотландии, как и в Йоркшире, есть немало людей, знающих толк в собаках. Они умеют отличить хорошую собаку и с одного взгляда распознают бродячую. И часто бывало, что такой человек скажет вдруг:

– Смотри, Арчи! Бродячая собака! И хорошая к тому же... Эй, дружок, сюда! Сюда, ласонька!

Он протягивал руку и щелкал пальцами и подзывал добрым голосом. Но, хотя Лесси нередко слышались в команде звуки, сходные с ее именем, она никогда не отзывалась. Если протянутые руки придвигались слишком близко, она ускользала от прикосновения, точно шарик ртути. Если за нею пускались в погоню, она, усталая и разбитая, отказывалась от своей привычной трусцы и припускала галопом, который быстро уносил ее от двуногих преследователей.

Отделавшись от них, она опять переходила на трусцу, держа на юг.

Эта трусца стала теперь медленней, потому что изменившуюся местность отличала еще одна особенность: здесь не было еды. Раньше были кролики, но потом их становилось все меньше, а теперь ее нос уже редко когда улавливал их теплый запах. Лесси чувствовала, что импульсу, побуждающему ее подвигаться с должной быстротой, все труднее становится подчинять себе ее мускулы. Она чувствовала даже, что ей теперь трудно стало сторониться человека. Все нараставшая усталость так истомила ее, что она уже не обращала внимания на человека, покуда он не занесет руку.

Но один импульс не отмирал – тот, что толкал идти на юг. Ни в каком другом направлении, только на юг. Итак, Лесси медленно шла шотландской Низиной. Ее путь пролег через эту черную индустриальную страну, потому что она подчинялась неугасимо горевшему в ней желанию идти на юг, неизменно на юг. И на этом пути она оставляла за собой молву – много разных рассказов, передававшихся из дома в дом.

В одном шахтерском городке одна молодая женщина как-то вечером за ужином посмотрела на мужа и сказала:

– Странный случай был у меня сегодня, Айвор. С собакой.

– С собакой? Чьей?

– Не знаю, кто ее хозяин. Я сидела с ребенком у наших дверей – вышла погреться на солнышке – и вижу, идет по мостовой собака. Грязная-прегрязная, какая-то потерянная и такая страшная с виду, а все-таки очень милая на вид...

– Как это так – «страшная с виду» и притом «очень милая на вид»?

– Ну, уж не знаю. Но так оно было. И такой она выглядела усталой. Она глядела совсем как иной раз человек, когда идет со смены – измучен, валится от усталости, а все-таки идет. Я подзываю ее – она не подходит. Остановилась поодаль и смотрит на меня. И на маленького Айвора. Тогда я зашла в дом, вынесла миску с водой и поставила на землю. Собака подошла и вылакала все подчистую. Я тогда пошла, принесла тазик с обедками и поставила рядом. Она долго смотрела, походила вокруг, с одной стороны зайдет, с другой, наконец нагнулась, понюхала и стала есть – ела очень деликатно, а я поклялась бы, что она просто умирала с голоду. Такая она была жалкая и худая. Потом, съев от силы половину, она бросила есть, подняла голову и пошла прочь, вниз по улице, ну прямо как будто вспомнила о какой-нибудь условленной встрече...

– Хорошо, а ты что хотела бы? Чтоб она задержалась из приличия и поблагодарила за обед?

– Нет, но... убежать, не доев! Почему она так?

– Ах, Пегги, ну откуда мне знать? Я только знаю, что твоя бы воля, так ты кормила бы всех бездомных собак и всех сирот и бродяг на свете.

Муж засмеялся, и жена засмеялась тоже, потому что в его голосе звучала теплота – он был доволен ею. И она тут же забыла о бродячей собаке и о своем добром поступке.

В поселке миль на пятьдесят южней женщина с длинным худым лицом писала письмо мужу, уехавшему по делам. В письме говорилось:

«На днях у нас было страшное происшествие. В поселке появилась бешеная собака. Первым ее увидел констебль Макгрегор, и она сразу показалась ему подозрительной, потому что у нее текла слюна из пасти. Он попробовал поймать ее, но она от него ускользнула. Я видела, как она промчалась по улице (я шла домой из гостей, от миссис Томсон), – ну и страшная же тварь, пасть разинута, несется дико вскачь. А за нею вдогонку констебль и толпа мальчишек. Я забежала к Джемисону, в отделение тканей, и не выходила оттуда чуть ли не час, такое у меня было сердцебиение.

Позже я узнала, что они ее загнали в Феннелов тупик и думали уже, что собака поймана, но она в последний миг перескочила через задний забор, а он, ты же знаешь, высокий, футов на шесть, не меньше. Значит, она и в самом деле была бешеная – здоровой собаке не пришлось бы в голову сделать такую попытку.

С тех пор мы тут живем под страхом водобоязни, и на всех бродячих собак устраивают облаву и свозят их в какой-то приемник. По-моему, надо всех этих собак пристрелить, ведь не знаешь, а вдруг они могут причинить вред. Говорю тебе, я страшно нервничаю из-за всей этой истории, так что я надеюсь, ты не удержишься в поездке и поспешишь назад, как только позволят дела...»

Истории, говорящие о трусости и страхе – или о доверии и доброте, – отмечали долгий путь, который терпеливо совершала Лесси, пробираясь домой.

Через крупный промышленный город Шотландии протекает широкая река. Вдоль ее берегов

идут высокие стены и ограды, потому что земля по набережной в большой цене: река – это кровь, дающая жизнь стране.

Здесь у реки громоздятся подъемные краны. Они поднимают огромные глыбы металла. Потом переносят их к верфям, где высятся стальные каркасы. По каркасам целый день лазают люди, сверлят и клепают, добавляя хриплый визг к мощному грохоту паровых молотов. Здесь рождаются большие корабли, которые потом ходят по Атлантике.

Город и корабельные верфи расползлись по широкой реке, заняв здесь каждую пядь. Чтобы переходить с берега на берег, существуют ползучие паромы, а в центре города – старинные мосты, по которым веками шло сообщение севера с югом.

По одному из таких мостов, среди кипучего движения, трусцой бежала Лесси. Много дней она брела северным берегом реки, ища переправы, и наконец решилась: ничего не поделаешь, надо пойти там, где идут люди.

Когда она шла, многие на запруженном тротуаре поворачивали головы и заговаривали с ней, но она не обращала внимания и следовала своим путем и вскоре пропадала из виду, затершись в толпе.

Но два человека упорно не теряли ее из виду. Они сидели в кабине автофургона, переезжавшего реку. Один, тот, что постарше, только подтолкнул своего товарища, крутившего баранку, и указал ему на собаку, которая шла так неуклонно. Тот не ответил. Но он кивнул, как бы в знак радостного согласия, и взял такую скорость, какая позволяла им не упускать Лесси из виду.

Когда мост кончился, Лесси бодро двинулась дальше. Бег ее стал чуть быстрее, потому что теперь ее желание идти на юг не встречало помехи. Река была позади. На одну секунду Лесси ощутила приток новой силы, повисший хвост немного приподнялся, у нее даже был почти веселый вид.

Она шла по мостовой прямо на юг. Она не обращала внимания на кативший с нею рядом фургон. Среди разнородных шумов и запахов большого города ее чуткие уши и тонкий нюх едва ли могли предостеречь ее заранее. Только в самую последнюю секунду чутье предостерегло ее, и она отпрыгнула вбок. В воздухе что-то заколыхалось. Она перебирала ногами, но без пользы – ее опутала сетка, сковавшая все ее усилия.

Целую минуту она пыталась выбиться, борясь с опутавшей ее паутиной. Но путы только затягивались туже. И тут с нею рядом, стоя на коленях, оказался человек из того фургона. Он ее держал умелыми руками. Вокруг ее рта затянулся жестокий ремень, сжавший челюсти. Другой ремень охватил ей шею. А еще один скрутил ей ноги.

Лесси лежала не двигаясь. Вокруг нее собралась толпа.

Она почувствовала, что сетку снимают. Дернувшись изо всех сил, она попробовала вырваться. Передние ноги освободились! Освободилась и одна задняя. Можно бежать!

Лягаясь, дергаясь, она боролась с державшим ее человеком. Уже навалился на нее всем телом и второй. Если бы только челюсти были свободны от ремня! Она почувствовала, как их стянуло туже, когда второй человек схватил ее за переднюю ногу. Потом ее стали бить по голове.

Она упала, оглушенная. И тут люди перестали ее бить, потому что в толпе очень явственно раздался голос. Это был девический голос, высокий и отрывистый:

– Не смейте так обращаться с собакой. Дикари!

Один из тех двоих, стоя на коленях, поднял глаза на девушку.

– Может, сами возьметесь за нашу работу? – спросил он.

В толпе кто-то хихикнул, но смех сразу стих, когда девушка выступила вперед. Голос ее звучал строго.

– Если вы думаете, что дерзость вам поможет, вы очень ошибаетесь. Я наблюдала ваш образ действий и подам на вас заявление – обжалую и вашу дерзость и жестокость.

Когда человек опять заговорил, его тон был совсем другой.

– Извините, мэдэм, но я только исполняю свою обязанность. Деликатничать нам не придется. Кругом развелось много бешеных собак, и мы, служащие приемника, должны делать свое дело: отлавливать их. Ради общественной безопасности.

– Вздор! У этой собаки нет никаких признаков водобоязни.

– Нельзя знать, мэдэм. Во всяком случае, собака бродячая, а нам приказано всех бродячих забирать. На ней нет бляхи.

Девушка хотела ответить, но мужчина рядом с ней взял ее под руку.

– Он же прав, Ительда. Нельзя, чтобы у нас тут бегали стаями бездомные собаки. Вы же понимаете, нужен какой-то надзор.

– Совершенно верно, сэр, – сказал ловец собак.

Девушка поглядела вокруг. Поджала губы.

– Хорошо, но не таким же способом осуществлять надзор. Пустите, я сама посажу вам ее в фургон.

– Она у вас убежит, мэдэм.

– Вздор. Встаньте.

– Нам только придется проделать все сначала, мэдэм.

– Встаньте!

Стоявшие на коленях обвели взглядом толпу, будто желая сказать, что, мол, безнадежное это дело спорить с женщиной, когда она забрала себе в голову блажную мысль. Они встали, а девушка опустилась на колени. Лесси почувствовала, как ее коснулись спокойные руки, нежно погладили ее, услышала мягкий, ласковый голос:

– Вот и хорошо. Дайте мне поводок и уберите сетку.

Мужчины подчинились. Девушка осторожно надела Лесси на шею ремень. Одной рукой она ее похлопывала и поглаживала, другой легонько дергала за поводок.

– Ко мне!.. Встать! – сказала она.

Лесси сделала то, к чему ее приучали годами. Она послушалась. Она пошла туда, куда ее мягко повел поводок. Она подошла к фургону. Когда водитель отворил решетчатую дверцу, девушка взяла тощую колли на руки, посадила в кузов, и решетка захлопнулась.

– Ну вот, – сказала она строго. – Вы и с бродячими собаками не должны обращаться, как с дикими зверями.

Она повернулась и пошла прочь, не удостоив взглядом своего спутника.

– Зачем устраивать на людях такие сцены, Ительда? – сказал он наконец.

Ответа не последовало, и они пошли вперед по мосту. Дойдя до половины, спутник поглядел на нее и остановился.

– Простите меня, – сказал он. – Я заслужил, чтобы меня прогнали, как собаку. Вы были великолепны!

Они стояли и молча глядели на хлопотливую реку.

– Странно, почему это так, – сказал он наконец. – Мужчина всегда боится привлечь внимание толпы. Ему часто хочется сделать... ну, что-нибудь вроде того, что сделали вы, а он не делает. Это, верно, особый вид трусости. Женщина храбрее. Вы были великолепны, и это первое, что я должен был сказать.

Девушка провела рукой по его рукаву, как бы в знак понимания.

– Дело не во мне, – сказала она, – дело было в собаке. Знаете, она мне так напомнила Красавицу. Вы помните Красавицу – колли, которую мы держали, когда я была маленькая?

– Ох, верно... а я и забыл. Да, но та была такая величавая, правда, Ительда?

– Эта тоже, Майкл, по-своему. Голодная и тощая, а чем-то она мне напомнила нашу Красавицу. В ней то же величавое терпение и... и... так и кажется, что она многое понимает, и просто преступление, что ей не дано говорить, высказать все словами.

Майкл кивнул головой и вынул свою трубку. Они облокотились на перила.

– Что они с ней сделают? – спросила наконец девушка.

– Кто? Эти душегубы с фургоном?

– Да.

– Ах, отвезут ее в приемник.

– Знаю. Ну, а там что с ними делают, с бродячими собаками?

– Не знаю. Кажется, их там держат... ну, какой-то положенный срок, а потом, если никто за ними не явится, их... ну, разделяются с ними.

– Ее убьют?

– Ах, но вполне гуманным способом. Газовая камера или что-нибудь такое. Говорят, это совершенно безболезненно. Как будто заснул, и все. На этот счет есть закон или какие-то постановления.

– И никто не может ее спасти... то есть если ее владелец не узнает вовремя?

– Думаю, никто.

– А нет такого закона или постановления... что ты можешь прийти в приемник и вытребовать какую-нибудь собаку? Уплатив, конечно, за прокорм и прочее?

Мужчина сделал глубокую затяжку.

– Кажется, есть... Должен быть.

Он поглядел на стоявшую с ним рядом девушку. Улыбнулся.

– Пошли! – сказал он.

Глава шестнадцатая НЕ ВЕРЬ СОБАКЕ, ДОННЕЛ!

Фургон с решетчатой дверцей въехал во двор. Сзади лязгнули чугунные створки в высокой стене. Фургон подкатил задним ходом вплотную к проему поднятого над землею входа.

Лесси спокойно лежала в углу. В фургоне были и другие собаки. Пока их везли по городу, они выражали свой протест громким лаем. Но Лесси всю дорогу пролежала тихо, как пленная королева среди прочих не столь высокородных узников.

Неподвижная, только с горящими глазами, она лежала в своем углу, отключив от себя внешний мир, – совсем как в те дни, когда лежала больная под нависшим дроком.

Она не утратила величавого достоинства даже и тогда, когда откинули решетчатый задник фургона. Прочие собаки, все полукровки, заметались и снова подняли визг. Те двое хватали их и волокли в большую зацементированную камеру. Но Лесси не двигалась. Наконец в фургоне осталась она лишь одна.

Может быть, человека обманул ее спокойный и царственный вид. А может быть, он помнил к тому же, как легко та девица посадила собаку в машину.

Он вошел в фургон, держа наготове ошейник с поводком. Лесси лежала тихо; и словно почитая ниже своего достоинства визжать и отбиваться в борьбе за свободу, как визжали и бились другие собаки, она спокойно позволила рукам человека надеть ей через голову ремень. Когда поводок должен был натянуться, она послушно поднялась и, как ее учили смолodu, последовала за человеком. Они спустились по откинuthому заднику фургона и зашагали по гулкому коридору. Лесси шла как надо, не рвалась на поводке вперед, не оттягивая его назад.

Это, возможно, тоже усыпляло бдительность человека. И вот, доведя ее до места, где стоял у распахнутой двери его помощник, готовый тотчас опять закрыть ее на засов, он наклонился, чтобы снять с собаки намордник.

Мгновение – и Лесси высвободилась.

Она отпрянула, как скользящий луч. Человек вскочил, чтобы преградить ей дорогу. Но в быстроте реакции человек изo всех четвероногих не уступит только черепахе. Пока он двинулся с места, Лесси уже пустилась наутек, прошмыгнув между его ногами и стеной.

Она пронеслась по коридору и остановилась. Путь был перекрыт. Перед нею ничего, кроме черной пустоты фургона, только что покинутого ею: грузовик был так аккуратно надвинут на входное отверстие, что ни слева, – ни справа не осталось ни на дюйм свободного пространства.

Она повернула и кинулась назад – прямо на гнавшихся за нею людей, вернувшись от их распыленных рук и ног, она опять, как стрела из катапульты, пронеслась мимо. Слева была лестница. Она взметнулась по ней. Наверху протянулся в обе стороны коридор. Один конец шел к югу. Туда она и побежала.

Теперь весь дом за нею гудел от крика. Коридор наполнился народом. Она неслась, а перед нею растопыривали руки. Лавируя, как иной полузащитник на футбольном поле, она пронеслась по всему коридору. И остановилась. Коридор уперся в стену. В стене окно, но оно было закрыто.

Лесси повернулась. Позади по всему длинному холлу сейчас толпились люди. Они надвигались. Лесси огляделась. С обеих сторон много дверей, но все плотно закрыты. Податься некуда.

Казалось, и ловцы не сомневались в этом. Появились двое мужчин в форменных фуражках, и тут раздался голос ловца:

– Прошу, стойте все, где стоите. Теперь она у нас в руках. Только стойте все, где стоите, и тогда она не сможет побежать назад по коридору. Она никого не укусит. Это не злая собака.

Он начал медленно приближаться. За ним шел его помощник с сеткой. Они подбирались ближе и ближе.

Податься было некуда, Лесси гордо стояла на месте. Высоко подняла голову и ждала.

И тут пришло спасение. Справа подле Лесси одна из тех плотно закрытых дверей открылась, и раздался голос. Важный голос – начальственный:

– Что тут происходит? Вы что, не понимаете, что идет заседание суда и...

На этом голос осекся. Потому что в этот миг что-то бурое бомбой пролетело мимо, едва не сбив человека с ног. Его лицо перекошилось, изобразив ужас и разъяренное достоинство. Он смерил двух мужчин с сеткой единым презрительным взглядом. Потом закрыл дверь.

А там, в комнате, воздух наполнился гудением, потому что Лесси металась туда и сюда, ища выхода. Но и здесь, в просторной комнате, его, казалось, не было. Все двери закрыты.

Лесси остановилась в углу, точно загнанный зверь. Люди отошли от нее, оставив ее в одиночестве. Скрип сдвигаемых стульев и крики понемногу стихли, слышно было только постукивание молоточка на кафедре. Потом заговорил торжественный голос:

– Не должен ли я так понять, что это и есть нежданный свидетель, обещанный защитой?

Зал покотился со смеху. Молодые люди в торжественных черных мантиях широко улыбались. Внушительный господин в огромном белом парике тоже позволил себе улыбнуться, ибо он славился на всю широкую округу своим разящим остроумием. К тому же дело слушалось сегодня долгое и скучное. Его замечание будут повторять и устно и печатно, – подхваченное газетами, оно облетит из края в край всю страну:

«Мы получили сегодня новый образец искрометного юмора прославленного острослова из юридического мира, судьи Мак-Куэрри, проводившего заседание в...»

Великий человек слегка кивнул головой, отчего его белый парик съехал чуть ли не на брови. В это мгновение Лесси коротко твякнула один только раз.

Великий человек просиял:

– Полагаю, ответ получен положительный. И я могу добавить, что это самый толковый свидетель из всех, каких я видел перед собой за двадцать лет, ибо он первый сумел ответить без уверток, прямым «да» или «нет».

Снова большой зал покотился со смеху. Молодые люди в мантиях кивали, как китайские болванчики, и поворачивались друг к другу.

Старина Мак-Куэрри сегодня в ударе!

Но вот, как будто решив, что он один вправе указывать, как долго может продолжаться смех, судья застучал молоточком. Его брови насупились. Глаза глядели строго.

– Сержант! – прогремел он. – Сержант!

Человек в мундире подбежал к судилищу и застыл в ожидании.

– Сержант, что это такое?

– Собака, милорд.

– Собака?!

Судья обратил взор на животное, все еще стоявшее в углу с видом загнанного зверя.

– Вы подтверждаете, сержант, мои собственные подозрения. Это собака! – сказал он ласково. Затем громогласно добавил: – Так! И как же я должен с нею поступить?

– Я, кажется, знаю, что у вас на уме, милорд.

– Что же у меня на уме, сержант?

– Вы хотите, чтобы ее удалили, милорд.

– Верно! Хочу! Удалите ее! Удалите!

Сержант в тяжелом недоумении поглядел вокруг. За все годы его службы перед ним никогда не вставала такая задача. Возможно, она никогда не вставала ни перед кем за всю историю юриспруденции. Возможно, в своде законов не было установлено никакого официального и признанного порядка для проведения подобной процедуры. Все прочие возможности были предусмотрены, но... как быть с собаками? Нет, этого сержант не мог припомнить.

«Собаки. Порядок удаления таковых из зала суда». Возможно, где-нибудь есть такой параграф, но сержант не помнил. А коль скоро не установлено официального порядка процедуры, как же тогда человеку...

Вдруг лицо у сержанта просветлело. Он разрешил задачу. Лестница чинов! Он обернулся к тому человеку, который открыл дверь и позволил Лесси войти:

– Мак-Лош! Уберите эту собаку. Откуда она пришла?

Багровый с лица привратник с укором поглядел на своего начальника:

– Не иначе, как улизнула от Фергюссона и Доннела. Они сейчас шатаются под дверью со своими сетками.

Сержант повернулся и перевел для судьи на более официальный язык:

– Собака, ваше благородие, сбежала от живодерных властей. Двое из них сейчас на посту. А так как задержание и арест бродячих собак входит, собственно, в обязанности живодерни, то...

– Официального постановления на этот счет я выносить не стал бы, но неофициально, сержант, неофициально...

Молодые люди в мантиях опять заулыбались друг другу.

–... Неофициально я сказал бы – это по их ведомству. Впустите их и прикажите им убрать отсюда животное.

– Очень хорошо, милорд.

Сержант поспешил скрыться за дверьми.

– Уведите ее отсюда, живо! Пока он не вышел из себя, – прошипел он хриплым шепотом.

Те двое с сеткой наготове вошли в зал суда. Блюстители закона выстроились в ряд и следили с жадным интересом. Как-никак, этот эпизод позволял передохнуть от томительной скуки сегоднешнего заседания.

Двое с сеткой, крадучись, пробирались к углу – медленно, осторожно.

– Мы ее быстренько уберем отсюда, милорд, – сказал один успокоительным тоном.

Но он еще не досказал, как Лесси уже увильнула. Сетка была ей знакома. Это ненавистный враг. Его надо избегать.

Опять в зале пошел бедлам. Пользуясь случаем, молодые люди разыгрались, точно школьники, и закричали на все голоса:

– Го-го-го! Вон отсюда!

– Эй, Уотсон, гляди! Там, подле кафедры!

– Улю-лю! Гейо!.. Ой, зашиб колено!

Они бойко улюлюкали и с веселым жаром всеми силами старались помешать людям с сеткой – делали вид, что помогают загнать собаку в угол, а сами норовили при каждой возможности толкнуть их, как бы ненароком.

Но облава понемногу пошла как должно. Лесси оказалась припертой к стене. Кольцо людей стягивалось. Прямо перед ней было открытое окно. Она вскочила на подоконник и остановилась в колебании: внизу под нею был двор, где все еще стоял фургон. А прыгнуть надо было с высоты добрых двадцати футов – и прямо на асфальт.

Люди уверенно подходили. Они знали, что отсюда ей не спрыгнуть. Они расправили сетку.

Стоя на самом краю, Лесси задрожала. Поодаль, влево, была крыша фургона. Тут высота не превышала десяти футов, но фургон стоял далековато. Лесси сгорбилась, перебирая лапами, как будто нащупывала более верную опору. Ее мускулы подрагивали.

Собака не то что кошка. Собаки, как и люди, научились бояться высоты. Однако это был единственный путь.

Подобравшись, напрягши все мускулы, Лесси замерла на месте. И прыгнула. Она метнулась

насколько могла вперед, нацелившись на крышу фургона. Еще летя по воздуху, она уже знала, что упадет ближе. Чувство времени и чувство равновесия сказали ей, что не удастся благополучно приземлиться.

Она вытянула передние ноги и чуть задела ими самый край. Одну секунду она висела на когтях, задними ногами царапаясь в борт. Потом тяжело упала наземь. И лежала, оглушенная.

Наверху, в зале суда, в окнах выстроились лица. Ловец испустил резкий крик:

– Теперь не уйдет!

Они с товарищем повернули было; но их остановил резкий окрик. Судья хмуро поглядел на них, а когда заговорил, со всяким весельем на этот день, казалось, надо было распроститься.

– Вы в зале суда. Извольте выйти чинно и тихо. Джентльмены, прошу. Перерыв я объявлю своевременно.

Застучал молоток, и все встали, потому что раскатилось вековое судейское: «Слушай!»

Двое ловцов, ворча под нос, медленно шли к дверям. Выйдя наконец в коридор, они кинулись бегом.

– Распроклятая собака! – пропыхтел старший из двух. – Ну, я ей покажу! Дайте мне только...

Но, выскочив во двор, они оторопели. Глядят по сторонам. Вот фургон. Вот место, где Лесси лежала, оглушенная. И, однако, ее здесь нет! Во дворе пусто.

– Ну, Доннел, хорошо, когда на этом не кончатся все чудеса этого распроклятого дня! – пыхтел старший. – Она же, конечно, убилась насмерть – так где же она?

– Перелезла через стену, мистер Фергюссон!

– Шесть футов... И не могла же она не убиться насмерть. Это никакая не собака, Доннел. Это распроклятый вампир.

Они пошли назад, в свою контору в подвале.

– Мистер Фергюссон, вампир – это ведь крылатая тварь?

– Точно, Доннел. Потому я и назвал ее вампиром. Животному нужны крылья, чтоб перебраться через эту стену.

Доннел почесал в затылке.

– Я когда-то, – сказал он, – видел в кино картину про вампиров.

Старший принял строгий вид:

– Куда это годится, Доннел! Я ломаю голову над делом – над очень важным делом, так ведь? – а ты тут мелешь мне про кино!

Ты никогда не продвинешься по службе в муниципалитете, если и впредь будешь так же. Вопрос, стало быть, такой: как нам быть с собакой?

Доннел выпятил губы:

– Я не знаю...

– А ты подумай. Что бы ты стал делать, если бы ты был один?

Доннел погрузился в мрачное раздумье. Наконец по его лицу как будто пробежал солнечный луч.

– Сядем в наш фургон и поедем по улицам и будем разъезжать, пока опять не наедем на нее!

Старший покачал головой с таким видом, точно разочаровался во всем роде людском.

– Доннел, неужели ты так никогда и не научишься?

– Не научусь? А чему это я сейчас не научился?

– Смотреть на время, смотреть на время! – веско сказал Фергюссон. – Сколько раз я тебе говорил? Раз ты на казенной службе, ты должен соблюдать свои рабочие часы. Ты только раз начни работать всечасно, день и ночь, – и кончено: они уже станут ждать от тебя того же всегда.

– Оно, конечно, так. Я и забыл.

– Забыл! Ты забыл! Так вот, ты не забывай. Бери пример с меня, мой мальчик, тогда ты кое-чего добьешься.

У младшего был пристыженный вид.

– Так-то! – сказал тот. – Пораскинешь умом – и ногам покойней. Теперь что мы должны сделать? Мы должны написать рапорт.

Он взял карандаш и бумагу. Долго сосал кончик карандаша.

– Нелегкое это дело, Доннел, – сказал он наконец. – Это же черное пятно на моей служебной репутации. Я здесь двадцать два года, и ни разу за всю мою службу не бывало случая, чтобы собака ушла. Я просто не знаю, как о таком доложить.

Доннел почесал в затылке. И тут его осенило:

– Послушайте, а что, если вы попросту забудете? Не доложите о ней вовсе ничего?

Старший удивленно поглядел на него:

– Пожалуй, голова у тебя, Доннел, не совсем пустая. Ты наконец кое-чему научился. Но ты забыл одну оч-чень важную вещь: происшествие в суде. О нем непременно пойдут шуметь!

– Да уж, непременно! – с жаром подхватил Доннел. – Но кто же докажет, что мерзавка была у нас поймана? Если придут с проверкой, мы им предъявим того кудлатого мерзавца, которого мы изловили нынче утром. Просто укажите в рапорте на одну штуку меньше, и не будет тогда ни одной сбежавшей собаки, никакого пятна на вашей... вашей... как ее?... репутации!

– Ты отлично придумал, Доннел!

Старший засел за отчет. С полчаса он мучительно писал. Только он кончил, как зазвонил колокольчик. Дверь отворилась, и вошел полисмен. Следом за ним вошли девушка с молодым человеком – те, что стояли тогда на мосту.

– Вот сюда их запирают, бродячих собак, – сказал полисмен.

Молодой человек подошел к столу.

– По моим сведениям, – сказал он, – я могу, уплатив расходы по поимке и установленный штраф, забрать отсюда любую неистребованную собаку?

– Правильно, сэр.

– Хорошо. В таком случае, я... то есть не я... вот эта барышня хочет забрать ту колли, которую вы поймали сегодня утром, сэр.

– Колли? – повторил Фергюссон, быстро соображая, как же быть. – Колли? Нет, сэр, сегодня утром не было поймано ни одной колли.

Девушка вышла вперед:

– Послушайте, что вы тут затеваете? Вам отлично известно, что все произошло у меня на глазах: вы при мне сегодня утром поймали колли – и жестоко обращались с ней, да! Если вы опять собираетесь сыграть с ней какую-нибудь злую шутку, так капитан Мак-Кейт – вот он перед вами – вмешается в это дело.

Фергюссон почесал в затылке.

– Хорошо, скажу вам всю правду: собака сбежала.

– То есть как это? – спросила девушка.

– Вот так. Сбежала, мэдэм. Вам тут каждый может это подтвердить. Собака вырвалась и пробежала наверх, в зал суда, к судье Мак-Куэрри, а потом выскочила в окно, перемахнула через стену – и была такова!

– И была такова!..

Девушка глядела на него во все глаза. И вдруг ее лицо озарилось радостью.

– Не знаю, правду вы мне говорите или нет, – вмешался ее кавалер, – но я для верности подам письменное требование на эту собаку.

Он сделал пометку в своей записной книжке и направился к выходу. Девушка, сияя, пошла за ним.

– Я очень сожалею, Ительда, – начал он, когда они поднимались по лестнице, – но ничего не поделаешь.

Девушка улыбнулась.

– Превосходно! Я очень рада! Как вы не понимаете: она же опять на свободе. На свободе! Пусть она мне не достанется, но она на свободе.

А внизу, в подвале, у себя в конторе, Фергюссон бушевал перед своим помощником:

– Теперь я должен все-таки написать в рапорте, что она сбежала, потому что эти душегубы, конечно, подадут на нее требование и придется мне объяснять, почему я не могу выдать им собаку.

Он со злостью разорвал в клочки с таким трудом написанный ложный отчет.

– Такая хорошая работа – и пошла прахом! Так пусть же оно послужит тебе уроком, Доннел. Какой ты сделаешь вывод из этого всего?

– Никогда не составляй ложного рапорта, – совестливо ответил Доннел.

– Нет, совсем не то, – с презрением сказал Фергюссон. – Ты никогда не продвинешься по службе, Доннел. Вывод отсюда только один: никогда не верь собаке! Да, вот ты поймал ее. Она прикинулась, можно сказать, кроткой, как грудной младенец. Я ей поверил на одну секунду, и она тотчас превращается как бы в огненный шар на Страшном суде. Дальше. Ей бы надо убояться спрыгнуть, а она что делает?

– Прыгает в окно, – отозвался Доннел.

– Верно. Дальше. Она бы должна убиться насмерть, а она что?

– А она жива.

– Опять же верно. Потом, ей бы должно быть неспособно перескочить через такую стену, а она что?

– Она перескочила.

– Опять скажу: верно! Значит, мораль такова: покудова ты на этой работе, Доннел, никогда не верь ни одной распроклятой собаке. Она... понимаешь... собака, она не то что человек. Да. Собака не человек.

Глава семнадцатая ЛЕССИ ПЕРЕХОДИТ ГРАНИЦУ

Медленно, упорно Лесси пересекала хлебное поле. Теперь она уже не бежала трусцой. Она еле плелась. Ее голова была низко опущена, хвост безжизненно повис. Худое тело пошатывалось, как будто ей нужно было прилагать все свои силы, чтобы ноги продолжали двигаться.

Но путь ее был неизменно прям. Она шла по-прежнему к югу.

Усталой поступью она пересекала луг. Она не обращала внимания на стадо, пасшееся тут на подножном корму, хотя коровы то и дело поднимали головы, отрываясь от сочной травы, чтобы проводить ее взглядом, когда она проходила мимо.

Трава делалась все гуще и грубей, по мере того как Лесси подвигалась по стежке. Тропа под ее ногами превратилась в плотно убитый ил. Потом ил превратился в водяную лужу, а лужа – в берег реки.

Лесси остановилась на утоптанном месте. Сюда скот приходил напиться и постоять на холодке в дневную жару. Кроме нее, тут и сейчас стояло несколько животных – зашли по колена в воду у отдели. Коровы оборачивались и поглядывали на собаку, а челюсти их непрерывно двигались.

Лесси тихонько заскулила и подняла голову, как будто принюхиваясь к какому-то запаху с дальнего берега. С полминуты она покачивалась на лапах. Потом, осторожно нащупывая дно, пошла вброд, все глубже и глубже погружаясь в воду. Вот уже пропало под ногами дно. Вода вынесла ее на стрежень. Лесси поплыла, вырываясь сзади хвостом.

Река не была бурной, как та, что осталась далеко позади, в Горной стране. И не была мутной, с судоверфьями по берегам, как та, что прорезала большой промышленный город, теперь уже тоже оставленная на много миль позади. Но она была широкая, с сильным течением, сносившим Лесси вниз.

Усталые задние ноги, отталкиваясь, били по воде, передние неустанно гребли. Южный берег плыл мимо и, казалось, не придвигался ближе.

Ее сковала слабость, ноги били все медленней. Тянувшаяся вперед голова ушла под воду. Это разбудило ее ото сна, и она начала отчаянно молотить. Голова теперь стояла совсем прямо, а передние ноги взбивали пену. Она повела себя, как охваченный ужасом пловец.

Но в мозгу у нее ничуть не помутилось, и она вновь начала упорно продвигаться вперед.

Плыла она долго – долго и отважно. И когда наконец выплыла к тому берегу, у нее, казалось, не хватало силы выбраться на сушу. У первого места ее лапы только скребнули по берегу, и она свалилась обратно в воду. Берег был здесь слишком высок. Ее отнесло вниз. Лесси попыталась

еще раз. Она забарахталась и опять упала. Потом ее понесло прибоем, и наконец ее лапы уперлись в пологое дно. Она побрела по нему к берегу.

Набравшаяся в шерсть вода была немалым грузом, и Лесси зашаталась, как будто была не в силах нести эту лишнюю тяжесть. Уже не идя, а еле волоча свое тело, она выбралась наверх по склону берега. И здесь наконец повалилась. Идти дальше она не могла.

Но она была в Англии! Лесси этого не знала. Она была только собакой, идущей домой, – не человеком, умеющим разбираться по географическим картам. Она не знала, что прошла из конца в конец всю Шотландию – Горную страну и Низину; что река, которую она переплыла, была тот самый Твид, который лежит рубежом между Англией и Шотландией.

Этого всего она не знала. Знала она только одно: что когда она вползла повыше на берег, случилась странная вещь. Ее ноги не слушались, как надо, а когда она стала подгонять себя вперед, утомленные мускулы вовсе вышли из повиновения. Она вся обмякла, качнулась вперед и затем повалилась набок.

Она завизжала. Зацарапала землю передними лапами, все еще волочась к югу. Теперь под ней была некошенная трава. Она подтянулась вперед – на ярд... еще на фут... еще на несколько дюймов. И тут наконец мускулы прекратили свою работу.

Лесси лежала на боку, вытянув ноги, как по приказу «умри». Ее глаза остекленели. Она не шевелилась, только видно было, как судорожно вздымался и опадал отошальный бок.

Весь тот день Лесси так и пролежала в траве. Над ней жужжали мухи, но она не поднимала головы, чтобы тявкнуть на них.

Пришел вечер, и за рекой зазвучал пастуший рожок, замычали коровы. Донеслись последние ноты птичьего хора – пение дрозда в мешкотных сумерках.

Пришла темнота со своими ночными звуками – уханьем совы и вороватым урчанием охотницы-выдры, далеким лаем собаки на ферме и шелестом в деревьях.

Пришел рассвет с новыми звуками – всплесками прядающей форели в еще одетой туманом реке. Потом грачи подняли свой извечный крик предостережения – потому что на ферме за пашнями из дверей бревенчатого дома вышел человек. Поднялось солнце, и тени робко заплясали по траве, когда вершины деревьев заиграли блеском в первом ветре нового дня.

Как только солнце коснулось ее, Лесси медленно встала. Ее глаза были тусклы. Медленно переступая, она двинулась в путь – прочь от реки, на юг.

Комнатка была небольшая и скромная. В кресле у стола, на котором мерцала керосиновая лампа, сидел Даниел Фадден и читал не спеша газету. Ближе к очагу, где жарко горел уголь, сидела в качалке его жена и вязала. Она без конца покачивалась взад и вперед, а пальцы ее мелькали над шерстью и спицами. Все движения, казалось, были точно соразмерны: один наклон качалки – три петли на спицах.

Оба они были стары и, казалось, так долго прожили бок о бок, что им и разговаривать было незначем. Каждому довольно было сознавать, что другой существует, что он тут же, рядом.

Наконец муж сдвинул на лоб свои очки в стальной оправе и поглядел на очаг.

– Надо бы подкинуть уголька, – сказал он.

Жена кивнула, качнувшись вперед, а губы ее продолжали беззвучно считать. Она «закругляла пятку», и нужно было соблюдать точный счет.

Муж медленно встал. Подошел к раковине, чтобы взять ведро. В шкафу в нижнем отделении был угольный ящик. Он набрал немного угля в совок.

– Эх, уже почти что весь, – сказал он.

Жена посмотрела через плечо. Оба мысленно подсчитали, во что это обойдется – «подкинуть уголька». Как быстро ушел у них последний центнер! Вся их жизнь была полна забот о таких вещах. Они еле сводили концы с концами. У них не было других доходов, кроме ничтожной пенсии, которую им выплачивало правительство за их сына, убитого во Франции. Да еще каждый получал общегосударственную пенсию по старости – десять шиллингов в неделю. Небогатые средства, но они расходовали их экономно и не делали долгов. Крошечный деревенский домик на большой до-

роге, вдалеке от какого бы то ни было города, представлял совсем дешевую квартиру. На небольшом клочке земли при домике Фадден выращивал овощи. Он держал с десяток кур, несколько уток и еще гуся, которого «откармливал к Рождеству». Гусь этот был их самой большой и самой верной уткой. Шесть лет назад рано по весне Фадден выменял дюжину свежих куриных яиц на крошечного гусенка. Он его бережно растил, похвываясь, в какую прекрасную, упитанную птицу он у него превратится к Рождеству.

Так и вышло – из гусенка получился чудесный упитанный гусь. За несколько дней до Рождества Фадден взял свой топорик и, не выходя за порог, долго сидел и глядел на лезвие, не решаясь выйти за порог. Наконец жена, все поняв, подняла голову и кротко улыбнулась.

– Дан, – сказала она. – В этом году мне что-то не хочется гуся. Если ты заменишь его курицей... и...

– В самом деле, Далли, – сказал Фадден. – Это было бы слишком расточительно – такой большой гусь на нас двоих. Правильно, нам хватит и курицы...

Так гусь получил пощаду. С тех пор его из года в год, как положено, откармливали к Рождеству.

– Уж в этом году он у нас пойдет в дело, – каждый раз возвещал Фадден. – Куда это годится – целый год откармливать гуся, чтоб он тут расхаживал и важничал, точно первая персона на свете! В этом году мы его прирежем.

И каждый раз гусь оставался в живых. Жена знала наперед, что так и будет. Когда Фадден воинственно объявлял, что птица будет забита на рождественское жаркое, она смиренно приговаривала: «Ну конечно, Дан». И когда он в последнюю минуту начинал колебаться и мяться и приговаривал, что гусь чересчур велик для них двоих, она подхватывала: «Ну конечно, Дан». И наедине с собой она часто говорила, что гусь будет еще жить и жить, когда оба они, как она выражалась, «будут давно уже мирно спать глубоко под землей».

Но она и не желала, чтобы было иначе. В самом деле, если бы Дан вдруг исполнил свои столь твердо возвещаемые намерения, ей, верно, показалось бы, что под ней провалилась земля.

Конечно, это не дешево стоило – кормить огромного, прожорливого гуся, но всегда же можно на чем-то сэкономить. Пенни здесь, пенни там. Можно расчетливей покупать и расчетливей расходовать, выгадывая медные гроши.

Так и жили они – благородно и достойно, в добром согласии, хоть и думая всегда о считанных своих грошах, как вышло и в этот вечер, когда они оба мысленно прикинули, сколько припасено было угля и долго ли они с ним протянут.

– Ах, незачем прибавлять жару, Дан, – сказала жена. – Присыпать золой – и самим на покой! Мы и так слишком поздно засиделись.

– Ничего, посидим еще немножко, – сказал Дан, зная, что Далли очень любит вечером часа два посидеть с вязаньем в качалке перед очагом. – Еще совсем рано. Я подкину немного. Потому что, честное слово, сегодня очень холодно – нудный дождь и ледяной восточный ветер.

Далли кивнула головой. Качаясь, она прислушивалась, как завывает ветер к востоку от их низенького дома и дождь сечет по ставням.

– Вот уж скоро и осень, Дан.

– Да, недалеко! Сегодня в первый раз восточный ветер. И сразу такой холодный! Пробирает до мозга костей. Долго на таком ветру я бы не вытерпел!

Жена качалась не переставая, и мысли ее унеслись далеко. Всякий раз, как кто-нибудь заговорит о дурной погоде, она обращалась мыслью к Данни-младшему. Там, в окопах, у них не было жаркой печи. Всю ту первую зиму люди прожили в грязных канавах в земле – и спали так по ночам без крова над головой. Можно себе представить, как все тело сводило от холода, и все-таки, когда Данни приехал в отпуск домой, он был такой румяный, такой здоровый и крепкий! А когда она спросила, бережется ли он, кутает ли грудь и горло, чтоб не застудить, он взялся за бока и рассмеялся – громким, сильным, раскатистым смехом.

«Эх, мама, уж коли я пережил эту зиму во Франции, меня теперь никакая стужа не возьмет!» – прогудел он.

И сгубила его не стужа, не болезнь. Пуля из пулемета – так написал его полковник в письме,

которое Далли бережно хранит до сего дня, припрятав вместе с брачным свидетельством.

Ах, война, военные орудия!.. Пули косили всех подряд. Храбрых и трусливых, слабых и самых крепких, таких, как Дании. И не для смерти нужно было мужество – ведь умирали и трусы, – мужество требовалось, чтобы жить, жить в этой сырой земле, в холоде и под дождем, и при этом всем сохранить силу духа. Вот в чем мужество. И как часто она рисовала это себе, когда дул ветер и хлестал холодный дождь! Так давно это было, а она все еще рисовала это себе, качаясь со своим вязаньем – петля, переброс, качнись вперед, петля, переброс, качнись назад...

Она придержала качалку и подняла голову. Посидела минутку тихо. Потом опять ушла в свою думу – петля, переброс, качнись вперед, петля, переброс, качнись назад...

Опять она остановилась. Затаила дыхание, чтобы лучше слышать – слышать сквозь шум огня. Шипел уголь, плевалась зола, капая в выемку за решеткой; шелестела газета; подальше постукивал ставень, закрепленный хуже остальных; нахлестывал, чавкая, дождь. А дальше, за всем этим, был еще какой-то шум, доносившийся в порывах ветра. Или ей это примнилось от мыслей о Дании, о давних годах?

Она свесила голову. Выпрямилась снова:

– Дан! Там какая-то возня у курятника!

Он тоже выпрямился в своем кресле.

– Эх, Далли, вечно тебе что-нибудь вообразится! – укорил он жену. – Ничего там нет, просто ветер. Да ставень немного разболтался. Нужно будет его закрепить.

Он вернулся к своему чтению, но седая маленькая женщина по-прежнему сидела прямо. Она опять заговорила:

– Ну вот, опять! Там кто-то копошится! – Она встала. – Если ты не хочешь присмотреть за своими курами, Даниел Фадден, я пойду сама.

Она накинула шаль, но тут поднялся и муж.

– Ну-ну-ну! – заворчал он. – Уж ты сиди. Раз ты этого хочешь, так я пойду – просто чтобы у тебя было спокойно на душе. Пойду и посмотрю.

– Вечно ты забываешь обмотать шею теплым кашне! – укорила она.

Она проводила его взглядом и потом осталась в комнате одна. Ее ухо, приученное одиночеством ловить все шумы жизни, прислушивалось к его удалявшимся шагам, а потом, через короткое время, расслышало сквозь вой разыгравшейся бури, что шаги быстро возвращаются. Он бежал. Она вскочила и, прежде чем открылась дверь, уже стояла у входа.

– Накинь шаль и пойдем, – сказал он. – Я нашел. Где фонарь?

Они вместе быстро зашагали в ночь, нагибаясь против ветра и дождя. Пройдя некоторое расстояние по большой дороге, старик наконец остановился у окаймлявшего ее боярышника и осторожно сошел вниз по насыпи. Жена светила ему фонарем. И вот она увидела то, что нашел ее муж, – лежащую в канаве собаку. Собака повернула голову, и Далли увидела, как в мутном глазу зажегся белый раскаленный свет – отраженная вспышка фонаря.

– Бедное, бедное создание! – сказала женщина. – Кто же так делает – ночью, в такую непогоду не пустить свою собаку в дом!

Ветер комкал слова, но до старика дошел тон ее голоса.

– Она так измучена, что не сможет идти! – прокричал он. – Подними фонарь повыше.

– Помочь тебе?

– Что?

Далли нагнулась и прокричала:

– Помочь тебе чем-нибудь?

– Нет! Управлюсь сам.

Она увидела, что он наклонился и взял собаку на руки. Она пошла с ним рядом, одной рукой вцепившись в шаль, чтоб ее не сорвало ветром, другой высоко поднимая фонарь.

– Ты иди не спеша, Дан, – сказала она. – Ох, бедное, бедное создание!

А сама побежала вперед, чтоб открыть дверь. Муж, запыхавшись, ввалился в дом. Дверь захлопнулась. Двое стариков понесли Лесси к жаркому очагу и положили на ковер.

Они постояли в сторонке, глядя на нее. Лесси лежала с закрытыми глазами.

– Я думаю, она не доживет до утра, – сказал муж.

– Возможно. Но это не причина, чтобы нам стоять без дела. Надо хоть попытаться. Сними с себя мокрые вещи, Дан. Быстрее, или ты у меня тоже свалишься. Смотри, как она подрагивает, – она еще живая... Достань тот мешок, Дан, что в шкафу, в нижнем ящике, обсуши ее немного.

Старик неловко согнулся, обтирая намокшую шерсть собаки.

– Она страшно грязная, Далли, – сказал он. – Твой чистенький ковер весь перемажется.

– Так будет тебе еще работа – вытрясти его во дворе завтра утром, – ответила колко жена.

– Попробую, не сможем ли мы ее покормить.

Старик поднял голову. Жена его держала в руке банку сгущенного молока. Их невысказанные мысли передались от одного к другому в безмолвном разговоре. Это была их последняя банка.

– Ничего, будем за завтраком пить чистый чай, – сказала женщина.

– Оставь немного, Далли, – ты же не любишь чай без молока.

– Ничего, для меня это не так уж важно, – сказала она.

И стала кипятить воду с молоком.

– Я часто думаю, Дан, что многое мы делаем только по привычке, – продолжала она. – В Китае, говорят, чай иначе и не пьют, как без молока.

– Может быть, потому, что они там ничего хорошего и не пробовали, – проворчал он.

Он все продолжал растирать продрогшее тело собаки, пока жена помешивала молоко в кастрюле над жаром очага. В комнате было тихо-тихо.

Лесси лежала не шевелясь. В полусознании, сквозь безмерную усталость, она ощущала, как ее обволакивает глухим покоем. Столько вещей вернулось из прошлого и давало ей успокоение. Здесь пахло «правильно»: смешанным запахом угольного дыма и пекущегося хлеба. Руки, прикасавшиеся к ней... они не норовили схватить и запереть или причинить боль. Нет, они ласкали и приносили успокоение изболевшимся и натруженным мышцам. Люди... люди не двигались порывисто, не кричали во всю глотку и не швырялись ничем, что ранит. Они ходили спокойно, не пугая собаку. А еще – и это главное – тут было тепло. Тут была одуряющая теплота, она притупляла чувства и отнимала бдительность, наплывая мягкой волной, которая уносит к забвению и смерти.

Только смутно понимала Лесси, что возле ее морды поставили блюдце с теплым молоком. Чувства, наполовину затуманенные, еще не вполне вернулись к ней. Она попробовала поднять голову, но голова отказывалась двинуться.

Тогда она почувствовала, что ей приподняли голову. Стали по ложечке вливать ей в горло теплое молоко. Она глотнула – раз... и другой... и третий. Согревающая щекотка вошла внутрь тела – вошла и завершила усыпление чувств. Лесси лежала не двигаясь, и молоко, вливаемое в ее рот, стало струйкой вытекать на ковер.

Женщина поднялась. Она теперь стояла рядом с мужем посреди комнаты.

– Как ты думаешь, она не умирает, Дан? Она перестала глотать.

– Не знаю, Далли. Может, и доживет до утра. Мы сделали все, что могли. Сделали правильно, а дальше будь что будет.

Женщина не сводила глаз с собаки.

– Дан, я, пожалуй, посижу с ней эту ночь.

– Брось, Далли. Ты сделала все, что могла, и теперь...

– Но ей может понадобиться помощь, и потом... она такая красавица, Дан!

– Красавица – этот урод? Бездомная дворняга?...

– Ах, Дан, я никогда в жизни не видала собаки красивей!

Старая женщина уселась в качалку, твердо решив провести ночь без сна.

Неделей позже миссис Фадден сидела в своей качалке. Утреннее солнце лилось в окно, и воспоминание о ночной непогоде казалось давним сном. Женщина глядела поверх очков и улыбалась Лесси, а та, наострив уши, лежала на ковре.

– Да, идет хозяин, – сказала она вслух. – И ты это знаешь, да?

Донеслись шаги мужа, потом открылась дверь.

– Смотри, Дан, она уже узнает твои шаги, – гордо сказала женщина.

– Ну да! – сказал он недоверчиво.

– Узнает! – повторила Далли. – Вчера, когда пришел разносчик, она разлаялась на весь дом. Уверяю тебя, это она давала ему знать, что дома кто-то есть, пока ты в городе! А когда она слышит, что идешь ты, она и не тявкнет – значит, узнает твои шаги.

– Ну да! – ответил все так же муж.

– Она у нас молодец, она у нас красивая, – сказала женщина больше собаке, чем мужу. – Ну разве же не красивая, Дан?

– Да, что верно, то верно.

– А ты сперва сказал, что она урод.

– Да, так то же было прежде...

– Видишь, я только взяла старую гребенку и расчесала ей шерсть.

Они оба смотрели на Лесси, а та лежала, держа голову прямо, в той львиной позе, какую так любят принимать породистые колли. Ее узкая морда грациозно поднималась над пышными «брыжами», которые снова начали отливать сверкающей белизной.

– Ведь правда у нее сейчас совсем другой вид? – гордо спросила женщина.

– Что верно, то верно, Далли, – ответил печально муж.

Женщина уловила в тоне его голоса опасение чего-то недоброго.

– В чем дело?...

– Эх, Далли! Понимаешь, то-то и оно. Я сперва принял ее за простую дворняжку. А сейчас... сейчас видно, что это отличная собака.

– Конечно же, отличная собака! – сказала старушка, и в голосе ее было счастье. – Ей только и нужно было немножко тепла, немножко еды да чтобы кто-нибудь был с ней добрым.

Муж мотнул головой как будто в досаде, что жена не догадывается, к чему он клонит.

– Ах, да как же ты не понимаешь, Далли! Собака отличная, и теперь, когда она пообчистилась и немного отъелась, видно, что она очень дорогая. Ну, и...

– Ну и что?

– У дорогой собаки должны оказаться где-нибудь хозяева.

– Хозяева? Какие же это хозяева, если они пустили беднягу бродяжить, и она у них так отошала, и они оставляют ее околевать с голоду в самую непогоду – как в ту ночь, когда мы ее подобрали. Нечего сказать, хозяева!

Муж покачал головой и тяжело опустил в кресло. Он набил свою глиняную трубку.

– Нет, Далли, так нельзя. Собака дорогая, теперь я и сам это вижу. Ты привяжешься к ней, полюбишь, а в один прекрасный день явится хозяин и...

Жена сидела, встревоженная этой новой и страшной мыслью. Как же так... ее прекрасная собака... *ее* собака!

Она уставилась в огонь, потом долго глядела на Лесси. И наконец заговорила:

– Хорошо. Если ее рано или поздно должны у нас забрать, Дан, то уж пусть это будет пораньше. Ох, если и вправду есть у ней хозяин!.. Ты, Дан, разузнай, хорошо? Походи вокруг, порасспроси.

Муж кивнул в знак согласия.

– Так будет честнее, – сказал он. – Завтра я пойду в город и расспрошу по округе.

– Нет, Дан, сегодня. Ступай сейчас же. У меня не будет ни минуты покоя, я и спать не смогу, пока не узнаю наверное. Ступай сегодня же, расспроси по всей округе, и тогда, если нужно будет, чтоб она от нас ушла, она уйдет. А если она ничья, тогда – мы исполнили свой долг и можем ни о чем не тревожиться.

Мужчина попыхивал трубкой, но женщина не давала ему покоя, пока он не согласился пойти в тот же день.

В полдень он вышел из дому и медленно зашагал по шоссе к городу, что лежал в четырех милях от них. Весь день женщина качалась в своей качалке. Время от времени она вставала, подходила к дверям и смотрела на дорогу.

День был долгий. Томительно тянулась для старушки каждая минута. Уже смеркалось, когда она наконец услышала шаги. Чуть ли не прежде, чем открылась дверь, она начала:

– Ну как?

– Я расспрашивал повсюду, во всех местах – и никто как будто ее не потерял.

– Тогда она наша!

Женщина просияла от радости и посмотрела на гордую собаку, все еще худую, с запавшими боками, но представлявшуюся ей совершенством собачьего рода.

– Наша! – повторила она. – Мы им дали полную возможность получить ее обратно. Теперь она наша.

– Понятно, Далли. Но они еще могут пройти ненароком мимо и увидеть ее, так что ты...

– Собака наша, – твердо повторила женщина.

Она решила про себя, что никакой хозяин, если он здесь пройдет, собаки не увидит. Уж она о том позаботится. Собака будет всегда при ней, в их домике. Она не даст ей бегать кругом на свободе, чтобы этот страшный неведомый хозяин мог увидеть ее, когда пройдет здесь ненароком.

Глава восемнадцатая СВОБОДА – САМЫЙ ЩЕДРЫЙ ДАР!

Лесси лежала на ковре. За три недели, что она прожила в своем новом доме, силы ее восстанавливались. Ее чувствам вернулась нормальная их острота, мускулы стали почти такими же крепкими, как были когда-то.

Вернулось и кое-что другое. Когда она была больной и слабой, это как бы забылось. Но теперь, когда здоровье окрепло, крепло с каждым днем и это – настойчивое и требовательное.

Побудительная сила, владевшая ею всю жизнь, проснулась и не давала покоя.

После полудня беспокойство всегда усиливалось. Когда же стрелки часов подвигались к четырем, оно становилось бешеным.

В ней тогда заговаривало чувство времени.

Время... время идти... время идти за мальчиком!

Лесси вставала и подходила к двери. Она скулила и поднимала голову.

– Ну чего тебе еще, моя ласонька?

Это говорила седая маленькая женщина.

– Я же выводила тебя на поводке – мы отлично с тобой погуляли. Тебе вовсе не нужно опять во двор. Сюда! На место! Лежать!

Но Лесси не слушалась. Она тыкалась мордой в дверь. Она подходила к окошку и стояла на задних лапах. Опять опускалась на все четыре и бежала обратно к двери. Потом, точно зверь в клетке, принималась шагать взад и вперед. Шагала без конца: подойдет к двери, повернет, дойдет до окна – повернет. И шагала так, стуча лапами в плиты пола. Лязг когтей о плиты шел так же ритмично, как лязг вязальных спиц в руках миссис Фадден.

Через час Лесси прекращала свое расхаживание. Она медленно подходила к очагу и ложилась на ковер. Время миновало. Она лежала и глядела на огонь немигающими глазами.

Животные подвластны привычке, но могут выработаться у них и новые привычки. Могло бы сложиться и так, что Лесси позабыла бы старое и прижилась в новом доме. Старики, муж и жена, обходились с ней по-хорошему, со всей любовью простых и добрых людей, и она их слушалась и подходила к ним на зов и давала им погладить себя, приласкать.

Но она это разрешала со сдержанностью собаки, которая признает только одного хозяина, а этот хозяин в отсутствии.

Потому что Лесси ничего не забыла. Напротив, с возвращением здоровья она вспоминала живей и живей; и все дольше, все беспокойней изо дня в день, едва закатится, она расхаживала так между дверью и окном.

Старики, конечно, заметили это. Далли очень дорожила новым предметом привязанности, вдруг вошедшим в ее жизнь, и жадно наблюдала за каждым движением Лесси, за всем, что с нею делалось. И это каждодневное хождение, словно на часах – от дверей к окну, от окна к дверям, – не могло ускользнуть от ее внимания.

Женщина надеялась, чуть ли не мечтала, что собака забудет внешний мир и научится довольствоваться их уютным и скромным мирком – с домиком при дороге, с курятником и раскормленным гусем. Но в конце концов она поняла, что толку не будет, потому что Лесси последние дни стала отказываться от пищи. И тогда старушка все себе уяснила.

Однажды вечером она долго сидела молча и наконец среди полной тишины заговорила:

– Дан!

– Ну, что такое?

– Ей здесь не будет счастья.

– Счастья? Кому это «ей»? О ком ты?

– Ты знаешь, о ком. О Миледи. Ей здесь нехорошо. Она беспокоится.

– Ох, что за вздор! Ты думаешь о собаке больше, чем она того стоит. Она чуть поморщится, и ты уже тревожишься, что у нее корь, или чумка, или... уж не знаю, что еще!

Женщина перевела глаза на Миледи, как они окрестили Лесси. Покачала головой:

– Нет. Я тебе не говорила, Дан, но последние три дня она не ест.

Мужчина сдвинул очки на лоб и внимательно поглядел на собаку. Потом остановил взгляд на жене.

– Да нет же, Далли, нет. Все в порядке. Ты так ее закармливаешь – неудивительно будет, если она станет воротить нос от такого обеда, каким не побрезговал бы сам король. Вот и все.

– Нет, вовсе это, Дан, не вздор. И ты сам это знаешь. А то почему ты всегда крепко держишь ее на поводке, когда выводишь на ночь погулять?

– Ну, да просто так, на всякий случай – пока она еще не совсем привыкла к дому. Если дать ей свободу, она может потеряться, а места ей незнакомые, она не найдет обратной дороги, и тогда...

– Брось, к чему эти сказки, Дан! Ты знаешь не хуже меня, что, если бы дать ей свободу, она бы ушла и оставила нас и никогда бы не вернулась.

Муж не ответил. Жена продолжала:

– Ей у нас нехорошо, Дан. Ты не видишь того, что вижу я: как она каждый день с четырех часов начинает шагать от дверей к окну, от окна к дверям. Скоро проторит дорожку на полу!

– Ох, только и всего! Да собаки же всегда таким манером просятся на прогулку.

– Нет, Дан, не то. Я же пробовала. Я беру ее на поводок – и она в самом деле идет со мной мило и послушно. Но она это делает, Дан... ну, ты понимаешь, как.

– Как?

– Да так, как будто только из жалости к нам. Мы были к ней добры, и она не хочет нас обидеть и поэтому слушается нас. Она, мне кажется, слишком вежлива, чтобы убежать, пока мы сами не велим ей уйти...

– Еще что! Такого в собаке не бывает – такого человеческого...

– А в Миледи есть, Дан. Ты ее не знаешь. Слушай, Дан!

– Ну что?

Старушка понизила голос:

– Видишь ли, я свою собаку понимаю. Я кое-что знаю о ней.

– Эх, женщина! Вечно ты заберешь себе в голову какую-нибудь фантазию!

– Нет, правда, Дан. Я знаю – мы с Миледи обе это знаем. Она шла своим путем, Дан, и она устала в пути и остановилась тут на время – ну, как если бы тут у нас была больница... или придорожная гостиница из старинной повести.

А теперь, когда она поправилась, она хочет дальше в свой путь. Она воспитанная и деликатная – она не хочет нас обидеть. Но в душе она рвется уйти. Она не может быть счастлива.

Старик не отвечал. Подставив ладонь, он выколачивал из трубки пепел и пристально глядел на собаку. Наконец он заговорил.

– Нет, – сказал он. – Все в порядке, Далли. Все в порядке.

Есть люди, чьи сердца так полны мерзкого страха, что они, когда увидят страдающего от жажды пса с подтеками слюны на пересохших губах, бегут со всех ног и в ужасе вопят: «Бешеная собака!» Есть и такие, для которых каждая тварь, проходящая мимо, – это враг и его нельзя остав-

лять в покое, надо кидать в него камнями. Но, к счастью для собачьего рода, есть и другие люди, любящие и понимающие собачью душу, и они вносят достоинство и честь в отношения между человеком и собакой.

К ним принадлежали и те старые муж с женой. На следующий день, в дополуденный час, они сидели вдвоем и поглядывали на собаку. Когда время подошло к четырем и Лесси поднялась, они стали следить глазами за каждым ее движением.

И когда Лесси заскулила у дверей, а потом зашагала к окну, они оба вздохнули.

– Хорошо, – сказал старик.

И больше ничего. Они встали. Женщина открыла дверь. Бок о бок старик и его жена вышли вслед за Лесси и проводили ее до дороги.

Здесь собака постояла с полминуты, как будто ей не верилось, что наконец она может последовать своему неотступному стремлению. Она оглянулась на женщину, чьи руки ласково похлопывали ее, и поглаживали, и кормили.

Был миг, когда старушка хотела уже окликнуть собаку... снова позвать ее к себе... сделать попытку отлучить ее мысли от памяти о прошлом. Но она была слишком честна. Она подняла голову, и старческий голос ясно проговорил:

– Ну так, собака, хорошо. Раз тебе надо идти... так уж иди вперед своим путем.

В этой фразе Лесси разобрала слово «вперед». Это ей и нужно было. Она обернулась, еще раз поглядела прощальным взглядом и пустилась – не вверх по дороге, на восток, и не вниз по дороге, на запад, а напрямик в поля. Она снова шла на юг.

Шла трусцой – той самой трусцой, которая честно пронесла ее через всю Горную страну. Тем не быстрым и не медленным, но неизменным ходом, который пожирает мили, которым можно бежать и бежать час за часом. Так пересекла она ближнее поле, перемахнула через изгородь, побежала вниз по откосу.

Позади, на дороге, стояла, вскинув подбородок, старенькая женщина. Подбородок ее был неподвижен. Она махала рукой и говорила:

– Прощай, Миледи! Прощай!.. Доброй тебе удачи.

Собака давно уже скрылась из виду, а старики все стояли на дороге. Муж обнял жену за плечи.

– Похолодало, Далли, – сказал он. – Пойдем-ка домой.

Они вернулись к себе, и жизнь пошла своим чередом. Женщина приготовила незатейливый ужин. Зажгла лампу. Сели вдвоем за стол.

Но ни он, ни она не ели.

Наконец муж поглядел на нее и сказал проникновенно:

– Я на ночь поставлю лампу на окошко, Далли. На случай, если Миледи... кто знает, может, она просто убежала в далекую прогулку. Так чтобы ей, если она захочет, легче было найти обратную дорогу...

Он знал, что собака никогда не прибежит обратно, но он подумал, что жене станет легче на душе, если он скажет ей так. Но он смолк на полуслове, когда поднял глаза и увидел, что жена опустила голову и по щекам ее катятся слезы. Он вскочил.

– Ну что ты, Далли! – сказал он. – Ну что ты!

Он обнял ее и, утешая, погладил по плечу:

– Не огорчайся, Далли. Слушай, что я тебе скажу. У меня отложено несколько шиллингов, и я еще соберу десяток-другой яиц и продам, а потом пойду на рынок, и я там знаю место, где продают собак. Я тебе куплю взамен другую. А? Чудную маленькую собачку, щенка, который останется с тобой и не захочет убежать... А Миледи была слишком большая, да... Большие собаки – им, как-никак, надо много есть... Ну, а... славный маленький щенок, он...

Старая женщина подняла глаза. Ей хотелось выкрикнуть слова, какие всегда говорит собачник, потеряв свою любимицу: «Мне не надо другой собаки!» Но, встретив взгляд мужа, она так и не выговорила этих слов.

– Да, кормить ее стоило не дешево, Дан.

– Конечно. А если взять щенка... или, может быть, котенка... это почти что ничего не будет

стоять...

– Верно, Дан, лучше котенка! Достал бы ты мне совсем маленького, славного котенка.

– Да... Он потом будет лежать, свернувшись, на печи и останется при тебе. Верно! Я достану тебе чудного котенка – такого, что лучше и желать нельзя. Хочешь?

Старая женщина подняла глаза.

– Ах, Даниел, ты такой добрый! – Она отерла слезы и улыбнулась.

– Да чего уж там. У нас все, должно быть, перепрелось... И чай совсем остынет, – сказал он.

– Ох, мне что-то не хочется есть, Дан.

– Ну, так выпей хоть чашку крепкого чая.

– Вот это да, – сказала она. – По чашке крепкого чая! Это нас обоих подбодрит.

– Да, конечно. А в субботу... я принесу тебе котенка, такого красивого, что ты в жизни не видала красивей. Хорошо?

Далли мужественно улыбнулась.

– Да, это будет очень хорошо, – сказала она.

Глава девятнадцатая ПОПУТЧИЦА РОУЛИ

Роули Палмер кончил бриться и отер свою старомодную прямую бритву.

Это был маленький человек с красным лицом, которое казалось как бы усаженным пуговицами. Глаза у него были похожи на пуговицы, обветренные губы были похожи на пуговицы, лоб и подбородок были в желваках и бородавках, тоже похожих на пуговицы.

Подобие переходило в реальную сущность на его одежде. На нем была шерстяная фуфайка, на которой везде, где только можно, красовались перламутровые пуговицы. Поверх фуфайки он носил странного вида плисовую куртку с кожаными рукавами, и на ней было без счета медных пуговиц, которые, когда разглядишь, оказывались не чем иным, как пуговицами, отслужившими службу на солдатских гимнастерках в королевской армии.

Лицо и фигура Роули Палмера были хорошо знакомы людям по всему северу Англии, так как был он разъездным горшечником. Он жил в крытой повозке, в которой вез весь свой товар, потихоньку разъезжая с ним по дорогам. Подъехав к деревне или городу, он вытаскивал крепкую дубинку и принимался колотить в самую свою большую глиняную миску – огромную посудину с желто-коричневой обливкой. Получался звук, подобный густому звону колокола.

При этом Роули заводил нараспев:

«Едет Палмер-молодец, разъездной купец. Он горшков привез большущий воз.
Деньги вынимай, по вкусу выбирай. Товар горшечный, дешевый и прочный!»

Он любил вот так торжественно въезжать в маленькие городки английского севера и крепко бить в глиняную миску. Он всегда гордо колотил по ней изо всех сил по двум причинам: чтобы возвестить о своем приезде и чтобы показать, как же прочны его изделия, если не раскалываются под такими крепкими ударами.

Раз в год он пускался в дорогу.

Когда запас начинал иссякать, Роули Палмер поворачивал и кружным путем ехал назад, в родную деревню, где его старший брат Марк изготавливал гончарный товар. Марк поднимет глаза и кивнет ему из-за гончарного круга в большом сарае, где он выделывал по старинке свою глиняную утварь. Роули наберет новый запас товара: всяческой посуды – от маленьких детских мисочек для каши вплоть до самых больших, фута на три в поперечнике, в каких хозяйки на Севере месят тесто на хлеб, а нередко в них же купают младенцев. Он нагрузит опять свой фургон желто-коричневой утварью, так и сияющей ярким глянцем, и снова в путь. «Ну, я покатил», – скажет он, отъезжая.

Марк поднимет глаза, кивнет – и опять за работу.

Роули снова пускался в путь – днем ехал, к вечеру отгонял свою сивую Бесс за обочину дороги, на какое-нибудь удобное место для стоянки.

Жилось ему счастливо, уютно. Ведь у Роули в фургоне был полный дом. Просто не верилось, что на таком маленьком пространстве можно было так хозяйственно устроиться именно благодаря тесноте. Зачастую в знак особой благосклонности к покупателям Роули показывал им свое жилое помещение. И тогда даже самые домовитые хозяйки, заглянув внутрь, принимались восторгаться царившей в фургоне безукоризненной чистотой.

Там было свое место для всего. Место, куда Роули клал бритву. Место для умывального таза. И маленькая жердочка для полотенца.

Утром Роули складывал койку, завтракал, убирал посуду. Потом запрягал Бесс, пристраивал торбу с овсом под кузовом и взбирался наконец на козлы.

– Но, Бесс! Трогай! – прикрикнет он.

Выбравшись на дорогу, Роули на ходу соскочит с повозки и зашагает рядом: Бесс и без его добавочного веса должна тащить немалую кладь. А он любит ходить пешком, когда погода не слишком плохая.

Сегодня как раз погода хорошая. Роули шагает в еще стелющемся по земле утреннем тумане и звонко распевает:

*Отец, могилу глубже вырой,
А на плите голубку вырежь,
Чтоб каждый знал: любовь тая,
Сошла в могилу дочь твоя.*

Песня печальная, но для Роули это безразлично. Он поет всегда без разбору, что придется. Просто в его одинокой жизни собственный голос только и может составить ему компанию от города до города. У него нет для компании никого, кроме Бесс, его лошадки, и Тутс. А Тутс – о, она человек, как выражается Роули. Сейчас она сидит на козлах – маленькая белая собачка, не то пудель, не то фокстерьер, или, может, шпиц, или скайтерьер; а вернее сказать – все вместе.

Тутс пользуется известностью чуть ли не наравне с самим Роули. Она умеет стоять на задних лапах на перевернутом горшке, раскачивая на носу другой, поменьше. Она умеет вскакивать на деревянный шар и, балансируя на нем, катить его вперед. Она умеет подбирать с земли монетки и подносить их Роули. Она умеет прыгать через обручи.

Всякий раз, как Роули приезжает в хорошую деревню, он там дает представление с Тутс – не ради денег, как какой-нибудь странствующий комедиант, – нет, просто потому, что его радуют смех и радость детей, собравшихся вокруг.

От города до города Тутс гордо сидит на козлах, как сидит она сейчас, глядя на дорогу, пока Роули рассказывает своей песней печальную повесть о несчастной деревенской девушке.

Он не думает о словах песни. Мысли его, как всегда, обращены к окружающему миру. Странствуя и живя всегда под открытым небом, Роули знает о своем мире очень много. Он знает, где гнездятся сороки и когда прилетают и отлетают ласточки. И ни один охотник не приметит так зорко проскользнувшее рыжее пятно – лисицу!

Так и в это утро его слух и зрение были насторожены. Он окинул глазами поле, и песня его оборвалась. Он на ходу вскочил на свою повозку, на ступеньку возле оглобель. Так он и ехал дальше, прижавшись всем телом к кузову. Ехал и наблюдал. Прямоком через поле бежала собака, неуклонно правя путь к дороге.

Она бежала, не останавливаясь, как будто повозка с лошастью представлялись ей единым созданием природы, как дерево или олень. Роули это понимал и старался держаться так, чтобы его не было видно. Он только пробормотал про себя:

– Эге, куда же это ты поспешаешь?

Собака все приближалась по неразгороженному дикому полю, пока не соскользнула на дорогу как раз к тому мгновению, когда мимо прокатилась повозка.

– Ну, и чего ж тебе надо? – сказал Роули вслух.

Собака поглядела и, перескочив через канаву, опять побежала полем.

– Что, тебе не по вкусу мое общество? – сказал Роули.

Он соскочил со ступеньки и опять пошел пешком, не спуская глаз с собаки. Теперь она бежала впереди, слева от него, но держась почти параллельно дороге. Путь преградила река. Собака стала опять приближаться к дороге, чтобы воспользоваться мостом.

Роули полез в фургон, а когда вышел из него, в руке у него было несколько кусочков печенки. Тутс наставила нос и завилыла своим ублюдочным хвостом.

– Это, доченька, не тебе, – сказал Роули.

Он не сводил глаз с той собаки. Она должна была выйти к мосту одновременно с фургоном.

– Хорошо, на этот раз мы сделаем вид, что не замечаем тебя, – сказал он вслух.

И запел во весь голос:

Бывало, старый мой отец мне говорил любя:
«Послушай, дочка, старика, поучит он тебя...»

Потом вдруг:

– Но-но, Бесс, сюда! Нет, не вправо – справа канава. Эгей, эгей, чуть левей! Вот так! И дальше:

Чем хочешь, только не умом твоя головушка полна,
На одно лишь и достало у тебя ума...

Распевая так и то погоняя, то придерживая лошадь, Роули вступил на мост в тот момент, когда выбежала к мосту и собака. Он шагал, распевая во весь голос и делая вид, будто не замечает ее. Собака остановилась, как бы давая ему проехать вперед. Роули не повернул головы. Зато он помахал в руке кусочками печенки, чтобы в воздухе разнесся ее запах. Он незаметно обронил кусочек. Потом проехал мост. Оглянулся вполоборота – посмотреть, как поведет себя собака.

Позади, у въезда на мост, Лесси медленно подошла к ломтику мяса. Вкусный запах, казалось, заполнял весь воздух. Голод подействовал на ее слюнные железы, рот ее наполнился влагой. Она подошла ближе. Она наклонила голову, приставив нос вплотную к мясу.

Но заговорила многолетняя выучка. Недаром Сэм Керраклаф приучал ее не подбирать с земли незнакомую еду. Он делал это, разбрасывая в разных местах кусочки съестного, а в съестное засунуты были зернышки жгучего красного перца. Еще щенком Лесси попробовала раз-другой съесть такой кусочек – и быстро сделала открытие, что они таят в себе что-то похожее на живые шарики огня. Мало того: у нее, бывало, горит во рту, а голос хозяина еще ругает ее.

«Оно, конечно, жестоко проделывать такой фокус, – объяснял Сэм Керраклаф своему сыну Джо, – но я не знаю другого способа научить их разуму. И уж по мне лучше пусть щенок попробует жгучего перца, чем чтобы взрослая собака околела от отравленного мяса, которое ей бросит какой-нибудь злой дурак».

И в Лесси засел этот урок.

Собака не должна есть с земли куски приبلудной еды!

И вот голод, как он ни был силен, отступил перед выучкой. У собаки задрожали ноздри. Она понюхала кусок печенки. Потом сразу вдруг отвернулась. Оставив пищу нетронутой, она перебежала мост.

Впереди Роули Палмер, шагая рядом со своим фургоном, закивал головой.

– Хороший пес, воспитанный, – сказал он. – Тем оно лучше для тебя, моя собачка. Но мы еще посмотрим...

Он снова запел, однако не переставал помахивать ломтями печенки, так что они оставляли за собою в воздухе то, что было для собаки сильной, широкой, богатой волной восхитительного аромата.

И теперь Лесси продолжала путешествие в этом запахе желанной пищи. Когда она миновала мост, внутренний импульс толкал ее покинуть дорогу и двинуться полями. Но она не желала покинуть след этой вкусно пахнущей пищи. Она пробежала немного вперед, перескочила через канаву и продолжала свой путь, труся по параллели, чуть позади фургона.

Роули Палмер весело пел восседавшей на козлах Тутс:

Пес хотя и осторожен,
Скоро страх отбросит:
Сам к повозке подбежит,
Косточку попросит!

– Ну как, Тутс, хороший стишок? Э, ты у нас не прочь завести товарища. Посмотрим, посмотрим!

Так Роули Палмер шел и шел своей дорогой. Иногда он, когда оглядывался, видел колли позади, в полях. Иногда она исчезала из виду и надолго пропадала. Но всегда возвращалась опять, привлеченная запахом мяса, неустанно следуя за этим запахом. И каждый раз, вернувшись, она подступала чуть поближе к повозке и человеку, который, казалось, не обращал на нее ни малейшего внимания.

Так тянулось все утро, пока их дорога шла плоской пустынной равниной. Когда солнце поднялось высоко, Роули Палмер съехал с дороги. И видит – собака остановилась позади него.

– Так, Тутс, пора перекусить.

Он быстро поставил маленькую жаровню и развел огонь. Он вскипятил воду, заварил чай. Он нарезал печенки и положил в мисочку для Тутс. Сел есть. И все время наблюдал за колли, подступавшей ближе и ближе. Скармливая кусочки своей собачонке, он делал это очень напоказ. Он видел, что колли, сидя уже не более как в десяти шагах от него, провожала глазами каждое движение его руки. Тутс раза два визгливо залаяла на нее, но Роули сразу успокоил свою любимицу.

Управившись наконец с завтраком, он встал.

– Ну, – сказал он, – ведь мы знаем разные штучки, правда, Тутс? Посмотрим, станете вы есть, сударыня, или нет.

Он достал из своих запасов плоскую миску. Наложил в нее до полна обрезков печенки. Преспокойно, точно исполняя нечто такое, что делал годами изо дня в день, он направился к колли и на полпути поставил миску на землю.

– Вот твой обед, – сказал он. – Ешь.

Он отошел к своей жаровне. Лесси проводила его взглядом; и, видя, что он не следит за ней, она рассталась наконец со своей сидячей позой, медленно встала и подошла к миске.

Собака не должна есть с земли что ни попало!

Но это совсем другое. Это не валяется на земле. Это положено в миску. Да. Это в миске. А когда человек поставит на землю миску или тарелку, это означает, что собака может есть без боязни. В пище тогда нет внутри живого огня.

Лесси тихонько склонила голову. Подняла передними зубами кусок мяса. Вскинув голову, сжевала его. Потом, в восторге, что наконец она снова ест, вгрызлась в еду. Она съела из миски все подчистую. Облизала миску. Потом села и уставилась на человека, как бы говоря:

«Что ж, это было неплохо на закуску перед обедом. А где же обед?»

Роули покачал головой и громко объявил:

– Ну нет! Если хочешь получить еще, ты пойдешь со мной. Я же сказал, что мы знаем всякую всячину насчет собак, правда, Тутс? Бросить прямо на землю – и ничего не выйдет! Кто-то слишком хорошо обучил тебя, друг мой колли! А поставить в миске – это наш первый секрет. Тут все выходит как надо. Отлично, мы встали – и в дорогу!

Он отобрал у Бесс ее торбу. Он опрокинул жаровню и тщательно затоптал огонь. Рачительно прибрал к месту каждую вещь. И все время краешком глаза поглядывал на колли. А та все сидит, будто ждет, не произойдет ли опять чудо с прекрасным обедом! И когда Роули Палмер наконец тронулся в путь и выехал опять на дорогу, он радостно замурлыкал. Потому что колли побежала вслед за ним; уже не полем побежала, а рядом с дорогой, немного позади фургона. То есть не так чтоб совсем уж рядом – чуть поодаль, но это неважно. Все придет своим чередом, Роули не сомневался. Он весело пел:

Возьмут меня и вздернут рано поутру,
И буду, буду я висеть, покуда не помру
Чуть свет меня с постели –
Эх, глаза бы не глядели! –
Поднимут и повесят, черт их подери!

День за днем Лесси все шла с Роули Палмером. Она бежала трусцой по дороге всегда в нескольких футах позади фургона с гончарным товаром. Роули пробовал приучить ее ездить качаясь под кузовом на задней рессоре, как ездили благовоспитанные далматские доги в дни фэзтонов и попон; но Лесси не желала ничего такого.

Ей не нравились шум и крики при въезде в каждую деревню; но она, казалось, мирилась с ними, зная, что они не могут длиться подолгу. Роули правил свой путь к югу, и она была довольна. Однажды на развилке дороги Роули повернул со своей повозкой на восток. Какое-то чувство подсказало ему, что в его семействе кое-кого не хватает. Он оглянулся. Лесси сидела на перекрестке.

Он пробовал звать ее, но каждый раз было одно и то же: она подбегала на несколько шагов, потом кружила на месте, шла назад и опять садилась.

Роули наконец махнул рукой. Залез на козлы, поворотил свою Бесс обратно и двинулся по другой ветке – на юг.

– Э, да чего там – мне что на Менлип ехать, что на Годси, – сказал он примирительно. Но потом добавил, обратившись к Тутс: – Теперь ты видишь, как жалок мужчина, когда против него столько женщин! Ты, да Бесс, да Ее Величество. На что он может рассчитывать, мужчина, если он один, а вас трое? Бесс хочет идти на север, потому что ее тянет домой. Ее Величество хочет идти на юг, потому что ей, конечно, положено проводить зиму на Ривьере. А ты – эх, ты пойдешь хоть куда, лишь бы со мной. Да, Тутс, ты одна любишь меня ради меня самого!

Собачка завияла хвостом, который не был ни прямым, ни закрученным, не был ни гладким, ни мохнатым.

Хорошая была это жизнь – разъезжать вот так по пустынным проселкам английского Севера, вдалеке от больших шоссе, где бешено мчатся и автобусы, и грузовики, и мотоциклы, которые Роули ненавидел от души. И Роули пел, оставляя позади милю за милей.

– Ну так, Ваше Величество. Вы разрешите нам, простому люду, заняться вульгарными делами?

Свои слова Роули обратил к собаке за фургоном. Она продолжала идти, не подавая виду, что слышит его.

– Я понимаю, Ваше Величество, – сказал Роули смиренно. – Это оскорбляет ваши царственные уши, если я говорю о таких вещах, как деньги, но мы, простые люди, должны чем-то жить, так что, если вы не против – только если вы не против, – мы с Тутс попробуем заработать немного денег.

Увлеченный взятой на себя ролью, Роули снял шапку и отвесил Лесси низкий поклон. Потом вернулся к своему фургону и достал самую большую миску и дубинку. Подъезжая к первому дому, он весело заколотил дубинкой в миску.

Звон, похожий на колокольный, огласил всю деревню.

Раздался голос Роули:

Горлачи да миски,
Я вез их не близко,
Выходи с деньгой,
Выбирай любой!
Миски, горшки
Прочны, хороши!

Женщины высыпали к дверям, и Роули здоровался с ними. Он остановил фургон на середине деревни и повел торговлю. Хозяйки перебирали товар и с шутками спорили о цене.

– Уж такие крепкие – бей, не разобьешь! – тянул нараспев Роули.

– А вот я разбила тот, что взяла у вас в прошлом году! – прокричала одна женщина.

– Правильно, мне так и надо, чтоб их иногда разбивали, – сказал Роули, и в его глазах заиграла искорка. – Если я стану их делать уж вовсе небьющимися вам никогда не нужно будет новых, и кем я тогда окажусь? Безработным!

Он подмигнул, а женщины кругом захихикали и, подталкивая друг дружку локтями, заговорили:

– Ох, и молодец же он, наш Палмер, разъездной горшечник!

– А теперь, – сказал Роули, кончив торговлю, – если хочет кто посмотреть, так собачка проделает несколько номеров!

Дети завизжали, захлопали в ладоши. Роули вытащил из фургона реквизит и начал устанавливать. Тутс живо соскочила с козел. Роули и сам захлопал в ладоши. Но ничего не произошло. Собачка сидела на задних лапках и ждала.

– Что такое? – сказал Роули. – Ты ждешь кого-то? А, понимаю. Ее Величество еще не изволила явиться, чтобы командовать представлением. Ага, вот она идет.

Лесси, старательно обученная Роули Палмером, величественно прошла перед толпой и села. Роули дал ей в награду маленький ломтик печенки.

– Ну, теперь, когда Ее Величество наконец среди нас, мы как будто можем начать, – балагурил Роули.

По взмаху его руки Тутс возбужденно залаяла и приступила к своим привычным проделкам. Она прыгала через обручи. Сообщала лаем, сколько ей лет. Недвижно ложилась по приказу «умри». Выбирала самую красивую девочку в толпе – по незаметной указке Роули. Потом закончила своим коронным номером – прошла на деревянном шаре, держа в зубах маленький национальный флаг.

– А колли будет что-нибудь делать? – крикнул кто-то в толпе детей.

– Что вы, как можно ждать, чтобы лицо королевской крови играло на сцене? – ответил Роули. – Но, кажется, она проводит сидячую забастовку.

С Тутс на руках Роули подошел к Лесси.

– Не хотите ли вы поработать? – спросил он.

Лесси и бровью не повела; она сидела на месте.

– Не хотите ли вы собрать вещи после спектакля примадонны?

Лесси все сидела на месте.

– Собери эти вещи! – приказал Роули грозным тоном.

Лесси не пошевелилась, и дети завизжали от счастья.

Роули почесал в затылке с напускным отчаянием. Вдруг его глаза засверкали. Он поднял палец, делая детям знак. Потом повернулся к Лесси:

– Не соизволит ли Ваше Величество в виде особой милости ко мне... не соизволите ли вы, если вам будет угодно, собрать эти вещи? Пожалуйста!

На этот раз он сделал знак рукой, потому что слова не играли в фокусе никакой роли, и Лесси гордо поднялась. Толкая шар своей узкой мордой, она подкатила его к фургону. Она один за другим взяла с земли обручи и сложила их стопкой у дверцы. Роули поклонился ей. Лесси присела, как бы в реверансе, вытянув вперед передние лапы, как делают собаки, потягиваясь со сна.

– Вот видите, – сказал Роули детям. – Никогда не забывайте добавить «пожалуйста», и вы большего добьетесь от других. Так, мы уезжаем. Не забывайте горшечника Палмера, разъездного купца. Я буду к вам через год. До свиданья.

Вся деревня махала руками на прощание, когда повозка отъезжала. Роули радостно распевал. Тутс со всем удобством свернулась клубком на козлах. Бесс тащилась по проселку ровным своим шагом. Лесси беззаботно трусила сзади. Она была довольна, что снова в дороге. Остановки в деревнях она не любила, и ей никогда по-настоящему не нравились представления, в которых она играла такую незначительную роль. В этом она не сходилась с Тутс, которая с восторгом показывала свои фокусы и, бывало, ждет не дождется, когда ей дадут проделать их еще раз. Тутс была прирожденной собакой-актрисой. А Лесси – та была другого склада.

Роули Палмер понимал это. Он смотрел на дремлющую Тутс:

– Да, отличная собака этот приبلудный пес, но никогда она не будет такой чудесницей, как ты, моя радость. Нет, не будет!

Тутс жеманно поежилась, что должно было заменить виляние хвостом.

Под вечер, когда управились с ужином, Роули снова готовился двинуться в дорогу всем своим караваном.

– Да, я знаю, вы не хотите, мадам, – обратился он к Бесс. – Но мы на этот раз дали изрядный крюк, так уж надо проехать за день сколько будет можно. Еще довольно светло.

Роули глянул ввысь. Луна в небе была ясная, но в воздухе ощущался бодрящий холодок.

– Как я понимаю, погода хочет испортиться. А там привалит зима, и придется нам поворачивать назад, до дому. Так что сейчас мы разведем пары и сделаем до ночи еще изрядный конец.

Он вывел фургон на проселок, и вскоре Бесс зацокала копытами по кремнистой дороге. Тутс крепко спала на козлах.

Счастливая, что снова в пути, Лесси бежала трусцой позади фургона.

Роули прикинул в уме. Четыре часа хорошей езды, и, глядишь, к половине десятого он будет на то удобное местечко для ночевки, близ Эпденского леса. К тому времени сильно похолодает. Вскипятит он себе на жаровне чашку чая, обогреется – да на боковую, а завтра встанет вместе с солнцем, и опять в дорогу!

Глава двадцатая ДОБЛЕСТНОЕ СЕРДЦЕ И РАЗЛУКА

Два человека шли по дороге, на которую деревья в лунном свете бросали черный мрак.

– Хорошо. Если тебе не нравится, Сниккерс, подыщи себе другую работу!

Говоривший был рослый, плотного сложения мужчина. Плечи его бугрились под молескиновым пиджачком. Кепка была нахлобучена на широкое лицо с тяжелой челюстью. Тот, к кому он обращался, был поменьше ростом и с худым лицом. Под кончиком его длинного носа висела прозрачная капля, казалось никогда не иссякавшая, сколько он ее ни втягивал.

– Мне с тобой просто мука, Сниккерс, вечно ты ворчишь! Взял я тебя в товарищи... в попутчики взял... живешь ты у меня на этом паршивом... как его... на лоне природы, а что я за это имею? Ты только и знаешь, что ворчать и ворчать. То ты устал; то ноги у тебя болят; то тебе холодно! Эх ты, парши...

– Эй, Баклс, погляди!

Большой прервал свою тираду и поглядел, куда указывал щуплый. Вдали сквозь мрак мерцал огонь. Баклс медленно отер рот тыльной стороной ладони. Поискал вокруг глазами. Над дорогой свешивалась толстая ветка. Он открыл складной нож и со злостью принялся стругать, обчищая по концам, сломленный сук. Наконец работа удовлетворила его. Он помахал своей дубинкой. Сниккерс, видел он, тоже срезал себе палку.

Не было сказано ни слова. Баклс только мотнул головой, и оба молча, крадучись, пошли по дороге. Пять минут спустя они лежали в придорожной заросли. Запах горящих сучьев шел им прямо в лицо.

– «Горшечник Палмер, разъездной торговец», – прочитал шепотом Сниккерс вывеску на кузове повозки. – Стало быть, паршивый странствующий купец.

– Купец? – повторил Баклс. – Значит, при нем... это самое!

– Вот именно, Баклс! Они возят все при себе.

– Так за дело!

Баклс встал и быстро двинулся вперед. Но не сделал он и десяти шагов, как ночную тишину разорвал призывный лай, тревожный и хриплый.

– У него собака, – смутился Сниккерс.

– А мне-то что? – сказал Баклс.

Он дерзко выступил на свет, потому что деревья кончились, и подошел к тому месту, где горел под таганом огонь.

– Придержи свою собаку, приятель. Не бойся. Мы ничего тебе не сделаем! – крикнул Баклс.

Когда он подошел к огню, Лесси залаяла пуще. Он замахнулся на нее дубинкой, но она отскочила вбок. Роули попробовал схватить ее, но она не далась и ему и стояла, рыча, на самом краю освещенного круга. В виде аккомпанемента прибавилось звонкое тьяканье Тутс.

– Смирно! – сказал Роули. – Обе вы – смирно! Молчать!

Лай перешел в глухое ворчание. Баклс осклабился. Он услышал, что Сниккерс уже стал за его спиной.

– Ты очень любезен, приятель, – продолжал Баклс, как он полагал, обезоруживающим, дружелюбным тоном. – Что тут у тебя – чай? Ну, как это мило! Не уделишь глоток-другой двум бездомным молодцам, ищущим работенки? Не худо бы погреться!

Он подошел, ухмыляясь.

Роули поднялся с колоды, на которой сидел. Мирные как будто слова Баклса не обманули его. Долгие годы разъезжая в одиночестве, он научился разбираться в людях и, если встречался с кем в пустынном месте, то сразу видел, добрый это человек или дурной.

– Ах, ты не хочешь! – взревел Баклс.

Он кинулся вперед и стал между Роули и повозкой, не давая владельцу подойти к ней. Все так же ухмыляясь, он покачивал в руке дубинкой. Всякое притворство было отброшено.

– Ну, где у тебя деньги? – сказал он ласково. – Если ты будешь пай-мальчиком и отдашь нам все без хлопот, мы тебя не тронем. Правда, Сниккерс?

– Да, мы его тогда не тронем.

– Понятное дело, не тронем. Но... ежели ты без хлопот не согласен, то тогда, к нашему большому сожалению, мы их тебе доставим. Ну же! Где там у тебя деньги?

– Что ж, я вам, пожалуй, дам... – начал Роули.

Не договорив, он вдруг проскочил к фургону. У него у самого оказалась в руке толстая палка. Он уперся спиной в борт кузова. Поплевал на ладони. Он больше не сказал ни слова, да и ни к чему были слова.

– Так по-хорошему ты не желаешь, нет? – прокричал Баклс. – Что ж, отлично!

Он набросился со своей дубинкой. Роули отбил удар и, размахнувшись в свой черед, сплеча хватил верзилу по костяшкам пальцев. Баклс завопил со злости.

– Эй, Сниккерс, сюда! – крикнул он. – Что ты стоишь! Заходи с другого боку, трус паршивый!

Они наскакивали вдвоем, а Роули, прислонившись к борту, старался как мог держать их за пределами полукруга, описываемого его палкой. Удары, однако, так и сыпались ему на голову и на плечи. Одному против двоих было нелегко.

В отчаянии он глянул на Лесси, которая лаяла за бивачным костром.

– Сюда! – позвал он. – Взять!

Лесси заметалась вокруг, потом вдруг устремила на большего из нападавших. Тот обернулся к хлестнул ее своей дубинкой. Удар пришелся ей между плечами и едва не свалил ее. На секунду драка приостановилась, и грабители повернулись к собаке. Они увидели, что она стоит и смотрит на них.

В Лесси боролись противоречивые импульсы. Но один взял верх над прочими.

Перед ней опять были люди, чьи руки тянулись делать зло, люди, готовые наносить раны и причинять боль. Их руки могут схватить и посадить в клетку. Это люди, которых надо избегать, как долгое время она делала это раньше. Собака должна ускользнуть и держаться так, чтоб они ее не видели.

В этот миг Баклс подступил к Лесси на полшага с занесенной дубиной в руке.

– Пр-рочь! – заорал он. – Пока я не дал тебе прибавки!

Лесси скользнула в сторону. Потом шмыгнула под кусты и побежала вверх по косогору в лес.

Баклс опять повернулся к Роули.

– Ну и собака! – загоготал он. – Видишь, приятель, даже твой лучший друг от тебя отступился. Ох и паршивая же собака! Ну, давай на мировую – поладим по-хорошему и прошлого поми-

нать не будем.

Роули, проводив Лесси взглядом до леса, снова перевел глаза на людей. Опять поплевал на ладони. Он сам себя подбадривал.

– Подойди и возьми, – сказал он упрямо.

Те двое подкрались ближе, боязливо замахиваясь на Роули. В круг света они вступили осторожно, потому что горшечник был не из хилых и, прижавшись спиной к повозке, мог легко оборонять от врага полукруг перед собою. А пока он сражался, ловко отводя удары крепкой своей дубинкой, маленькая Тутс сновала под ногами – преданная своему собачьему долгу, защищала хозяина.

Очень немного могла она сделать, эта маленькая собачонка, просто смешно было смотреть, как она мечется вокруг, звонко твякая и визжа, – маленький белый клубок энергии. Она сердито насканивала и сумела наконец вонзиться зубенками в щиколотку большему из нападающих.

В первую секунду неожиданности Баклс стряхнул с себя собаку, дав ей пинка.

– Ах ты, крыса паршивая! – сказал он.

Собачка набросилась снова, и Баклс, подняв свой здоровенный сук, стукнул со всей силы. Маленькое безжизненное тельце отлетело в кусты.

Увидав это, Роули с воплем бешеного гнева бросился вперед и в стремительном натиске отбросил противников. Он яростно размахивал палкой и дубинкой, и казалось, сейчас он их обоих погонит перед собой.

На несколько секунд они и впрямь отступили; но ярость Роули обернулась против него самого, так как теперь, не прикрываемый с тылу повозкой, он подвергся нападению сразу с двух сторон. Баклс под неистовой дубинкой Роули сумел опрокинуть оборону неприятеля, и сокрушительный удар по плечу поверг горшечника на колени. Пытаясь встать, Роули прикрывал голову дубинкой и согнутой в локте рукой. И тут он почувствовал удар с тылу. Обернувшись, он обхватил Сникерса и повис на нем. Он норовил, пока тот не прочухался, одним противником, как щитом, прикрыться от другого. Струйка теплой крови защекотала ему левый глаз, и он понял, что у него сильно рассечена голова.

Когда Лесси, спасаясь от палки Баклса, шмыгнула в кусты, она побежала прочь от огня и машинально повернула к югу.

Однако сейчас она не ощущала того мирного покоя, какой всегда охватывал ее, когда она могла совершать свой путь в желанном направлении. Что-то... что-то неправильно.

Она замедлила бег и оглянулась. Еле виден был сквозь деревья жар костра, а острый слух явно улавливал крики людей и визги Тутс. Этот пронзительный лай на высокой ноте призывал ее сильнее всего, потому что он означал тревогу – собачий крик ярости и негодования.

Лесси сделала круг и, скользнув в кусты, побежала обратно. Наконец она села на откосе. Визга Тутс уже не было слышно. Лесси только видела людей, раскачивающихся перед своими исполинскими тенями. Затем увидела, как Роули упал на землю.

Две противные силы боролись в Лесси: одна толкала сторониться людей, другая – защищать свой дом. Потому что повозка и бивачный костер были в каком-то смысле ее домом. И это второе стремление было в ней более давним – оно шло чуть ли не от предков. А страх перед человеком был чем-то сравнительно поздним, усвоенным за последние месяцы жизни. И более давнее одержало верх.

Никогда в жизни Лесси еще не доводилось нападать на человека, да и по своей породе она была не из свирепых собак. Но, когда убеждение окрепло и завладело ею, она уже не колебалась и повела себя без всякой осторожности. С густым, грозным лаем, идущим из груди, со вздыбленной на загривке шерстью неслась она вниз по косогору.

Люди у костра узнали о возвращении собаки, только когда ее косматая тень внезапно, как молния, перечертила круг света от костра. Собака пронеслась по воздуху, ударив Баклса в грудь. Сила первого неожиданного толчка сбила рослого мужчину с ног. Лесси не остановилась. Она вышла из светлого круга, сделала в кустах оборот и опять метнулась в круг, уже с другой стороны. Она пронеслась мимо Сникерса, которого Роули еще сжимал в объятиях, и на скаку цапнула его

зубами за голень.

Наскок был сильный и быстрый. Вонзившиеся клыки продрались сквозь живое тело, и Сниккерс взвыл от боли.

Лесси снова устремилась на Баклса.

– Ты, значит, воротилась! – буркнул он.

Уверенный, что она, как прежде, убежит, он замахнулся на нее. Но на этот раз Лесси увернулась от палки и проскочила мимо, на скаку разодрав ему икру ноги. Она пробежала дальше некоторое расстояние, завернула по кругу и наскочила опять. Свой маневр она повторяла еще и еще. Каждый раз, пересекая светлую площадку, она цапала врага, как делают колли в драке. Каждый раз, добежав до заросли кустов, она заворачивала и нападала вновь с другой стороны.

Поощряя ее возгласами, Роули с обновленной силой вступил в бой и принялся обрабатывать двух грабителей. Он их поколачивал, гоняя вокруг костра. И грабителям пришлось убедиться, что, куда бы они ни кидались, спасаясь от Роули, трехцветная собака всегда оказывалась тут как тут: выскочит из темноты, всякий раз с другой стороны, цапнет острыми своими зубами и пронесется мимо прежде, чем они успеют ударить ее.

Временами казалось, что собак было не иначе как две или три, потому что, куда бы ни поворачивались люди, всегда на них насккивала собака – всё с новой стороны.

Против такой тактики они были бессильны. И наконец, измотанные и побитые, они попытались отступить. Первым, бросив товарища, удалился с поля битвы Сниккерс. Он в страхе бежал от призрака, раздиравшего ему голени точно копьем. Бежал, с треском круша кусты в слепом страхе. А вскоре он услышал за собой новый треск. Это продирался сквозь кусты Баклс – слепо, без оглядки бежал, куда ноги несут, лишь бы прочь от врага, который разил без промаха, а сам не давал ударить себя в ответ.

Из темноты за спиной до Сниккерса доносилось грозное рычание. Потом он услышал голос разъездного горшечника.

– Сюда, сюда! Ко мне! Будет с него, оставь. Ему, что и говорить, досталось по заслугам, но я бы не хотел, чтобы ты его загрызла насмерть. Ко мне!

Сниккерс бежал и бежал. Теперь он был один, без товарища. Он отнюдь не желал встретиться с Баклсом, который непременно стал бы его обвинять, что он его бросил одного в час нужды, и еще того меньше хотел бы он встретиться снова с горшечником или его собакой.

Сниккерс решил, что всего быстрее путешествовать в одиночку. Он подался на запад. А там позади, у бивачного костра, Роули Палмер сидел возле маленького белого тельца. Лесси стояла на вытянутых вперед, несогнутых ногах и тыкала в тельце носом.

Роули долго так и сидел, не шевелясь, и в его мозгу теснились воспоминания о стольких днях, когда маленькая собачонка была его единственным товарищем.

Наконец он встал, подошел к фургону и достал лопату. Он начал рыть могилку.

... Лесси стояла на перекрестке под холодным проливным дождем. Она тявкнула раз и увидела, что фургон остановился. Человек позвал ее. Она зашаркала ногами, как в каком-то танце, но нисколько не приблизилась. Он наконец пошел назад.

– Ко мне! Подойдите же, Ваше Величество, – сказал он.

Она поняла первое слово и подошла к человеку, который сидел на корточках среди дорожной грязи. Он долго похлопывал ее и поглаживал.

Потом он встал.

– Так ты не пойдешь за мной? – спросил он.

Лесси подняла голову и задвигала ногою в танце, но и тут не последовала за ним.

– Что ж! – сказал он. – Может, так оно и лучше. Я бы с удовольствием поехал с тобою вперед, но товар на исходе, и я должен вернуться на зиму к Марку. К тому же – ты никогда не сживешься со мною так, как Тутс... а будешь все напоминать мне о ней. Хотя и ты по-своему хорошая собака.

Лесси уловила два последних слова и утвердительно завиляла хвостом.

– Э, ты много чего понимаешь, да? Ну, так прости меня – я сперва подумал, что ты трусиха, а вышло, что нет. У тебя своя какая-то забота, моя ласонька, и очень бы хотел я проникнуть в твои

мысли и узнать, в чем дело.

При слове «ласонька» колли затыкала. Горшечник покачал головой.

– Нет, очень жалко, а не получается. Ты-то немножко понимаешь человеческий язык, но человек не способен понимать твой. А ведь считается, что мы куда умнее всех!.. Эх, дружок, мы вместе прошли по дороге немалый путь... А теперь конец, да, конец! Я опять останусь один. Ни тебя... ни Тутс. Но я же всегда говорил: если человек не любит одиночества, то лучше пусть не берется за дело странствующего торговца. Это то, чего я всегда должен был ожидать... Но можно посмотреть и под другим углом. Мне иной раз думалось, что ты не столько шла со мной, как позволяла мне идти с тобой, покуда путь лежал нам в одну сторону. И вот ты теперь пойдешь сама, куда зовет тебя твое дело.

Этих слов Лесси уже не поняла. Она только знала, что голос человека, который ее кормил и приласкал, звучит тепло и дружелюбно. И она потерлась носом о его ладонь.

– Это ты прощаешься, да? – сказал он. – Что ж, пожелаю тебе удачи. Иди же вперед своей дорогой!

Лесси уловила слово «вперед».

Она шагом прошла до перекрестка и повернула в сторону. Тут она оглянулась. Человек махал ей рукой.

– Иди своим путем, доброй тебе удачи! – крикнул он вслед.

Он еще долго стоял и глядел, как колли убегает прочь своей ровной трусцой. Дневной холодный дождь хлестал в его смуглое обветренное лицо. Он медленно качал головой, как будто говорил самому себе, что никогда ему не разгадать этой загадки.

Собака вскоре скрылась из виду. Роули молча пошел к повозке. Он залез на козлы, щелкнул языком и погнал Бесс на восток. По другой дороге скакала Лесси, держа на юг. Хлестал дождь, вода бежала струями с ее шерсти; грязь плескала из-под ног.

Миновала неделя. Повозка Роули Палмера медленно катилась по дороге. Он теперь не пел, не шагал рядом со своим домом на колесах, потому что воздух был забит летучими белыми хлопьями.

Роули сидел впереди на козлах, застегнув на коленях на все пуговицы брезентовый фартук и склонив против ветра свое усаженное пуговицами лицо. В двух шагах впереди повисла чуть ли не твердая белая завеса, а прямо перед собой он видел облако пара, встававшее от боков Бесс, которая вдруг побежала из всех сил.

– Эге, оно и правильно, – рассуждал Роули вслух. – Ты знаешь, что мы почти что дома. Да я и сам хочу уже поскорей добраться; обратная поездка была прескверная. Все дождь, да слякоть, да снова дождь, а теперь вон и снег повалил. Я слишком замешкался в поездке – за то и терплю.

Роули ворчал и ворчал, но вдруг прервал свой односторонний разговор. Мысли его обратились к собаке, которая рассталась с ним на перекрестке.

– Мне-то что, – сказал он наконец, – я почти что дома. Ну а ты, дружок, что ты там ни ищешь, надеюсь, ты свое нашла. Мир да покой – или за чем еще ты пустилась в дорогу... Где бы ты ни была, я надеюсь, там тебе уютно, и сухо, и тепло... Иногда я жалею: уж лучше б я тогда запер тебя в фургоне и повез к себе домой; но в тот час у меня не лежало к этому сердце – не хотел я после Тутс заводить себе другую собаку. Может быть, со временем и заведу, только не сейчас. Она была такая верная, что верней не бывает... Но и ты, видать, верна чему-то своему. Так счастливого тебе пути, и я надеюсь, ты теперь так же близко к дому, как я... Видишь, Бесс, вот и Двенадцать Углов! Мы будем дома как раз вовремя, чтобы сесть с Марком чай пить.

Когда Бесс пошла еще резвей и фургон прикатил на зиму домой, Лесси все еще бежала и бежала, милою за милей, на юг.

Она теперь пересекала широкое кочковатое поле на возвышенности, где ветер мел без помехи. Сзади ее погоняла метель, мокрыми космами сдувая вперед шерсть на ее отошалых боках.

Было трудно подвигаться. Снег становился глубже, и от ее усталых мускулов требовалось все больше усилий, чтобы на каждом шагу вытаскивать из снега увязающие в нем ноги. Она пошатнулась и упала. Свернувшись в клубок, она принялась обкусывать ледышки, налипшие на

шерсть между когтями. Снова попробовала идти, но снег был слишком глубок. Тогда она стала нырять в нем, как лошадь, поднимаясь дыбком и прыгая вперед, но после недолгих попыток совсем выбилась из сил.

Она постояла, свесив голову; ей спирало дыхание, оно вырывалось из груди клубами белого пара. Потом подняла голову и заскулила; но снег не исчез. И снова она припустила вскачь, снова ныряла и пыталась прыгать сквозь сугробы. И опять остановилась, не в силах идти дальше.

Тогда, подняв голову, она издала протяжный вой – вой собаки заблудившейся, беспомощной, озябшей. Это был долгий и звонкий зов, пронесшийся по широкому полю, сквозь метущий снег туда, где опускалась темнота.

Снег заглушал все звуки. На мили вокруг не было никого на этой плоской, нелюдимой земле. Даже если бы кто и был на две-три сотни ярдов в стороне, вряд ли он мог бы услышать этот задущенный снегом зов.

Наконец Лесси опустилась на землю. Белый снежный простор мягко укрыл ее. Под этим белым одеялом она лежала, обессиленная, но в тепле.

Глава двадцать первая ПУТЕШЕСТВИЕ КОНЧИЛОСЬ

Сэм Керраклаф говорил правду, когда весной того года уверял своего сына Джо, что путь от Гринол-Бриджа в Йоркшире до поместья герцога Радлинга в Шотландии куда как далек. И оттуда сюда ровно столько же – те же четыреста миль.

Четыреста для человека, когда он едет прямо по шоссе или железной дороге. А для животного – сколько же это составит для животного, которое должно, наткнувшись на преграду, пускаться в обход, и блуждать, и плутать по тропкам и по стежкам, пока найдет дорогу! Для него это будет, пожалуй, вся тысяча – тысяча миль по незнакомой земле, где оно никогда не бывало раньше, где ничто не укажет ему пути, кроме инстинкта.

Да, тысяча миль горами и долами, взгорьями и болотами, жнивьями и тропками, через лощины и реки, ручьи и овражки; тысяча миль горных круч и песчаных склонов, снега и дождя, туманов и солнца; колючей проволоки и чертополоха, и шипов, и скал, и камней, дерущих ноги, – кто мог бы ждать, что собака их преодолеет?

А все-таки, пусть это было бы чудом, Джо в глубине своего сердца надеялся на это чудо, верил, что неожиданно, в один прекрасный день, каким-то чудесным путем здесь появится его собака; будет ждать его здесь, у школьных ворот. Каждый день, возвращаясь из школы, он поводил глазами на то место, где его всегда поджидала Лесси. И каждый день там никого не было, и Джо Керраклаф медленно брел домой, молча, угрюмо, как ходят люди его родного края.

Каждый раз, когда кончались уроки, Джо старательно сам себя подготавливал – уговаривал себя не разочаровываться, потому что там и не может быть собаки. Так за неделей неделю Джо приучал себя не верить в невозможное. Он так долго надеялся наперекор вероятности, что надежда стала отмирать.

Но, если может надежда умереть в человеке, в животном она умереть не может. Пока оно живет, в нем живет надежда и живет в нем вера. И вот, проходя в тот день школьным двором, Джо Керраклаф не поверил своим глазам. Он мотал головой и хлопал веками и тер глаза кулаками, думая, что это ему привиделось во сне. Одолевая последние ярды до школьных ворот, шла... его собака!

Он замер на месте, потому что страшно было видеть, как идет собака – она шла такою поступью, как будто вот-вот испустит дух. Ее голова и хвост свесились чуть что не до тротуара. Каждый шаг вперед, казалось, стоил особого усилия. Она не шла, а плелась. И все же собака двигалась вперед, шаг за шагом, и наконец повалилась на своем месте у ворот. И тихо лежала.

Тогда Джо сам себя разбудил. Даже если это сон, он должен что-то сделать. Надо пытаться и во сне.

Он пробежал через двор и упал на колени, а потом, когда его ладони коснулись меха, ощутили его, он уже знал, что это наяву. Его собака пришла встретить его у ворот!

Но что это была за собака! Не та призовая колли с чудесной трехцветной лоснящейся шерстью, с ушами, весело стоящими над гордой узкой мордой в безукоризненной черной маске. Не та это была собака с живыми, ясными глазами, что, бывало, наскакивала на него и лаем выражала радостный привет. Это была собака, которая лежит на земле и через силу старается поднять голову, а голова отказывается подняться; старается пошевелить хвостом, ободранном, с засевшими в шерсти шипами и репьем, и одно только ей удается – повизгивать слабым, счастливым, плачущим визгом. Потому что она знает, что наконец-то страшный, погоняющий ее инстинкт умиротворен. Она на месте. Явилась на место встречи, как являлась всю свою жизнь, и ее гладят руки, так долго не гладившие ее.

Айен Копер стоял у биржи труда, ожидая вместе с другими безработными горняками того часа, когда положено пить чай и можно будет всем разойтись по домам.

Вы бы сразу различили Айена в толпе, потому что он был самым рослым среди множества рослых людей на Йоркширской земле. В самом деле, он так и слыл самым большим и сильным человеком на весь Западный Йоркшир. Большой, а к людям мягкий; и часто очень медлительный – медленно думал, медленно говорил.

Так и сейчас Айен на несколько секунд позже, чем другие, понял, что в поселке случилось что-то необыкновенное. Потом он тоже увидел это: по главной улице, то и дело сбиваясь на бег, идет мальчик, взволнованно что-то крича, и несет на руках большой куль.

Люди засуетились, подались вперед. Потом, когда мальчик подошел ближе, все расслышали его крик:

– Она вернулась! Вернулась!

Каждый переглянулся с соседом, присвистнул, потом взглянул в куль у мальчика на руках. Оказалось – правда: колли Сэма Керраклафа так-таки пришла домой из Шотландии.

– Надо быстро отнести ее домой! – говорил мальчик. Он шел шатаясь.

Айен Копер выступил из толпы.

– Вот что, – сказал он, – беги вперед, подготовь их там.

Он, точно младенца, принял колли на свои большие руки – на руки, которые могли бы нести тяжесть вдесятеро большую, чем эта жалкая, тощая собака.

– Ох, Айен, надо спешить! – кричал мальчик, приплясывая от волнения.

– Я и то спешу. Ступай, малец, вперед.

Джо Керраклаф промчался по улице, свернул в свой переулок, пробежал садовую дорожку и ворвался в дом:

– Мама! Оте-ец!

– Что там, мальчик?

Джо замолк. Он не мог выговорить ни слова – волнение, горячее, душащее, сжало ему горло. Наконец он выдавил из себя слова:

– Лесси! Она пришла домой! Лесси пришла домой!

Он открыл дверь, и Айен Копер, наклонив голову, чтобы не стукнуться о притолоку, пронес собаку к очагу и положил на ковер.

В тот вечер много было такого, что запомнилось Джо Керраклафу. Он никогда не мог забыть, с каким выражением лица его отец опустил на колени подле собаки, которая столько лет была *его* собакой, и обеими руками провел по ее исхудалому телу. Запомнилось мальчику, как его мать сновала по кухне, на этот раз не ворча и не бранясь, а молча и в каком-то грозном напряжении; и как она быстро мешала огонь кочергой и разводила в кипятке сгущенное молоко; как, присев на корточки, она подставила колено собаке под голову и раздвигала ей челюсти.

Родители ни слова ему не говорили. Они точно вовсе забыли о нем. Зато они оба трудились над собакой с сосредоточенностью, которая как будто замкнула их в обособленный мир.

Джо наблюдал, как отец вливал по ложечке теплую жидкость, видел, как жидкость струйкой выливалась обратно изо рта не глотавшей ее собаки и стекала на ковер. Он видел, как мать согрела одеяло и укутала им собаку. Видел, как они опять и опять пытались ее покормить. И увидел, как

отец наконец встал.

– Бесплезно, девочка моя, – сказал он матери.

Между отцом и матерью шел долгий разговор – вопросы и ответы без всяких слов, только глазами.

– Воспаление легких, – сказал наконец отец. – Сейчас она слишком слаба...

Родители немного постояли, потом именно мать вдруг чудесно оживилась, стала как будто сильнее.

– Я не сдамся! – сказала она. – Не сдамся, и все!

Она поджала губы и, как будто что-то этой гримасой уладив, подошла к камину и сняла с его доски кувшинчик. Она повернула его вверх дном и потрясла. На ладонь ей высыпалось несколько монеток. Она протянула их отцу, не объясняя для чего, да и не нужно было объяснять. Все же он устался на деньги.

– Иди, мой мальчик, – сказала она. – Я припасла их, так сказать, в виде страховки.

– Но как же мы...

– Не спорь! – сказала женщина.

Ее глаза замигали на сына, и Джо понял, что теперь она снова видит его – впервые за целый час. Отец посмотрел на него, на деньги в руке жены и наконец на собаку. Он вдруг взял деньги. Он надел кепку и быстро вышел в ночь. Когда он вернулся, в руках у него были покупки: яйца и маленькая бутылочка коньяка – дорогие, драгоценные предметы в этом доме.

Джо наблюдал, как яйца взбили с коньяком, как его отец снова и снова пытался влить собаке в рот хоть ложку. Потом мать обозлилась, зафыркала. Она сердито выхватила ложку. Она удобно положила голову собаки себе на колени, раздвинула челюсти, влила и стала гладить ей горло – гладила и гладила, пока собака наконец не проглотила.

– У-ух!

Это вырвался у отца протяжный, торжествующий возглас. А в волосах у матери играли золотые отсветы огня, когда она сидела там на корточках и поддерживала голову собаки и поглаживала ей горло, ласково и любовно курлыкая, чтоб ее успокоить.

А потом... Впоследствии Джо уже не мог ясно это вспомнить, он сохранил только смутное ощущение, как его несут и укладывают в постель в непривычно поздний темный час.

А утром, когда он встал, его отец дремал в своем кресле, а мать все еще сидела на ковре, и огонь в очаге еще жарко горел. Собака лежала запеленатая в одеяла.

– Она... мертвая? – спросил Джо.

Мать слабо улыбнулась.

– Шш-шш! – сказала она. – Она просто спит. Кажется, пора готовить завтрак... но я так вымоталась... Мне ничего и не хочется, разве что чашку горячего крепкого чая...

И в это утро – странное дело – отец сам накрывал на стол, кипятил воду, заваривал чай, резал хлеб. А мать сидела в качалке и ждала, когда все будет подано.

Вечером, когда Джо пришел домой из школы, Лесси лежала все там же, где он ее оставил, когда уходил в школу. Ему хотелось подсесть к ней и побаякать ее, но он знал, что собак, когда они больны, лучше всего оставлять в покое. Весь вечер он сидел и наблюдал за нею, а она лежала, вытянувшись, и только слабое дыхание показывало, что она жива. Он не хотел идти спать.

– Теперь она поправится, – сказала мать. – Иди спать, она теперь поправится.

– Ты уверена, что ей лучше, мама?

– Ты видишь сам. Ей же не стало хуже – ведь не стало?

– А ты уверена, что ей будет все лучше и лучше?

Женщина вздохнула:

– Ну конечно... уверена... Ложись и спи спокойно!

И Джо пошел спать, доверившись родителям.

Так было в тот день. Запомнились и другие дни. Был день, когда Джо вернулся и, едва он подошел к очагу, собака, лежавшая у огня, сделала легкое движение, которое должно было означать виляние хвостом.

И был еще день, когда мать Джо радостно вздохнула, потому что собака, когда она наливала

в ее миску молоко, заволновалась, поднялась и стояла, ожидая. А когда миску поставили на пол, она нагнула голову и стала лакать, подрагивая своими отощальными боками.

И наконец наступил день, когда Джо впервые понял, что его собака – даже и теперь! – не может быть по-прежнему *его* собакой. И опять дом огласился криком и протестами, и опять голос женщины звенел устало и пронзительно:

– Неужели никогда не будет в моем доме мира и покоя?

И еще долго после того, как Джо лег спать, он слышал несмолкавшие голоса – звонкий голос матери, то повышавшийся в тоне, то падавший, и голос отца, ровный, с монотонными повторами, не изменившийся ни разу, всегда сводивший речь к одной и той же фразе:

– Но даже если он и согласится продать ее обратно, где я наскребу монету, чтоб ее купить? Ну откуда вдруг возьмутся деньги? Ты знаешь, что нам их не достать.

... Для Сэма Керраклафа жизнь текла по строгим правилам. Когда может человек достать работу, он работает наилучшим образом и много получает за свою работу – столько, сколько сумел заработать. Если он вздумал воспитать собаку, он приложит все свое умение и воспитает самую хорошую. Если есть у него жена и дети, он о них заботится, как только может.

Мысль этого безработного шахтера не допускала никаких хитроумных исключений и оговорок касательно жизни и ее законов. Как большинство простых людей, он ясно видел все эти вещи. Если кто лжет, обманывает, ворует, то это неправильный человек, и, сколько вы его ни перекручивайте в ваших мыслях, он у вас не станет правильным. Так и получалось, что, если вставала перед ним какая-нибудь проблема, он частенько запросто расширял ее об элементарные истины.

«Честность – она и есть честность, а надвое тут не бывает», – говаривал он.

Такой оборот вошел у него в обычай. «Правда – она правда и есть!» Или «Воровство – оно и есть воровство».

Так и вопрос о Лесси уперся в это простое, прямое правило морали. Он, Сэм Керраклаф, продал собаку, взял за нее деньги и потратил их. Значит, собака больше ему не принадлежит, и как вы тут ни спорьте, изменить вы этого не можете.

Но и то сказать: человек живет семьей, а когда жена начинает спорить с мужем... то уж тут...

И вот, когда Джо в тот раз сошел наутро к завтраку и мать его, поджав губы, стала разливать по тарелкам овсяный кисель, отец кашлянул и заговорил так, как будто составил речь заранее и за ночь много раз повторял ее в уме:

– Джо, мальчик мой, мы на этот счет решили – то есть мы с матерью, – что Лесси может оставаться тут, пока не оправится совсем. Это будет правильно, потому что в глубине своего сердца я уверен, что никто не мог бы выхаживать ее лучше и с большей заботой, чем мы. Так что это будет честно. Но когда она оправится, то уж тогда... Значит, она побудет с тобой еще какой-то срок, и будь на том доволен. И не мучь ты нас, мальчик. И без того хватает хлопот. Так уж ты не мучь нас больше и не докучай нам – постарайся показать себя в этом деле мужчиной... И будь на том доволен.

Детям «еще какой-то срок» представляется в двояком виде. Поглядишь с одного конца – это большая, длинная полоса времени, уходящая в безграничную даль будущего. Поглядишь с другого – и увидишь страшно короткую вереницу дней, жестоко промелькнувших мимо, прежде чем пришло осуществление.

Для Джо Керраклафа «еще какой-то срок» получил свое второе значение в то утро, когда мальчик шел в школу и услышал чей-то сильный, гудящий голос. Обернувшись, он увидел автомобиль, а в нем грозного старика и девочку с буйными льняными волосами, рассыпающимися из-под берета. Выставив свирепые белые усы, похожие на преображенные клыки какого-то зверя, старик потрясал суковатой палкой на страх автомобилю, шоферу, всем на свете и кричал ему:

– Эй, эй, сюда! Ну-да, я к тебе, малыш! Черт вас возьми, Дженкинс, не можете вы остановить на минутку это вонючее сооружение? Уф! Здесь, Дженкинс. Уфф! Чего ради мы вдруг перестали пользоваться лошадьми, никогда в жизни не поймет ни один разумный человек! Страна идет к чертям, вот что я скажу! А ну, малыш! Поди-ка сюда!

В первое мгновение Джо хотел убежать, сделать что угодно, лишь бы не видеть всего того,

чего он так боялся: если оно произойдет не на глазах, то, может быть, каким-то чудом оно не вступит потом и в мысли... Но машина может идти быстрее, чем мальчик. И к тому же в нем текла кровь тех людей, которые, может быть, и тугодумы и, может быть, держатся старого образа мыслей и терпеливо переносят невзгоды, но которые не обращаются в бегство. Итак, он мужественно остановился на тротуаре; и, стараясь соблюсти приличные манеры, как его учила мать, он сказал:

– Я вас слушаю, сэр.

– Ты же... как тебя там... Ты мальчишка этого... как его бишь, да?

Глаза Джо остановились на девочке. На той самой девочке, которую он видел однажды – давным-давно, когда отводил Лесси к герцогу. Сейчас лицо у нее не горело румянцем, как у него самого. Оно было белое до голубизны. На руке, уцепившейся за борт машины, проступили голубые жилки. Рука была тоненькая с виду. Мама, подумалось ему, сказала бы про эту девочку, что она, видать, ничего не ест, подавай ей только пудинг с изюмом.

Девочка тоже смотрела на него. Что-то заставило его гордо подтянуться.

– Мой отец – Сэм Керраклаф, – сказал он твердо.

– Знаю, знаю! – нетерпеливо закричал старик. – Я никогда не забываю имен и фамилий. Никогда! Раньше я знал в поселке всех до последнего человека. А сейчас тут вас слишком много подросло, молодое поколение. И, ей же богу, они всей своей оравой не стоят одного человека старого закала. Новое поколение, оно...

Он запнулся, потому что девочка рядом с ним дернула его за рукав.

– Что такое? А? Ах, да. Я и сам как раз припомнил. Так где твой отец, мальчик? Он дома?

– Нет, сэр.

– Где ж он?

– Пошел в Оллербай, сэр.

– В Оллербай? Чего ему там надо?

– Один знакомый как будто поговорил о нем на шахте, и он пошел попытаться, не удастся ли наняться на работу.

– А, да-да, понятно. Когда он будет дома?

– Не знаю, сэр. Думаю, к чаю.

– Что ты там бормочешь? Значит, к чаю, не раньше. Черт возьми, это очень неудобно, очень! Хорошо, я подъеду около пяти. Скажи ему, чтоб он сидел дома, мне он нужен по важному делу. Скажи, чтоб он меня ждал.

Автомобиль укатил, и Джо заторопился в школу. Еще никогда не бывало такого долгого утра. Минуты в классе еле ползли, куда, жужжа и бубня, тянулись уроки.

У Джо было только одно желание – чтобы пробил полдень. И когда наконец миновали последние свинцовые мгновения, превратившиеся в годы, он понесся домой и ворвался в дверь. Крик был все тот же – к матери:

– Мама! Мама!

– Бог ты мой, не вышиби дверь! И закрой ее за собой – люди скажут, что ты рос в конюшне. В чем дело?

– Мама, он к нам придет забрать Лесси!

– Да кто?

– Герцог... он придет...

– Герцог? Откуда он знает, что она...

– Не знаю. Но он сегодня утром остановил меня. Он придет к чаю...

– Придет сюда, к нам? Ты уверен?

– Да, он сказал, что придет к чаю. Ох, мама, я тебя очень прошу...

– Оставь, Джо. Не заводи! Я же тебя предупредила!

– Мама, ты должна меня послушать. Ну прошу тебя, прошу!

– Ты слышал? Я сказала, что...

– Нет, мама. Прощу тебя, помоги мне. Ну прошу!

Женщина поглядела на сына и устало, сердито вздохнула. Потом в отчаянии вскинула руки:

– Эх, горе и только! Неужели в этом доме никогда не будет покоя? Никогда?

Она опустила в свое кресло и устала в пол. Мальчик подошел к ней и тронул ее за руку.

– Мама, сделай что-нибудь, – упрашивал мальчик. – Нельзя ли нам спрятать ее? Он будет здесь в пять. Он велел мне сказать отцу, что будет в пять. Ах, мама...

– Нет, Джо. Отец не согласится,...

– А не можешь ты уговорить его? Ну прошу тебя, прошу! Уговори отца не...

– Джо! – гневно крикнула мать. Потом ее голос стал опять спокойно-терпеливым. – Нет, Джо, это бесполезно. Так что брось докучать нам. Дело в том, что твой отец не станет лгать. Уж настолько я его знаю. Плохо ли ему, хорошо ли, лгать он не будет.

– Так ведь... один только разик, мама.

Женщина печально покачала головой. Она сидела у очага и вглядывалась в огонь, как будто ища в нем желанного покоя. Сын подошел к ней и погладил ее голую по локоть руку:

– Мама, ну прошу тебя. Уговори его. Один только разик. От одной маленькой лжи ему не будет вреда. Я сам все для него сделаю, да, да, все сделаю, право.

Слова теперь быстро сходили с его языка.

– Я все устрою, все сделаю для вас обоих. Когда я вырасту большой, я получу работу. Стану зарабатывать деньги. Я накоплю ему разных вещей... и тебе тоже накоплю вещей. Я куплю вам все, чего вы пожелаете, если только вы... ну прошу тебя, прошу!..

И тут в первый раз за все время своей беды Джо Керраклаф показал себя ребенком, вся его стойкость пропала, и слезы заглушили голос. Мать услышала его рыдания и ласково похлопала его по руке, но она на него не глядела. В колдовском огне она как будто вычитала тайную мудрость и медленно начала говорить.

– Ты так не должен, Джо, – сказала она, и первые эти слова прозвучали мягко. – Ты не должен так сильно желать. Тебе хочется, чтоб Лесси была с тобой, но ты слишком уж сильно этого хочешь. Так нельзя!

Вот тогда она почувствовала, что рука сына задрожала в нетерпении. Голос его зазвенел, высокий и чистый:

– Ты не понимаешь, мать. Ты не понимаешь. Это не я хочу оставить у нас Лесси: это она хочет к нам. Мы ей нужны – страшно нужны. Потому она и пришла, проделала весь этот путь. Мы ей нужны, страшно как нужны.

И вот тогда миссис Керраклаф наконец взглянула на сына. Она увидела его перекошенное лицо и слезы, откровенно катившиеся по щекам. И все же в эту минуту ребячливости он в то же время как будто сразу очень повзрослел. У миссис Керраклаф было такое чувство, точно время сделало скачок и она видит этого мальчика, своего родного сына, в первый раз после многих лет.

Она долго не сводила с него глаз, потом стиснула руки. Ее губы сжались в одну прямую черту.

Она встала.

– Иди же, Джо, поешь. А потом ступай в школу и не волнуйся. Я поговорю с отцом. – Она подняла голову, и голос ее звучал твердо. – Да, я с ним поговорю, все будет так, как надо. Я поговорю с мистером Сэмюелом Керраклафом. Поговорю непременно!

В пять часов пополудни герцог Радлинг, пыхтя и ворча самым злобным образом, вышел из своей машины, остановившейся у маленького домика. А за воротами стоял мальчик, стоял твердо, расставив ноги, как будто преграждал дорогу.

– Ну-ну, мальчик! Ты ему сказал?

– Иди ты прочь! – рьяно крикнул мальчик. – Иди ты прочь! Нет здесь твоей шавки!

Впервые в жизни герцог Радлинг отступил. Он в удивлении глядел на мальчика.

– Ну и ну! Присцилла! Разрази меня гром! – пропыхтел он. – Мальчишка спятил. Он... он просто спятил!

– Нету тут твоей шавки! Прочь отсюда! – твердо сказал мальчик. И в своей решимости, казалось, он заговорил с каким только мог резким местным акцентом.

– Что он говорит? – спросила Присцилла.

– Он говорит, что здесь нет моей собаки. Оглохла ты, Присцилла, разрази меня гром! Меня считают глухим, а я его отлично слышу. Скажи-ка, мальчик, это какой моей шавки тут нет?

Отвечая, герцог тоже заговорил с самым резким йоркширским акцентом, ибо держался обычая всегда так говорить, обращаясь к «простонародью», то есть к обитателям таких вот бревенчатых домиков, чем ввергал в глубокое прискорбие многих членов герцогской семьи.

– А ну, а ну-ка, мальчик, договаривай! Какой такой шавки тут нет?

С этими словами герцог яростно взмахнул палкой и двинулся вперед. Джо Керраклаф отступил на шаг перед страшным стариком, но все еще преграждал ему дорогу.

– Никакой твоей шавки! – крикнул он мужественно.

Но герцог продолжал надвигаться. С отчаянья Джо заговорил быстро-быстро, слова безудержно срывались с языка.

– У нас ее нет. Она не здесь. Здесь ее и быть не может. Никакая собака не могла бы этого сделать. Никакая собака не могла бы пройти столько миль, чтоб вернуться домой. Это не Лесси... это... это другая собака, только похожая на нее. Это не Лесси.

– Уфф, не отдышусь! – пропыхтел герцог. – Не отдышусь!.. Где твой отец, мальчик?

Джо угрюмо замотал головой. Но за его спиной открылась дверь и раздался голос матери:

– Если вы ищете Сэма Керраклафа, так он в сарае – заперся и сидит там чуть ли не с двух часов.

– Что тут наговорил этот мальчик, будто моя собака здесь, у вас?

– Нет, вы ошибаетесь, – твердо сказала женщина.

– Ошибаюсь? Я? – взревел герцог.

– Да. Он не говорил, что ваша шавка здесь. Он сказал, что ее тут нет.

– Разрази меня гром! – выругался герцог. – Не вывертывайте мои слова.

Глаза у него сузились, он сделал шаг вперед.

– Хорошо! Если он сказал, что моей собаки нет, не будете ли вы добры объяснить мне, какой именно из моих собак у вас тут нет. Ну-с, – закончил он с торжеством, – что скажете? Отвечайте!

Джо, не сводивший с матери глаз, видел, как она глотнула воздух и повела вокруг взором, как будто искала помощи. Она плотно сжала губы. Герцог стоял и ждал ответа, сердито поглядывая из-под косматых своих бровей. Затем миссис Керраклаф сделала глубокий вздох, собираясь заговорить. Но ее ответ, заключал ли он правду или ложь, так и не был произнесен. Потому что все услышали лязг натягиваемой за дверью цепочки, и голос Сэма Керраклафа отчетливо сказал:

– Даю слово, что это единственная собака, какая есть в нашем доме. Так вот, скажи мне, похожа она хоть на одну собаку, какую ты можешь назвать своей?

Джо раскрыл было рот для последнего крика протеста, но, когда его взгляд упал на собаку рядом с отцом, крик замер. Мальчик смотрел во все глаза.

Вот стоит его отец, Сэм Керраклаф, страстный любитель колли, а при нем, у ноги, – собака, подобную которой, верно, никто на свете не видал до сей поры и уж никак не пожелал бы увидеть впредь. Собака послушно сидела у левой его ноги, как могла бы сидеть какая-нибудь вполне благовоспитанная колли, как обычно сидела и Лесси. Но эта собака... ее и в мыслях-то смешно было поставить рядом с Лесси.

Если у Лесси был стройный аристократический склад головы, то у этой собаки голова была угловатая и неуклюжая. Если уши у Лесси грациозно стояли, как два близнеца, оба одинаково пригнутые вперед, то у этой собаки одно ухо было вывернуто и свисало, а другое, как у немецкой овчарки, стояло торчком – такие уши, что от одного их вида любого ценителя колли бросило бы в озноб!

Мало того. Там, где шерсть у Лесси отливала в изысканную чернь собольего меха, у этого неподобающего пса были безобразные черные пятна, точно от ваксы, а где у Лесси пенился широкой волной сверкающий белый фартук, там у этого пса висели какие-то землисто-бесцветные космы, не то сивые, не то белесые. Лесси имела четыре белые лапы, а у этого только одна была белая, две другие – грязно-бурые, а четвертая – почти что черная. У Лесси был пышный хвост, грациозно продолжавший плавную линию спины, а у этого пса хвост выглядел каким-то нелепым придатком.

И все-таки Джо Керраклаф, едва глянув на собаку при отце, сразу все сообразил. Мальчик

знал, что если иной искусник умеет так ловко «подменить» собаку, что плохие стати станут выглядеть у нее превосходными, то он может и наоборот – выставить превосходные стати дурными, особенно если этот человек – его отец, один из самых сведущих собачников на весь Западный Йоркшир.

В тот же миг он понял и смысл отцовских слов. Между собачниками, как между лошадиниками: сказанное слово связывает, как контракт, и если оно дано, ни один настоящий собачник даже не попробует взять его назад.

И вот, зная это, его отец надумал, как ему вывернуться, не поступившись честью. Он не солгал. Он ничего не отрицал. Он только спросил:

«Скажи, похож этот пес хоть на одну собаку, какую ты можешь назвать своей?»

И пусть только герцог скажет:

«Нет, это не моя собака», и кончено: она уже больше не его.

И вот мальчик, его мать и его отец уставились на старика и ждали, затаив дыхание, пока он продолжал разглядывать собаку.

Но и герцог Радлинг тоже кое-что знал – он много чего знал. И он не ответил сразу же. Вместо того он медленно вышел вперед, при каждом шаге со стуком опираясь на свою толстую палку. И ни на секунду не спускал глаз с собаки. Медленно, точно во сне, он стал на колени, и его рука сделала лишь одно осторожное движение. Она приподняла переднюю лапу собаки и чуть повернула ее. Так он стоял на коленях подле колли, всматриваясь глазами, такими же понимающими, как у любого йоркширца. И эти глаза не глядели попусту на закрученное ухо, на бесформенные пятна, на угловатую голову. Зато они пристально глядели на нижнюю сторону лапы, рассматривая пять ее черных подушечек, пересеченных вдоль и поперек полузажившими рубцами там, где их раздирали шипы, где их ранили камни.

Затем герцог поднял голову, но долго еще стоял на коленях и смотрел в пространство, пока те все ждали. Когда он встал наконец, он начал, уже не прибегая к йоркширскому говору, а так, как мог бы обратиться джентльмен к джентльмену.

– Сэм Керраклаф, – сказал он, – эта собака не моя. Скажу от души и по чести, она никогда не была моей. Нет! Ни одной секунды она не была моей!

Он повернулся и зашагал назад по дорожке, притопывая своею палкой и бормоча:

– Клянусь душой! Я бы нипочем не поверил! Клянусь душой! Четыреста миль! Нипочем бы я не поверил.

Когда он дошел до калитки, внучка дернула его за рукав.

– А зачем мы сюда приехали? – шепнула она. – Вы помните?

Герцог как будто очнулся от сна и сразу пришел в себя – стал таким, каким был исстари.

– Не шепчи! Что такое? А, да, конечно. Тебе незачем мне напоминать, я не забыл!

Он обернулся и закричал громовым голосом:

– Керраклаф! Керраклаф! Где вы там, разрази меня гром! Куда это вы спрятались?

– Я еще здесь, сэр.

– А, да. Да. Конечно. Вы работаете?

– Да, сейчас... работаю, – сказал отец Джо. Лучшего ответа он не нашел.

– Так вы работаете... н-да, работаете. Ну, а место? Есть у вас место? – запыхтел герцог.

– Дело так обстоит... – начал Керраклаф.

Пока он нащупывал нужные слова, миссис Керраклаф пришла ему на помощь, как поступила бы каждая хорошая хозяйка в Йоркшире – да и чуть ли не в каждом уголке на белом свете.

– Мой Сэм, собственно, еще не работает, но у него в виду три-четыре места. Он пока что, так сказать, присматривается. Но... еще ни тут, ни там никому не сказал окончательно ни «да», ни «нет».

– Тогда пусть он лучше скажет «нет», да поскорей! – рявкнул герцог. – Мне нужен кто-нибудь на мою псарню. И я думаю, Керраклаф... – Он перевел глаза на собаку, все еще сидевшую у пяты этого человека. – Я думаю, вы кое-что – и даже очень много – смыслите в собаках. Так что так. Заметано.

– Нет, погодите, – сказал Керраклаф. – Видите ли, мне бы не хотелось думать, что вот я

навлек на парня неприятность, а потом занял его место. Понимаете, мистер Хайнз ничего не мог поделать...

– Хайнз! – фыркнул герцог. – Хайнз?! Совершенный остолоп. Мне пришлось выгнать его вшаей. Он не отличал собаку от куцей кобылы. Мне бы следовало знать заранее, что ни один лондонец никогда не сможет так управляться с собаками, чтобы йоркширцу это пришлось по нраву. Нет, на этой работе мне нужны вы, и никто другой. Все!

– Нет, это не все, – вмешалась миссис Керраклаф.

– Что еще?

– А то, что какая будет на этой должности плата?

Герцог выпятил губы:

– Сколько вы хотите, Керраклаф?

– Семь фунтов в неделю, и ни пенни меньше, – выпалила миссис Керраклаф, прежде чем ее супруг успел хотя бы дух перевести перед ответом.

Но герцог был тоже йоркширец, а это значит, что он сам себя презирал бы, если бы упустил случай показать свою, что называется, «практичность» там, где дело идет о деньгах.

– Пять, – рявкнул он. – И ни пенни больше.

– Шесть фунтов десять шиллингов, – спустила цену миссис Керраклаф.

– Шесть ровно, – осторожно предложил герцог.

– Сговорились! – сказала миссис Керраклаф так быстро, как сокол падает на добычу.

Оба сияли, довольные собой. Миссис Керраклаф с радостью согласилась бы на любое место для мужа, хотя бы на три фунта в неделю, а герцог видел, что получает к своим собакам человека, которому нет цены.

– Итак, вопрос улажен, – сказал герцог.

– Почти что, – сказала женщина. – Я, конечно, имею такие виды... – Она любила смаковать изящные, как ей казалось, обороты речи, а потому она повторила: –... Я имею такие виды, что нам еще отведут домик в имении.

– Вы изрядно дорожите, сударыня, – сказал, нахмурившись, герцог. – Но домик вы получите... на одном условии. – Он повысил голос и прорычал: – На том условии, что, пока вы живете на моей земле, вы не допустите в мои владения это жалкое посмешище над колли – толстолобое, вислоухое, хвост кренделем... да. Что вы на это скажете?

Он ждал, фыркая и усмехаясь про себя от счастья, покуда Сэм Керраклаф мялся и горбился в смущении. Но тут радостно вмешался с ответом мальчик:

– Ох, нет, сэр. Она большую половину дня будет ждать меня у школы. А кроме того, через день-другой мы приведем ее в такой вид, что вы ее и не узнаете.

– В этом я не сомневаюсь, – буркнул герцог, затопав к своей машине. – Не сомневаюсь, что вы отлично сумеете это сделать. Гм!.. Да, я бы нипочем...

Позже, уже в машине, девочка тесно прижалась к старику.

– Но-но, не ерзай, – вскинулся он. – Не выношу, когда ерзают!

– Дедушка, – сказала она. – Вы добрый... я про то, как вы с их собакой...

Старик откашлялся.

– Вздор! – проревел он. – Вздор! Когда ты вырастешь большая, ты поймешь, что я то, что люди называют «бесчувственный, расчетливый йоркширец». Три года назад я поклялся, что эта собака будет моей. И вот я ее получил.

Он медленно покачал головой.

– Только чтоб ее получить, мне пришлось купить и ее хозяина... Ну и хорошо! Это, пожалуй, не худшая половина сделки.

Глаза двадцать вторая ВСЕ, КАК В СТАРОЕ ВРЕМЯ

Когда юный Джо Керраклаф сказал, что через несколько дней его собаку будет не узнать, он был прав или не прав, смотря по тому, как, по-вашему, должна была выглядеть его собака.

Разумеется, если бы вы стали искать вислоухое, с задранным хвостом страшилище, которому его отец придал, этот неприглядный вид в нехитрой попытке, не преступив строгих правил чести, сберечь собаку для сына, то вы бы никак не узнали ее. Но если бы вы стали искать ту гордую, полную грации колли с изящной узкой мордой, которая была известна всей округе как Лесси Сэма Керраклафа, вы ее нашли бы.

Она была тут, на месте, и за несколько недель благодаря умелому уходу и правильной кормежке постепенно расцвела в ту собаку, какой была когда-то. Угловатость и втянутые бока исчезли, чему несомненно помогли годы должной заботы, в свое время создавшие крепкий склад. Снова пышная шерсть переливалась из черни в белизну, красивая на загляденье! Осталось только легкое прихрамывание – память о пуле, задевшей бедро. Мышцу стянуло, и, сколько Сэм Керраклаф ни старался, сколько ни колдовал, он со всеми своими секретами никак не мог окончательно это исцелить.

Все же он исправил и этот изъян – он массировал собаке больное бедро и втирал в него всякие мази, покуда прихрамывание не стало совсем легким: только опытный собаковод приметил бы, что собака чуть-чуть припадает на ту ногу при медленной ходьбе. В глазах хоть какого любителя, кроме самого опытного собаководы, Лесси была бы прекраснейшим созданием природы – безукоризненной колли.

И каждый будний день, без пяти четыре, лавочники Гринол-Бриджа выглядывали, как бывало, на улицу, видели горделиво идущую по тротуару собаку и приговаривали: «Можно ставить по ней часы». И всегда несколькими минутами позже Джо Керраклаф выбегал из школы и здоровался со своей собакой, и они счастливые вместе шли домой.

Все же, когда Джо пообещал герцогу, что собака всегда будет ждать его у школы, он и тут оказался не прав. Потому что настала пора, когда Лесси больше не показывалась у школьных ворот. Но, как ни странно, мальчика, по-видимому, это не тревожило. Он, казалось, когда шел домой один, был совершенно счастлив каким-то тайным счастьем.

В один из таких дней, когда он шел, посвистывая, по усыпанной гравием дорожке в имении герцога, он вновь увидел ту девочку.

Джо почему-то стало ее жалко. Она не выглядела плотненькой и крепкокостой, как обычно выглядели девочки в поселке.

– Здравствуйте! – сказал он.

– Здравствуйте! – ответила она.

Больше как будто нечего было добавить, но он все стоял.

– Я была в отъезде, в школе, – сказала она.

– Вот как?

– Да. А сейчас у нас каникулы.

Он думал, взвешивая ее слова.

– У нас каникулы начнутся только на той неделе, – объявил он.

Опять они оба помолчали, потом она сказала:

– Как Лесси?

Джо заулыбался радостной своей улыбкой. Он поглядел вокруг, как будто проверяя, не подслушивает ли кто.

– Вы можете зайти и посмотреть, – сказал он, как бы оказывая особую милость.

Он пошел впереди по дорожке и привел Присциллу к домику, где вдоль белого забора росли высокие мальвы всех цветов. Он открыл дверь.

– Мама, – сказал он, – я хочу ей показать.

– Что ж, заходите, барышня, – сказала миссис Керраклаф и, оправив на себе фартук, смахнула воображаемые крошки с белой скатерти на столе, накрытом к чаю.

Джо повел гостью за кухню, в прохладную комнату для мытья посуды, где в темном углу был установлен большой низкий ящик. В ящике лежала Лесси, а подле нее сбились в кучку семь толстеньких спящих мячиков из меха.

– Видите, – гордо пояснил Джо, – мы держим ее здесь, потому что в конуре ей было бы беспокойно. Ведь Лесси – она у нас комнатная собака.

Девочка присела на корточки и притронулась указательным пальцем к одному из меховых мячиков. Мячик икнул, точно пьяница.

– Они еще слепые? – посмеявшись вместе с Джо, спросила девочка.

Джо выпятил грудь:

– Нет, конечно. Что вы, глаза у них открываются, когда им десять дней от роду. А этим пошла четвертая неделя. Они уже бегают – только, мне кажется, они больше всего любят спать.

Он улыбнулся, видя, что Лесси поднимает голову. Осторожно погладил ее.

– Вы все о них знаете, да? – почтительно спросила девочка.

– Да нет, просто она уже однажды щенилась, – поскромничал Джо, – и я кое-что запомнил с того раза. У нас все идет, как шло тогда, правда, Лесси?

Сидя на корточках, он глядел на свою собаку. Все у них пошло, как в старое время. Он часто думал об этом в последние дни.

Когда девочка ушла после вежливых прощаний и приглашений заходить и впредь проводить щенят, Джо все еще думал ту же думу. Казалось, вот-вот ему откроется о жизни нечто такое, о чем он до сих пор по детским своим годам никогда не задавал себе вопросов.

Все у них пошло, как в старое время. Хотя жили они теперь в другом доме, все у них стало так, как бывало раньше, с год назад, в очень многом. Например, если он утром добавлял в овсяный кисель сахара полную ложку с горкой, мать больше не рывкала на него и не говорила:

«Знайте меру, молодой человек. Сахар стоит денег!»

Взрослые больше не прерывали своего разговора, если сын входил неожиданно в комнату, а когда он лежал в своей постели, их голоса не продолжали доноситься до него, то повышаясь, то падая в усталом споре. Больше его отец не приходил изо дня в день домой усталый и хмурый, неразговорчивый, не сидел у очага, неотрывно глядя на огонь.

Теперь, едва слышатся его шаги по гравию дорожки, миссис Керраклаф вскакивала и, шумно хлопотав, кричала:

– Смотри! Вот и отец идет! А ну веселей – ставим на стол жаркое!

Она принималась бегать от очага к столу, мечая из печи дымящиеся горшки и миски, как будто не было на свете ничего важнее, как выставить их все до одного за короткое время между секундой, когда слышались шаги, и той, когда отворится дверь.

А тогда она встанет, руки в боки, и скажет:

«Умывайся, Сэм, да поживей! Сегодня у нас овечья голова и клецки, а они ждать не любят!»

Так оно теперь и шло – совсем как в старое время. И отец сидел за столом, склонив голову над тарелкой, а потом поднимал глаза и спрашивал:

– Ну, а как сегодня дела у нашего Джо? Ты хорошо отвечал уроки, мальчик?

Когда-то так бывало и раньше. Потом все прекратилось. И вот опять пошло по-старому. Что же тому причиной?

В тот вечер Джо все время думал об этом за столом. Потом, когда убрали со стола и в комнату, важно ступая, вошла Лесси, он опустился возле нее на ковер и погладил ее, и ему додумалось, что он нашел ответ.

Все из-за Лесси! Ну конечно, только из-за нее! Когда она была в доме, все шло хорошо. Когда ее продали и увели, все пошло вкривь и вкось. А теперь, когда она вернулась, все стало опять хорошо, и все они счастливы.

«Она вернулась домой и принесла нам счастье, – думал он. – Да. Вернулась домой и принесла нам счастье».

Он тихо замурлыкал и зарылся лицом в ее пышные брыжи. Лесси довольно вздохнула.

Мать сказала:

– Брось, Джо, нечего кататься с собакой по коврам. Он будет весь в шерсти. И что это ты сегодня такой молчаливый?

Джо улыбнулся про себя. Он продолжал мурлыкать над собакой.

– Лесси-ласонька, ты пришла домой, – мурлыкал он ей на ухо. – Ты пришла домой, принесла нам счастье... Потому что ты всегда возвращаешься домой... Лесси-ласонька всегда возвращается домой!..

Но мать опять расшумелась.

– Вы меня слышите, Джо Керраклаф? Опять он ее тормозит... А когда у нее щенята, с ней надо осторожней. Пора бы тебе поумнеть!

Джо отодвинулся на пядь от огня и погладил довольную Лесси. Он озабоченно поднял глаза.

– Эге, отец, – сказал он, – я у нее прошупываю ребра.

Отец повернул свое кресло к очагу и, блаженствуя, протянул ноги, потом, улыбаясь себе самому, принялся разжигать трубку.

– Тебе не кажется, что она похудела, отец? – продолжал беспокойно Джо. – Я думаю, надо бы прибавить ей мяса и давать поменьше молока!

– А, ты так думаешь, да? – напустилась мать, собирая в стопку ошпаренные кипятком тарелки. – Вот как? Ты думаешь, ей надо прибавить мяса? Ну, ты бы не был Керраклафом, не был бы йоркширцем, если б не считал, что ты один на свете умеешь выхаживать собак, а все другие ни черта не смыслят... Право, мне иной раз кажется, что многие в нашем поселке о семье своей так не заботятся, как о своих шавках. Только и слышишь – собака, собака, собака... Вот откормит щенят, и отправится она, куда ей положено, и больше я не позволю заводить в моем доме собаку...

Тут Джо поднял взгляд на отца, который как будто потупился, а сам краешком глаза поглядывал на сына. И отец поднял руку и с комической важностью приложил палец к носу.

Этот жест имел свое тайное значение. Он означал:

«Ты на женщин, Джо, не обижайся. Нелегко им приходится – сиди дома и только знай, что мой, да скреби, да стряпай с утра до ночи, вот они и бранятся, чтоб отвести душу, а мы должны молчать, пока они не выпустят пары. Но мы-то знаем, что на самом деле они ничего плохого не думают, мы, мужчины, это знаем – на то мы и мужчины!»

Отец улыбнулся, Джо тоже: и стало вдруг так смешно при мысли об этом новом братстве мужчин, позволяющих женщинам браниться, что Джо засмеялся. Он смеялся все громче и громче, пока мать не обернулась:

– Ага, ты надо мной смеешься! Ну-ну, я тебя проучу! Вот всыплю тебе как следует!

И она принялась ловко стегать его посудным полотенцем. Джо перекувырнулся.

– Да я не над тобой смеялся, мама!

– А над кем ты смеялся?

– Я над отцом – он соорудил такую смешную гримасу!

Миссис Керраклаф обрушилась на мужа:

– А, так это ты? Ну-ну, всыплю сейчас и тебе!

Но, только она подошла, Джо увидел, как отец протянул большие сильные руки и одною стиснул матери лоснящиеся запястья, а другою обхватил ее обширный стан, и миссис Керраклаф оказалась в плену. Тогда отец поглядел на Джо и улыбнулся:

– Погляди на нее, Джо. Кто у нас самая красивая женщина на весь поселок?

– Моя мама, – смело сказал Джо, нисколько не покривив душой.

По лицу миссис Керраклаф прошел светлый луч.

– Оба хороши! – сказала она. – Что один, что другой – вы одной породы. Вы оба это говорите, чтобы ко мне подластиться.

– Нет, мальчик ответил честно и прямо на прямой вопрос. И потом... ты же и впрямь красивая...

– Ладно,пусти меня, Сэм Керраклаф. Я еще не кончила вытирать посуду!

Но отец все не хотел отпустить ее. Оба смеялись. И это было тоже совсем как раньше – его отец и мать снова такие счастливые.

Джо наклонил голову к собаке и забыл о них.

– Ты моя Лесси, ты пришла домой, – напевал он.

